
ИРИНА ВОРОБЕЙ
КУКОЛКА
Ничего и не было

Ирина Воробей

Куколка. Ничего и не было

«Литнет»
2025

Воробей И.

Куколка. Ничего и не было / И. Воробей — «Литнет», 2025

– Это… твой дом? – спросила она, признав в незнакомце вчерашнего бармена. – Ага, – кивнул он ошеломленно. Татьяна успокоилась, но лишь на секунду: "О, черт, что вчера было?". – Что я здесь делаю? – Ты меня узнаешь хоть? – тряхнул головой парень. – Да. Ты бармен. Мы пили текилу. – Отлично, – он улыбнулся. – А потом ты внезапно вырубилась. К тебе пристал какой-то мерзкий тип. Я его отвадил, но не знал, что с тобой делать, не знал ведь твоего адреса или знакомых. Телефон был заблокирован. В общем, пришлось везти к себе. Только не подумай, я не распускал руки. Он выставил ладони вперед и торопливо ими замахал, якобы подтверждая свою непричастность. Татьяна запаниковала: – Черт! Мама меня убьет!*** Провалив экзамен, Татьяна решила напиться и зашла в первый попавшийся бар. Нахальный бармен напоил ее, и утром она проснулась в его квартире. Такое с Татьяной никогда не случалось и, казалось, что и не может случиться. Она ведь была послушной дочерью. Всю свою жизнь посвятила балету. Мама оградила ее от всех неприятностей жизни. Ей надо было только стараться и не сходить с намеченного пути. И стоило однажды сойти, теперь вся жизнь наизнанку…# в меру нахал и не совсем нежный цветочек # оба неидеальны и катают друг друга на эмоциональных горках # та еще мать # много сложностей и обстоятельств # проблемы отцов и детей # самоопределение # глубокие чувства # сложные отношения # сильные эмоции # бармен и балерина1 часть трилогии. Отдельно читать не получится 2 часть:

© Воробей И., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Неудовлетворительно 6
Глава 2. Секс, кино и мозаика 15
Глава 3. Никому не нужные диски 31
Глава 4. Сюрприз 40
Глава 5. Подсолнухи 46
Глава 6. Дирижабль 52
Глава 7. Маленькая жертва 67
Глава 8. Стихия 75
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Глава 1. Неудовлетворительно

«Напьюсь здесь», – решила Татьяна. Впервые в жизни. И еле оттянула старинную дверь с латунными ручками, которая вела в подвальное помещение.

Войдя, она сразу почувствовала на себе внимательный взгляд. Смотрел бармен, один из трех, в мятной футболке, с темно-русыми волосами и косой усмешкой. В руках, жилистых и сильных, он держал комок белой тряпки. Татьяна невольно всмотрелась в эти веселые карие глаза, которые изучали ее нахально, будто всегда имели на это право и только сейчас решили им воспользоваться.

От неловкости она даже дыхание затаила, растерялась, остановилась на пороге. Не двигалась, пока ее не оглушила электронная музыка с грубыми, заставляющими вибрировать все тело, басами. Примитивные биты совпадали с ритмом ее сердца.

Татьяна наконец вырвалась из плена карего взгляда и огляделась. Компании покрупнее смеялись за столиками. Парочки ворковали по углам. Барную стойку преимущественно облепили одиночки. Татьяна присоединилась к ним, просто потому что не нашла иного места, и села на самый край, подальше от глазастого бармена.

Сразу стало жарко. Она сняла с себя шарф, плащ и лишь в конце шляпу. Как только убор лег на столешницу, послышался мужской голос:

– Привет, Подсолнух, – бармен глянул на широкополую горчичную шляпу, которую Татьяну придерживала рукой. – Чего желаешь?

Она раскрыла рот от возмущения его фамильярностью, но не нашла что сказать, поэтому закрыла обратно. Парень задорно улыбался, разглядывая ее лицо, которое розовело и нагревалось. «От негодования», – убеждала себя Татьяна. Хотя в голову лезли навязчивые мысли о том, какие у него глубокие глаза, добрая улыбка и крепкие руки. Ей бы хотелось, чтобы эти руки сжали ее, хрупкую и тонкую, в объятиях. Но дымка слабости тут же развеялась. Татьяна кашлянула для уверенности и, стараясь не отводить взгляда, ответила:

– Во-первых, мы с вами не знакомы, чтобы вы обращались ко мне на «ты». Во-вторых, я – не подсолнух! В-третьих, полагаюсь на ваш вкус.

– Окей. Мне нравится секс на пляже. Сделаем? – бармен легко проигнорировал ее замечания.

– Что?!

В сознании за секунду пробежала целая тысяча мыслей, среди которых было и разочарование. Несмотря на всю свою наглость, парень производил приятное впечатление. Где-то глубоко, из-под толстого слоя маминых нравоучений, даже мелькнуло потаенное желание согласиться на дерзкое предложение, но Татьяна отмахнулась от него, как привыкла делать со всеми глупыми идеями, которые мама не одобряла.

– Я польщена, что вы информируете меня о своих интимных предпочтениях, но я хотела бы что-нибудь выпить.

Бармен в голос рассмеялся.

– Это коктейль... так называется. Тропический, свежий, сладковатый. Солнечный, как и ты.

Он подмигнул. Татьяна насупилась, поняв, что оплошала. «Кто придумывает такие дурацкие названия?» – досадовала про себя. Но потом, успокоительно кивнув, согласилась. Жар стыда от собственного невежества выступил румянцем на худых щеках.

– Семьсот рублей, – сказал бармен.

Татьяна не ожидала такой высокой цены, ведь здешний пролетарский интерьер обещал дешевизну всего, но не стала подавать виду. Она и так опозорилась ниже плинтуса, поэтому

молча и с неохотой расплатилась картой. Стипендию ей особо тратить было не на что, но на нее с такими ценами она здесь вряд ли могла напиться.

Оплатив заказ, Татьяна демонстративно отвернулась. Решила изучить обстановку и людей вокруг, лишь бы не краснеть под его пристальным взглядом.

Небольшое помещение расширял высокий потолок. На нем проглядывали бетон и все коммуникации, которые специально выпятили наружу вместо того, чтобы скрыть. Освещало зал множество тусклых ламп накаливания, какими пользовались еще в девятнадцатом веке. Они придавали таинственности, навевая пугающие мысли о том, что могло твориться в этом темном подвале столетие назад.

Наперекор всей мрачности окружения стена справа от входа была отделана разноцветной керамической мозаикой, каждая крупица которой приятно поблескивала в почти фонарном свете. На изображении дирижабль уходил хвостом в крутую перспективу. Вокруг него плотными воздушными сгустками вились облака во всех оттенках синего. Небо углублялось цветом индиго, в нем точками горели звезды. Все пространство картины прорезали зигзагообразные молнии разной длины, тоже созданные из белых плиточек. Внизу под дирижаблем панорамно был представлен город, словно с высоты полета самолета. Поверх всего тонкой пленкой серебрились косые линии дождя, слепленные из прозрачных мелких стеклышек. Дирижабль несмотря на грозу поднимался ввысь. А в самом-самом низу были грубо написаны краской три буквы: «VDM», которые неизвестно что означали.

Татьяна не умела ценить искусство, но эта картина ей понравилась с первого взгляда, потому что имела эмоциональную глубину. И внушала надежду. Она сама не понимала, на что, ведь надеяться ей теперь было не на что и не на кого.

Сегодня был важный день, но Татьяна его провалила. Она старалась из последних сил. Изматывала свой организм до предела. По утрам расшатывались нервы, в обед страдал желудок, вечером болели ноги. Но больше всего ныло сердце. За маму.

Татьяна боялась даже представлять, как она будет расстроена. Мама ведь вложила в нее всю душу, лишь бы она танцевала и исполнила мамину несбывшуюся мечту – стать примой. Мама избавила Татьяну от всех забот, оборудовала комнату специальным покрытием и станком для дополнительных тренировок, исполняла все ее прихоти, сама работала не покладая рук. Ни на секунду не сомневалась, что получится. И чем больше мама верила, тем больше Татьяна ее подводила. Хотя из кожи вон лезла, чтобы оправдать мамины ожидания. И до последнего года это кое-как получалось.

День начался стандартно. Как и предыдущие дни за все восемь лет, что она училась в академии. Ранний подъем, плотный завтрак, разминка и толкотня в автобусе в час пик до места учебы. Небольшая прогулка под дождем. Кусочек серого неба. Глоток запыленного воздуха. Наконец, деревянные двери здания-памятника архитектуры.

Внутри длинный коридор, полутемный, полусонный, в котором вполне могли завестись и прижиться привидения. Потом большой и светлый зал со спертым воздухом, впитавшим в себя пот тысяч студентов. А затем тренировки, прыжки, фуэте и многое другое, что изнуряли до изнеможения. Опять нужно было демонстрировать легкость и четкость выверенных движений. Вновь мучить тело с целью восхитить чужие взгляды. Снова пытаться передать красоту через боль и терпение.

Этот день отличался только одной маленькой деталью – наличием экзаменационной комиссии, состоящей из важных людей в театральной сфере, от степени восхищения которых во многом зависела судьба выпускников.

Татьяна вспоминала, как готовилась к выступлению на экзамене, как стояла под дверью зала и пыталась усмирить сердце, как влетали в прыжке высокая и воздушная Муравьева, затем ловкая и быстрая Даша, а потом пришлось и ей, слабой и дрожащей.

Первый прыжок дался несложно, но ноги становились ватными, чуть не сломались на приземлении. Затем фуэте. Муравьева справилась превосходно. Устремила длинную, изящную ногу вверх, обернулась и упорхнула в дальний угол. Сердце Татьяны забилось в такт аплодисментам, которыми разразилась комиссия после Муравьевой. За ней повторила то же самое Даша. Настал ее черед.

Она оторвала онемевшую ногу от земли, подтолкнула себя вперед и хотела вспорхнуть как Муравьева, но с грохотом приземлилась на гладкий пол, словно неоперившийся цыпленок. Поймала испуганный взгляд Муравьевой, услышала краем уха, как цокнула Даша, и взглянула на испещренное морщинами лицо Афанасия Семеновича Прохорова, ректора академии, сидевшего в центре комиссии. Уголки его губ опустились, и кривой рот сжался в легком недовольстве.

Остальные судьи смотрели на Татьяну, как на камень. И она ощущала себя им. Отвердевшим от стечения времени, закаленным тяжелыми условиями, неподъемным, но легко разрушимым, если бить в определенную точку, валуном. И эта тяжесть не дала ей совершить следующий прыжок. Ноги словно обмякли. Боль оцепила стопу. Минутная жалость, промелькнувшая в глазах Муравьевой, сковала Татьяне сердце. Получилось неудовлетворительно.

– Прошу, – услышала она приятный голос бармена.

Татьяна не понимала, как так выходило, что сам он весь ее раздражал, но все по отдельности в нем нравилось.

Она повернулась обратно к стойке, на которой стоял фигурный бокал с оранжевой жидкостью и со льдом внутри. На стенке висела крупная долька апельсина. Из жидкости торчали две трубочки: одна – прямая, а вторая – изогнутая буквой «Г», и бумажный мини-зонтик. Татьяна уже подумала, что бармен специально вставил две трубочки, ведь она видела в кино, как парень с девушкой флиртуют, пока пьют коктейль из одного бокала, но, осмотревшись по сторонам, поняла, что у всех посетителей с коктейлями так, и прикусила губу.

Татьяна глотнула на пробу немного. Спирт почти не ощущался, его перебивали свежие и сладкие соки и сиропы. Вкус оказался экзотическим и насыщенным. Захотелось еще, и Татьяна сделала большой глоток.

– Интересно, а на «Поцелуй на пляже» ты бы согласилась?

Парень заманчиво улыбнулся. Белоснежная, хоть и неровная, с выступающими вперед верхними клыками, улыбка волновала Татьяну. Снова где-то на дне подсознания она ответила «да», но внешне сохраняла холодное спокойствие, как привыкла делать всегда, когда парни пытались с ней заигрывать.

Мама учила, что настоящая женщина должна немножко пренебрегать мужчиной, дабы подольше сохранить его интерес. На собственном опыте Татьяна чаще сталкивалась с обратным эффектом: видя ее неприступность, парни быстро отставали. В большинстве случаев это был желанный результат, но иногда хотелось, чтобы незнакомец пытался еще.

Она хмыкнула, одарив бармена коронным высокомерным взглядом.

– А что, есть и такой коктейль? – самодовольство от собственной находчивости сквозило в голосе.

– Сейчас будет, – хмыкнул он.

Парень отошел к зеркальной стене, полностью завешанной стеклянными полками и уставленной бутылками. Взял несколько из них, уже опустошенных наполовину, и смешал в шейкере. Затем порезал фрукты туда же, добавил пару специй, расколол лед и начал все это трясти. Через пару минут перед Татьяной возник второй коктейль: розоватого цвета, тоже со льдом, но теперь помимо трубочек его украшала долька лайма, а внутри плавали кусочки зеленого винограда.

– Комплимент от шеф-бармена, – ухмыльнулся парень. – Попробуй. Если понравится, включим в меню.

Татьяна еле сдержала улыбку в уголках губ. Ей понравилось, как он быстро и ловко придумал и сделал новый коктейль. Специально для нее. Но голос мамы в голове звенел как пожарная сигнализация и предупреждал: «Будь сдержанней! Пренебрегай!». Поэтому, прежде чем сделать глоток, она спросила о цене.

– Это же комплимент, – бармен раскрыл ладонь, как бы жестом показывал, что все даром, но тут же опроверг свои действия. – Поэтому всего пятьсот рублей.

Татьяна нахмурилась и отодвинула бокал от себя, решив закончить на этом флирт, но он весело засмеялся и пододвинул бокал обратно к ней.

– За счет заведения. В целях дегустации.

Она недоверчиво взглянула на весельчака и попробовала новый напиток. Он оказался еще вкуснее и насыщенней, чем предыдущий. В нем было все ровно то, что нравилось Татьяне: и сладость, и кислинка, и свежесть. Но признаться в этом она посчитала лишним. В приверженности стратегии матери самым верным шагом ей показалось отвергнуть этот комплимент.

– Ну, как тебе «*Поцелуй*на пляже»?

– Приторно. «Секс» лучше, – выдала она экспертное мнение.

– Полностью с тобой согласен, – с энтузиазмом подхватил парень. – Секс всегда лучше поцелуя.

Татьяна опять с трудом сдержала улыбку, хоть в уме и пристыдила его за похабную шутку. На ее тонкой коже смущение всегда очень сильно выделялось, поэтому оставалось уповать только на приглушенный и неотчетливый свет дизайнерских ламп. Ему в лицо она закатила глаза и продолжила пить свой «Секс на пляже», который после «Поцелуя» казался пресным. Парень смотрел все так же нахально.

Сидящая рядом пара попросила повторить им напитки, и бармен принялся исполнять заказ, уйдя в другой конец стойки. Татьяна наблюдала за ним: как резко он двигался, как небрежно подкидывал фрукты, как успевал параллельно посмеяться с уже пьяными клиентками, как что-то объяснял коллегам, то и дело отвлекающим его от работы. Свободные и четкие движения завораживали.

Он совершенно не стеснялся себя, не держал спину идеально прямо и не беспокоился о том, как уложены волосы. Они торчали во все стороны, и это не смотрелось уродливо. Напротив, даже лучше, чем вылизанная гелем и аккуратно укладываемая часами прическа. Мятное поло следовало бы погладить, а лучше выбросить, ибо оно уже почти выцвело (у Татьяны имелись небезосновательные подозрения, что раньше оно имело насыщенно-зеленый цвет), но и это его не смущало. Несмотря на весь свой несовершенный вид, он держался уверенно и, что главное, свободно. Татьяне этого недоставало.

Чтобы чувствовать себя комфортно, ей приходилось долго и упорно приводить внешний облик в порядок. Аккуратности от нее требовали преподаватели, мама и даже подружки, которые сами страдали от того же, но больше всего требований предъявляла к себе она сама. Поэтому Татьяна смотрела на бармена широкими глазами, как на представителя иной цивилизации.

Она думала, что парень не замечает ее, но потом он вдруг подмигнул из противоположного угла. Татьяне тут же захотелось спрятаться под стойку. Она сделала вид, будто уронила что-то и наклонилась за этим, чтобы перевести дух. Щеки обожгло жаром. Кожа в мгновение стала пунцовой. Наклон был не самым лучшим выходом в этой ситуации, ведь кровь еще больше прилила к голове, но Татьяна осознала это, только когда поднялась. Бармен уже стоял напротив нее.

– Нашла, что искала? – он пытался заглянуть за стойку, но столешница была широкой, поэтому даже с высоты его роста это бы не удалось сделать.

– Да, спасибо, – Татьяна поправила обтягивающее платье.

Чтобы хоть как-то отвлечь от себя внимание, она увела лицо в сторону и потянула из трубочки коктейль, да так сильно, что выпила зараз почти все. В бокале остался один только лед.

– Повторить?

– Да, пожалуй.

Татьяна уже и забыла, почему хотела напиться, но то, что хотела напиться, не забыла. Теперь появился новый повод. Ей стало стыдно, что он так легко словил ее на подглядывании. «Пренебрегай! Он же тебе никто! Почему ты волнуешься?» – пыталась настроить она себя на нужный лад.

Пока бармен готовил коктейль, Татьяна хотела оглядеться, посмотреть на людей, что они делают, что пьют, кем друг другу приходятся, но взгляд постоянно возвращался за барную стойку. Все остальные казались неинтересными. Татьяна винила в этом громкий шум перемалывания льда в шейкере, который тряс парень. Хотя рядом то же самое делали другие бармены, но на них Татьяна не обращала внимания.

Пользуясь моментами, пока он разговаривал с другими посетителями или с коллегами, она с неприкрытым любопытством наблюдала за барменом. Рассматривала мимику, искренний смех, резкие жесты, татуировки на руках. Разобраться в этой разноцветной каше оказалось сложно, но Татьяна настойчиво пыталась. Даже выделила в хаосе линий и красок очертания хвоста дракона, но вот его морду найти уже не удалось, потому что парень пропал за шторками.

Только теперь она смогла оглядеться и вслушаться в пустые разговоры окружающих. Людей волновало разное. Кто-то выяснял отношения, кто-то обсуждал хоккей неактуально в мае, кто-то делился дорожными приключениями. У каждого была своя жизнь.

А у Татьяны вся жизнь была один сплошной балет. И она вдруг почувствовала себя ущербной от этого. Балет для нее закончился, закрылся навсегда, а она осталась. Без смысла, без цели, без надежды. Все, ради чего они с мамой работали столько лет, испарилось одним махом. Такая тягучая тоска взяла Татьяну за душу, что она присосалась губами к трубочке и потянула в себя успокаивающую жидкость. Хотелось заполнить угнетающую пустоту.

– О чем пьешь? – внезапно появился бармен, будто умел трансгрессировать[1].

– В смысле?

Татьяна поежилась на стуле, который сразу показался ей неудобным.

– Ну, повод есть?

– Это обязательно?

– В твоем случае да, – с апломбом профессионала проговорил парень. – Ты явно пьешь в первый, максимум второй, раз в жизни. Пьешь одна. В незнакомом баре. Вроде никого не ждешь. Судя по оптимистичному наряду, – он оглядел ее белое платье с крупными желтыми цветами, – похороны близкого отпадают. На отчаявшуюся девственницу, которая решила напиться и потерять невинность с первым встречным, ты не похожа.

– С чего вы взяли? Может, я как раз девственница, – нахмурилась Татьяна и натянула платье ближе к коленям.

– Но не отчаявшаяся же, – он усмехнулся. – В твои-то годы и с твоей-то внешностью.

– Видимо, стоит принимать это за комплимент? – она непроизвольно кокетничала, а потом сама себя остановила и опустила растерянный взгляд.

– Ну, если сойдет за комплимент, тем лучше, – парень снова широко улыбнулся. – И все же? Я думаю, проблемы в учебе.

Татьяна не хотела изливать душу первому попавшемуся бармену, даже если он был так мил и красив. Тем более потому, что он был так мил и красив. Не хотелось рассказывать ему, какая она неудачница.

– Не ваше дело, – Татьяна отвернулась и сделала глоток, оказалось, последний.

Бармен это заметил и легким движением руки достал из-под стойки два шота. Правой схватил бутылку с прозрачной жидкостью и разлил по стопкам, разбрызгав при этом прилично много на барную стойку. Потом достал кофейное блюдце с уже нарезанными дольками лайма. Пальцами обсыпал тонкие края солью и, подвинув один шот Татьяне, взял себе второй.

– Свое дело я делаю, – без издевки улыбнулся он, приподнял стопку в честь нее и выпил залпом, не поморщившись, а затем высосал из лайма весь сок и кинул его куда-то под стойку, жестом показывая повторять за ним.

Татьяна не без опаски сделала то же самое. Жидкость на вкус была едкой, обжигающей, а вперемешку с солью давала двойной эффект. Пищеводом она чувствовала, как горечь опускается на дно почти пустого желудка. От этой ядовитости Татьяна зажмурилась и забыла взять лайм. Парень почти впихнул ей закуску в зубы. Кислота немного приглушила горечь, но послевкусие все равно оказалось малоприятным.

– Что это было?

– Текила. Мексиканская водка.

– Гадость, – все еще морщилась Татьяна.

Наступила недолгая пауза. Парень как будто ждал ответа на ранее заданный вопрос, а она ждала продолжения разговора, но в другом русле. Он вдруг отступил и перестал брать инициативу. От этого стало неловко. Но только ей. Бармен же безо всякого стеснения разглядывал ее с головы до груди, насколько позволяла стойка.

– А ты о чем пьешь? – спросила Татьяна с любопытством.

– Ни о чем, – удивился парень. – Я же бармен.

– Мне кажется, это уже повод напиться.

Он вопросительно взглянул на нее.

– Ну, неужели ты доволен своей жизнью?

– Ты ничего не знаешь о моей жизни. С чего бы мне быть недовольным?

– Ну, хотя бы с того, что ты бармен.

Парень поднял бровь.

– Поясни.

– Ну, ты всю жизнь планируешь быть барменом? Мама всегда говорила мне, что эта работа является дном социальной лестницы без возможности подняться. Она имела дело с барменами в молодости. Она знает, о чем говорит.

Татьяна смотрела с вызовом. Парень немного опешил. По лицу пробежала микроэмоция гнева, но он тут же пришел в себя и усмехнулся. Татьяна осознала свою грубость и покраснела. Он не заслужил такого обращения.

Да, он был барменом, обслуживающим ее, без перспектив на будущее и с большой вероятностью остаться на дне общества, но это ведь не повод его оскорблять. Мама учила, что к таким людям нужно относиться снисходительно. Но глядя на этого парня, Татьяна не могла его жалеть. Он был красив, молод, пышел здоровьем и харизмой и совсем не производил впечатления несчастного неудачника. Татьяна и сама не понимала, почему вдруг заговорила об этом, потому винила во всем алкоголь. В глубине души ей хотелось его задеть, но получилось не за ту струну.

– Мама, разумеется, херни не скажет. Но ты не думала, что это только лишь ее опыт? – бармен уставился на нее в упор.

Слишком прямой взгляд смутил Татьяну. Ресницы задрожали. Она не нашлась, что ответить, да и, оказалось, не требовалось. Он рассудительно продолжал.

– Я не говорю, что меня впереди ждут горы золота и всемирный почет, но, судя по опыту моих знакомых, успеха можно добиться в любой области, – парень взмахнул рукой в никуда, но глаза не увел. – И вообще, все в жизни субъективно. Не все гонятся за славой и деньгами. Я стараюсь жить так, чтобы в будущем сильно ни о чем не сожалеть. И пока все так и происходит,

– он пожал плечами, опустив уголки рта. – Может, стандартного успеха в деньгах я пока не добился, но не обязательно всем добиваться успеха, если понимать его только как результат.

– Ну, почему сразу в деньгах? Успех может выражаться в уважении, в признании публики, – возражала Татьяна, а у самой в голове крутилась фраза «Не обязательно всем добиваться успеха». Новую идею еще предстояло осмыслить.

– И не только в этом. Успех тоже субъективен. Он может выражаться даже в чужих успехах. Как, например, у моего друга-тренера по шахматам. Для меня успех может заключаться и в самом процессе, если он приносит удовольствие.

Одурманенный текилой мозг Татьяны глубоко задумался над его словами. Она зависла и перестала реагировать на бармена, углубившись в свои переживания. Парень только хмыкнул и снова отошел выполнять чей-то заказ.

Мысли крутились бешеным хороводом в голове Татьяны, но ни одну она не могла поймать за хвост и додумать. Они просто то выныривали из общего потока на секунду, ошеломляя ее, то пропадали вновь, погружаясь на самое темное дно души. Думалось сразу обо всем, вспоминались мамины нотации и советы преподавателей, дурацкие мемы и подбадривающие мотиваторы. Среди прочего крутилась и фраза бармена о концепции успеха как процесса. Она прокручивала ее раз за разом, словно пыталась изучить со всех ракурсов, но пока не осознавала.

Выйдя из транса, Татьяна увидела, как две девушки приставали к бармену. Одна уселась на стойку, выпячивая свои прелести наружу, чуть ли не ему в лицо. Парень только посмеивался, но реагировал на такой откровенный соблазн весьма спокойно, будто уже немало насмотрелся.

Татьяна фыркнула на такую пошлость и отвернулась. Ей вдруг стало неловко за представительниц своего пола. С другой стороны, она им даже завидовала, тому, что они могут вести себя так раскрепощенно и не стыдиться этого. Она себе такого ни в каком пьяном угаре позволить не смогла бы.

Когда коктейль закончился, Татьяна с желанием принялась за тот «приторный», пользуясь моментом, пока бармен ее не видит. Алкоголя в нем было явно больше, потому что он чувствовался на вкус. Обрамлял его дынный сироп. Свежести добавляли мята и арбуз. Лед уже немного подтаял и разбавил коктейль пресной водой, но в сладости он потерял немного.

Люди вокруг отдыхали и веселились. Справа большая компания поразила весь бар громогласным хохотом. Его приглушила мелодия в стиле латиноамериканских танцев. Под такую бедра сами шли в пляс. Танцплощадка в центре бара потихоньку заполнялась. Татьяна тоже стала покачивать головой в такт музыке.

– Я смотрю, от безысходности тебе пришлось выпить и «Поцелуй»? – услышала она уже знакомый сарказм. – Бедняжка.

– Кхм-кхм. Я просто хотела напиться. А так он отвратительный!

В подтверждение своих слов Татьяна отодвинула почти пустой бокал и скрестила руки на груди.

– Если хочешь быстро напиться, мой способ эффективнее. И не такой приторный, – бармен подмигнул. – Еще по шоту?

Она кивнула. Парень повторил манипуляции со стопками и текилой. Они снова выпили. На этот раз Татьяна заранее приготовила дольку лайма и успела сразу им закусить. Так было чуточку вкуснее. Действительно, текила работала быстро и качественно. Сознание закружилось. Говорить стало сложнее, а хоровод мыслей превращался в ураган.

– Так о чем все-таки пьешь? – повторил вопрос бармен трезво и настойчиво.

В сознании Татьяны все расплывалось. Голова отяжелела. Захотелось подпереть ее одной рукой, а самой облокотиться на стойку. Боль, которую она тщательно пыталась скрыть от всех и в первую очередь от себя самой, притупилась. И все воспринималось теперь не таким важным, каким было всего пару часов назад.

– Будущее свое хороню, – неожиданно для себя ответила Татьяна.

– А вскрытие что показало?

Она улыбнулась такой постановке вопроса. Парень был совершенно серьезен и даже немного напряжен. Навострил слух, чтобы слышать ее тонкий голос из-под насыщенной музыки, потому что Татьяна говорила откровеннее и тише. Он уперся обеими руками в барную стойку, а глазами впился в ее красное от духоты и алкоголя лицо.

– Врожденный порок неудачницы, – Татьяна зажмурилась, чтобы сдержать слезы, которые , наоборот, выкатились из глаз. Одна из них разбилась о сосновую столешницу, а вторая впиталась в цветоложе одного из подсолнухов на платье.

– Я знал, что дело в учебе.

На лице бармена промелькнуло выражение торжества и застыло в самодовольной улыбке.

– Не совсем,– Татьяна заплакала.

Вспомнила, как мама впервые поставила ее у станка. Она была тогда еще в том возрасте, когда воспоминания не сохранялись. Но это запечатлелось. Всего один эпизод: молодая мама улыбается, подводит ее к перекладине на двух ножках, похожей на маленькую вешалку, и показывает, как вставать в первую позицию. Татьяне больно и неудобно, и она плачет. А мама не реагирует и выкручивает ей лодыжки. Дальше Татьяна помнила себя лишь такой, которая легко могла вставать не только в первую, но и во вторую, и в третью позицию.

А сегодня она стояла у станка в экзаменационном зале, как та трехлетняя девочка. Ей было больно и неудобно, хотелось плакать. Но рядом была уже не мама, а пятеро малознакомых людей, суровых, ожидающих от нее великих свершений и превосходного мастерства, которым она не владела. Вставая после падения, Татьяна услышала очень тихое замечание от Прохорова: «Кривоножка». В опустошенных глазах экзаменаторов, потерявшим к ее выступлению всякий интерес, Татьяна увидела собственное будущее: густую тьму, полную безызвестность, пустоту одиночества, безделье и ненужность. Не дав ей закончить, Афанасий Семенович тяжело вздохнул, стараясь не смотреть на Татьяну, будто видеть ее больше не мог, и сухо попросил позвать следующего.

Алкоголь приглушал боль, сжигающую все нутро, но этот же алкоголь развязывал язык, расслаблял нервы и выпускал эмоции наружу. Татьяна сама не понимала, что с ней происходит. Она ведь никогда до этого не была пьяна и не думала, что может так запросто взять и расплакаться перед незнакомцем в публичном месте.

– Кто ему дал право называть меня «кривоножкой»? Да, я упала, но с кем ведь не бывает. Он же педагог, в конце концов! – Татьяна начала возмущенным тоном, но постепенно скатилась на жалостливый писк и всхлипывания. Хоровод мыслей почти неосознанно вытекал наружу. – А Муравьева сказала, что балет – это не мое. Да какого черта?! Это не ей решать, мое это или нет. Но самое обидное, что она права. Это не я!

Она ударила ладонью о стол и разрыдалась.

– Это все мама. Она хотела, чтобы я стала прима-балериной, раз у нее не получилось. А я... я ее подвела... Она все делала, чтобы я только занималась, она так в меня верила... – Татьяна все ниже опускала голову на стойку. Хотелось выбить саму из себя. – Я разбила ей сердце. Она меня не простит. Я должна была лучше стараться. Но я не могла. Я и так из последних сил танцевала. Я, правда, я, правда, не могла...

Она посмотрела на бармена с извинением, представляя мамино лицо, шмыгнула носом, осознав, что мамы здесь нет, и снова проревела: «Ааа». Парень вздохнул, но не перебивал. И Татьяна не останавливалась. Выплескивала все до последней мысли.

– Муравьева – балерина от бога, а я так... Никчемность! Неужели все это было зря?! Столько сил! У меня ведь даже детства нормального не было. Только балет. Эти вечные тренировки, репетиции, спектакли. Жесткий график, жесткие диеты. И все только смеются над тобой. Даже подружки... У меня и парня никогда не было. Из-за этого гребаного балета... А

теперь все напрасно. Надо же так… провалиться на госе! Меня теперь не допустят к выпускному спектаклю. И восемь лет – в трубу!

Татьяна рыдала в голос, грудь сильно раздувалась и сдувалась, слезы текли ручьями. Люди в баре оборачивались на них. Бармен озирался и неловко пожимал плечами. Вид у него был потерянный и в то же время сочувствующий. Он достал из-под стойки бумажные салфетки и протянул Татьяне. Она их приняла с благодарностью и высморкалась.

– Еще шот, – сказала, слегка успокоившись.

Парень убрал грязные салфетки и положил перед ней почти целую пачку чистых, а затем приготовил еще одну стопку текилы.

– А ты? – жалостливо спросила Татьяна, глядя на одинокий шот перед собой.

Бармен молча налил и себе. Так же молча они выпили. И потом еще какое-то время молчали. Парень смотрел на нее с любопытством и эмпатией, а Татьяна отводила опухшие красные глаза. Ей стало стыдно и за то, что она неудачная балерина, и за то, что расплакалась перед ним, и за то, как сейчас выглядела. Представляла себя размякшей помидориной, увлажненной рассолом из слез.

К ее счастью, бармена позвали две девушки с другой стороны стойки, теперь еле стоящие на ногах. От них исходил пар – они только что вернулись с танцпола. Щеки у обеих были красные, волосы растрепаны, юбки, и без того мини, задраны до неприличия. Их заметно шатало. Держась за стойку, обе выпячивали полуголые попы на всеувидение. На это быстро среагировали парни с танцпола и примкнули сзади.

Татьяна испугалась, что может довести себя до такого же состояния. Теперь ей ничто не казалось невозможным. Она осмотрелась по сторонам. Бар под завязку заполнился опьяневшей толпой, напоминавшей банку с червями. Танцующие так же некрасиво извивались под плавную музыку, чуть ли не обвивая друг друга. Но на лицах под глянцевым слоем пота блестело удовольствие. Толпа заряжала весь бар своей энергетикой. Татьяна заметила, что даже сидящие за столами двигались под музыку.

Потихоньку плавные звуки, стягивающие движения, духота, смешанные запахи и больше всего алкоголь расплавили Татьянино сознание. Она легла головой на барную стойку. Теперь было плевать, что стало с ее любимой шляпой, и с сумочкой, и, наконец, с ней самой. Сзади она почувствовала объятие потных рук. Кто-то что-то говорил ей на ухо, называл красоткой, о чем-то спрашивал. Потом она услышала едва узнаваемый за приступом гнева голос бармена. Руки тут же отлипли от нее. Где-то на заднем фоне Татьяна еще различала музыку и крики. Потом мягкие руки подняли ее голову, бармен что-то озадаченно говорил ей в лицо, но она уже не разбирала и отключилась.

[1] Трансгрессировать – отсылка к вселенной «Гарри Поттера» Дж. Роулинг. Трансгрессия – перемещение в пространстве за считаные секунды.

Глава 2. Секс, кино и мозаика

Сначала в Татьяне проснулся желудок. Он заурчал вперед того, как она открыла глаза. А потом о себе дала знать голова, точнее, расколотая на тысячи кусочков черепная коробка. Возникло стойкое ощущение, что мозг весь вытек, и внутри образовался вакуум. Сознание кружилось, как в невесомости. По крайней мере, Татьяна так себе невесомость представляла.

Она перевернулась на бок и только потом открыла опухшие веки. Постельное белье сильно пахло кондиционером. Татьяна поморщила носик и протерла глаза. Приподнявшись на локте и схватившись за голову, осмотрелась.

Она лежала на раздвижном диване напротив окна, зашторенного портьерами шоколадного цвета. Светлые, с едва различимым геометрическим узором, обои кое-где отклеивались от стен. Древесно-серый ламинат на полу изрядно протерся. Сбоку от дивана стоял компьютерный стол, заваленный мелочевкой. Над ним висел плоский, но масштабный телевизор. Провода, как лианы, оплетали все вокруг и около. Зеркало на дверце шкафа-купе треснуло. По правую сторону окна находился стеллаж с книгами, мятой бумагой и разбросанной канцелярией.

Татьяна даже с похмелья ужаснулась тому, до чего хозяин довел эту квартиру своей неряшливостью. У них дома не было ни пылинки. Став директором танцевальной студии, мама даже уборщицу наняла, потому что сама уже не успевала заниматься домашними делами, но жить в такой грязи не могла себе позволить.

У окна Татьяна заметила кресло-кровать. И на нем кто-то спал. Она непроизвольно громко ахнула и тем самым разбудила его.

Парень вскочил на постели и в испуге огляделся. Когда его взгляд поймал Татьянин силуэт, оба вскрикнули.

– Это… твой дом? – спросила она, признав в незнакомце вчерашнего бармена.

– Ага, – кивнул он ошеломленно.

На секунду Татьяна успокоилась, но после запереживала: «О, черт, что было?». Первыми в голову пришли самые страшные версии развития событий. Она тут же осмотрела себя: платье плотно обтягивало фигуру, по ощущениям бюстгальтер и трусы тоже, и колготки давили на живот. Ее никто и не пытался раздеть. И спали они на разных кроватях. Татьяна с облегчением выдохнула.

– Что я здесь делаю?

– Ты меня узнаешь хоть? – тряхнул головой парень.

– Да. Ты бармен. Мы пили текилу.

– Отлично, – он улыбнулся. – А потом ты внезапно вырубилась. К тебе пристал какой-то мерзкий тип. Я его отвадил, но не знал, что с тобой делать, не знал ведь твоего адреса или знакомых. Телефон был заблокирован. В общем, пришлось везти к себе. Только не подумай, я не распускал руки.

Он выставил ладони вперед и торопливо ими замахал, якобы подтверждая свою непричастность. Татьяну это позабавило. Его искренняя улыбка располагала к доверию. Глаза слегка щурились. В них читалась растерянность и в то же время расслабленность. Но Татьяна резко вскрикнула, заставив и его встрепенуться.

– О, черт, мама! Мама меня убьет!

Парень застыл.

– Черт! Черт!! Черт!!! – причитала Татьяна, рыская рукой по постели в поисках смартфона.

– Телефон в сумке. Сумка в прихожей, – указал парень спокойным голосом, что сильно разнилось с ее полубешеным состоянием.

Татьяна соскочила с дивана и побежала к двери. Перед ней открылся темный коридор, в конце которого в общую черноте смешались тумба, одежда и обувь. В монохромной куче она легко отыскала белую сумочку и дрожащими руками достала смартфон. Он был разряжен. Зарядное устройство Татьяна с собой никогда не носила, потому что батареи с лихвой хватало на день, ведь некогда было пользоваться телефоном, а ночевала она всегда дома.

– Черт!

Татьяна плюхнулась на пол в полном непонимании, что делать дальше. Мама наверняка оставила тысячу пропущенных вызовов и полтора миллиона сообщений, допросила Дашу, близняшек и всех преподавателей, обзвонила все больницы и морги, устроила скандал в полицейском участке и подала заявку в «Liza Alert»[1], а сама бегала полночи по улицам, ища ее в каждой помойке, пока не свалилась от бессилия в каком-нибудь глухом переулке.

Татьяне очень захотелось позвонить ей и все рассказать, но потом она одумалась. Мама ведь ее вообще в порошок сотрет, если узнает, что она, сбежав после проваленного экзамена, напилась и переночевала у первого встречного.

«Она точно не поверит, что я после такого девственница», – испугалась Татьяна. Хотя ее саму терзали сомнения на этот счет, но хотелось верить бармену.

Было необходимо что-то срочно придумать. Татьяна совсем забыла, где и с кем находится, пока пыталась напрячь больную голову сгенерировать хорошее оправдание всей этой ситуации. Но пропитанный спиртом мозг очень туго соображал.

Вскоре в коридоре показался парень с вопросительным выражением лица.

– Все в порядке? – говорил он так, будто стеснялся.

– Разумеется, нет! – раздражилась Татьяна, сидя на полу к нему спиной. – Я не знаю, что сказать маме. Со мной еще никогда такого не случалось! Она меня убьет. Надо что-то придумать. У тебя есть зарядка?

– Ну, для моего телефона есть, конечно. Не знаю, подойдет ли тебе.

Он снова исчез в комнате и вернулся через минуту с белым блоком питания в руке. Татьяна взяла USB-провод и сравнила с выходом на своем телефоне. Было очевидно, что разъемы не совпадали, но она все равно попыталась вставить провод. Ничего не вышло. В бессильной злобе она швырнула зарядное устройство на пол. Парень спокойно поднял его, пробормотав:

– Аккуратнее, мне это, вообще-то, нужно.

Татьяна не обратила внимания, делала вид, что сосредоточенно думает о важном. На самом деле, просто злилась и проклинала себя и весь белый свет за то, что с ней вчера случилось. Будто это не она упала во время экзамена, будто не она сбежала от всех сразу после, будто не сама решила напиться в попутном баре. Она сидела спиной, но парень мог чувствовать разряды маленьких молний, испускаемых ее напряженным телом.

– Я могу воспользоваться твоим телефоном? – чуть менее раздраженно спросила Татьяна.

Он молча протянул телефон. Она набрала номер мамы и позвонила. Пока шли гудки, сердце успело сжаться до размеров атома, отдаваясь в груди соответствующей болью. Оно боялось даже биться, но потом волнение взяло верх, и пульс резко участился. Чем дольше мама не отвечала, тем быстрее раздавались удары. Наконец, Татьяна услышала знакомый голос. Он был встревожен.

– Мам, это я.

– Куколка, где ты?! Ты в порядке?!

– Д-да, все х-хорошо, – Татьяна растерялась. Соображать срочно в стрессовой ситуации не было ее сильной стороной.

– Ты понимаешь, что я уже все возможные телефонные номера обзвонила в поисках тебя! Где ты была, неблагодарная?! Ты хоть понимаешь, я всю ночь не спала! Места себе не находила! Я одновременно рада и очень-оочень-ооочень зла.

Татьяна вся сжалась под этими криками, хоть они и были всего лишь в телефонной трубке.

– Маам… я все объясню, – проговорила виновато. – Но главное, со мной все хорошо. Ты не переживай.

– Разумеется, с тобой все хорошо! А матери вот плохо! Меня чуть инфаркт не хватил! На маму тебе совсем плевать? Сначала провалила экзамен, а потом пошла шляться где-то всю ночь и звонит сама невинность, – мама так орала в трубку, что каждое слово разносилось по прихожей эхом. – Я, значит, улаживаю ее провал на экзамене, звонила тут Прохорову, унижалась, лишь бы тебе тройку поставили, а с ней, видите ли, все хорошо! Раз у тебя такое отношение к матери, не знаю, где ты и с кем, но домой можешь не возвращаться.

Раздались короткие гудки. Татьяна не сразу все осознала. Просидела минуту в шоке, проклиная собственную трусость. Потом увидела зеркало и захотела посмотреть на себя, несчастную. Лицо было опухшим. Обычно тонкие черты расплылись и погрубели. Растрепанные волосы походили на паутину, так же пушились и путались. От природы пепельные совсем потускнели. А серые глаза покраснели. В уголках засохли слезы вперемешку с тушью, превратившись в сухие черные корочки, которые тут же осыпались на щеки, когда Татьяна попыталась их стереть. Тональный крем растекся по всему лицу. Помада побагровела и расползлась по щекам с обеих сторон.

Захотелось рыдать, и она заплакала.

– Эй, ты чего? Не такая уж ты и страшная… – попытался пошутить парень.

Татьяна пуще разревелась. Он обнял ее, не сильно прижимая к себе, и аккуратно гладил ладонью по голове, пока она не успокоилась. Тогда, придя в себя, Татьяна застыла от неприличной близости, резко затихла и отпихнула его за плечи. Сердце опять заколотилось. Но не от страха.

Парень отпрянул и закачал головой. Большие карие глаза извинялись. Она в них вглядывалась, постепенно заливаясь краской стыда. Вспомнила, как непривлекательно выглядит сейчас. Срочно требовалось привести себя в порядок. Татьяна только смогла причесать неаккуратную прядь на плече. Словно прочитав ее мысли, он показал, где ванная, и оставил ее там на добрых полчаса.

Холодная вода благоприятно сказалась на лице и самочувствии в целом. Пухлость спала, с ней и краснота. Сняв испорченный макияж, Татьяна ощутила, как задышала кожа. После горячего душа все ее тело расслабилось, ломота пропала, голова стала соображать быстрее.

Парень гостеприимно предложил надеть его футболку и шорты, которые были настолько широки, что просто спадали с ее худенькой талии. Зато футболка по длине сошла за платье, и Татьяна решила обойтись только ей. В объятиях просторного хлопка она почувствовала себя гораздо комфортнее, чем в облегающем ситце и синтетических колготках.

После всех этих, казалось бы, стандартных процедур ее самочувствие и вместе с ним настроение улучшилось. Из ванной Татьяна вышла снова изящной и спокойной.

Парень хозяйничал на кухне. Пахло молочной кашей и кофе. Когда Татьяна показалась в проеме двери, он снимал с плиты маленькую кастрюльку. Там еще бурлила густая рисовая масса. Он бросил туда кусочек сливочного масла, а затем порезанное кубиками яблоко, и перемешал. Татьянин желудок заурчал во весь голос. Парень обернулся.

– Уже готово, – сказал улыбчиво и поставил на стол две тарелки, наполненные кашей. – Кофе пьешь?

Татьяна кивнула, усаживаясь за стол перед одной из тарелок. Она, как голодный хищник, облизнула губы, предвкушая интересную трапезу, ведь не знала, какой должна оказаться рисо-

вая каша на вкус. На протяжении всей жизни мама кормила ее на завтрак геркулесом. Татьяна обожала овсянку и не представляла свое утро иначе. А здесь было что-то другое, неизведанное, но пахло вкусно.

Она с любопытством набрала ложкой небольшую горку. Вкус поразил ее. Татьяна и раньше ела отдельно рис, отдельно яблоки и отдельно пробовала молоко, но никогда вместе. Каша оказалась сладкой и нежной с легкой фруктовой кислинкой. Это было непривычно. Первые две ложки Татьяна посмаковала, как гурман.

Вскоре перед ней возникла и чашка с черным кофе.

– А что сливок нет? – с претензией спросила она. Мама всегда готовила для нее молочный кофе.

Парень хмыкнул и достал из холодильника бутылку молока.

– А подогреть? – Татьяна пила кофе только горячим. Остывший он терял в насыщенности.

Поджав губы, парень исполнил ее просьбу.

– Спасибо, – довольно сказала Татьяна.

Парень усмехнулся и сел напротив. Сперва глотнул кофе, только потом приступил к каше.

– Приятного аппетита, – весело пожелала она и отправила очередную ложку в рот.

– Хм, давно мне никто не желал приятного аппетита за завтраком. Спасибо. Тебе тоже.

Татьянин взгляд тут же уловил «холостяцкость» его квартиры. Когда-то ремонт здесь делался с любовью и вниманием, на которое способна только женщина, желающая обуютить домашний очаг, но давно. Все потускнело. Здесь царил относительный порядок. Вещи лежали на своих местах, покрытые пылью. Татьяна сделала вывод, что парень пользовался кухней мало.

На столешнице гарнитура в ряд стояли бутылки с различными этикетками и наименованиями алкогольных напитков, что сразу выдавало его род деятельности. На холодильнике висела всего пара магнитиков и то рекламных, а не тех, которые привозят из отпусков. Не было никаких семейных фотографий, что Татьяну удивило, ведь мама любила вывешивать их совместные снимки и специально для памятных событий купила пробковую доску на кухню. Эта же квартира копила в себе только пыль и никаких следов семейной жизни.

Из декора на стене осталось плоское блюдо для главного яства праздничного стола, запеченной утки или пышного торта. Блюдо было стандартным, белым, с цветочным рисунком в центре и тонкими узорами на ободке. Интересным его делали уродливые линии, пронизавшие всю плоскость целиком, как шрамы, которые остаются на вечную память. Его явно собрали из осколков, идеально ровно.

Татьяне стало любопытно, почему парню давно никто не желал приятного аппетита и где его родители.

– Давно ты один живешь? – как можно деликатнее спросила она.

– Почти год. Как девушка меня бросила.

Он не поднимал глаз, фокусируясь на каше. Татьяна решила не продолжать тему. Она рассчитывала побольше узнать о его семье, а не о девушке, но сделала вывод, что родители не живут здесь еще дольше.

– Что будешь делать? – спросил он после минутной паузы.

– Не знаю, – вздохнув, Татьяна уставилась в магнит на холодильнике, рекламирующий доставку пиццы. – Надо что-то придумать в свое оправдание и снова позвонить маме.

– Почему просто не сказать правду?

– Ты что?! Мама никогда мне такое не простит. Она меня и так не простит. А так вообще убьет.

– Она… деспот?

– Нет, конечно, – с чувством ответила Татьяна. – Просто она меня очень любит. И переживает. И она в меня очень верила, все для меня делала, а я...

– Да, ты рассказывала вчера, – кивнул парень.

Она вытаращила миндалевидные глаза, отчего они стали круглыми.

– Не помнишь? – он усмехнулся. – Ты напилась и разрыдалась. И рассказала все про экзамен, про мать, преподавателя и Муравьеву. Про то, какая ты неудачница, и что у тебя, считай, не было жизни...

– Не продолжай, – перебила Татьяна, покраснев, и от волнения начала поглощать кашу с еще большим аппетитом и еще большими порциями, будто хотела заесть стыд. Но это не помогло.

Доев кашу, она взялась за кофе. Напиток оказался на вкус горьковато-пряным, разбавленным корицей и кардамоном. Он был ровно такой крепости, которая требовалась, чтобы взбодриться от похмелья. Татьяна впервые задумалась о времени и посмотрела на круглые часы над дверью. Они показывали половину первого.

– Я просто хотел сказать, что, возможно, какие-то вещи ты принимаешь серьезнее, чем нужно, – парень вгляделся в Татьянино лицо. – Твоя мать не истина в последней инстанции, как и преподаватель или Муравьева. Даже если она так в тебя верила, ты ей ничего не должна. Она сам вкладывала в тебя свою веру, без гарантий и процентов. Может, балет, действительно, не твое. И еще не поздно над этим задуматься.

Татьяна молча пила кофе, хмуря тонкие брови. Он посмотрел со вниманием, ожидая реакции, но за утешающей речью ничего не последовало.

– Пока не решишь, что делать, можешь оставаться здесь. У меня сегодня как раз выходной.

– Спасибо, – она улыбнулась.

Завтрак они докончили молча. Парень, попивая кофе, читал новостную ленту в телефоне, а Татьяна глядела в окно. За ним стояла чудесная погода. От недельных ливней и след простыл. Небо расцвело во всей синеве. Только на горизонте плавали остатки вчерашних грозовых туч, отливая фиолетовым. В окнах отражалось зенитное солнце, приносящее в город лето. Все готовилось цвести и пахнуть. Начиналась новая жизнь.

При такой погоде грех было страдать и плакать. Все призывало двигаться дальше. Татьяна желала бы только знать, в каком направлении. Сейчас ей даже домой путь был закрыт. К ее счастью, вчерашний бармен, абсолютно незнакомый человек, оказался добрым и даже порядочным. Она и не надеялась на такое бескорыстное отношение. Мама всегда учила, что все мужики – козлы, что им нужно только одно, поэтому стоит ими пренебрегать, манипулировать и получать от них лишь необходимое, включая секс. Татьяна и до сих пор в это верила, ведь не имела никогда близких отношений с противоположным полом.

Но вот первый ее опыт ночевки вне дома, наедине в квартире с незнакомым парнем, по крайней мере, пока проходил хорошо. Она чувствовала себя здесь в безопасности, как минимум не чувствовала от него угрозы. Он даже не смотрел на нее сейчас, а с интересом читал новости. Он ее накормил, позволил здесь остаться и не попросил ничего взамен. Он не походил на козла. Хотя его почему-то бросила девушка. «Девушки, наверное, просто так не бросают, – подумалось Татьяне. – Значит, он тоже чем-то плох».

Она внимательнее присмотрелась к парню. Он показался еще красивее, чем вчера. Был спортивен. Имел гладкую и белую кожу. Губы, четко очерченные линией, не толстые и не тонкие, могли бы прописать в стандарте мужской внешности, если бы такой составили. Вел он себя уверенно, но без высокомерия. Даже умел готовить. Каша показалась Татьяне вкуснее всех яств на свете, хотя она подозревала, что ее критичность в этом плане притупилась диким голодом, ибо она не ела ничего со вчерашнего обеда.

Мысли прервал яркий экран смартфона, неожиданно оказавшийся перед глазами. На нем высвечивалась красочная картинка с бытовым юмористическим посылом. Татьяна улыбнулась. Такое случалось с каждым. Парень тоже улыбался. Потом заблокировал телефон и, сделав последний глоток кофе, поставил грязную пиалу и чашку в раковину.

– У нас самообслуживание, – предупредил он, указывая на ее посуду.

– Я должна это помыть? – переспросила она.

– Ну, предполагается. Я, конечно, гостеприимный, но не настолько, – он оскалился и принялся мыть все то, что уже валялось в раковине.

Образ прекрасного рыцаря в розовых доспехах распылился перед Татьяной. Такими вещами она дома не занималась. Мама облагородила ее от бытовой рутины, ведь у нее была более важная миссия – танцевать и учиться. И она с ней не справилась. В груди уплотнилась обида.

– Смотри, что хочешь, пока я занят, – парень кивнул на смартфон, оставленный на столе. – Только не порно.

Татьяна выпучила на него глаза и залилась смущением по самые веки, а он ухмылялся, как ни в чем не бывало.

– Я такое не смотрю, – в ней все благородство вознегодовало. Но сразу вспомнилось, как подружки, близнецы Лиза и Вера показывали короткое видео, где мужчина с женщиной занимались сексом. Татьяна против воли увлеклась – просто впервые видела такие откровенные сцены. Она хотела бы вычеркнуть это из памяти, оттого только пуще раскраснелась и перевела взгляд на смартфон.

Потухший экран отражал пространство вокруг.

– Зря. Помогает разрядиться, – парень отвернулся обратно к раковине и добавил тише. – Тебе бы не помешало.

Татьяна внутренне возмутилась, но рот не смогла открыть. Слишком щепетильная тема поднялась.

– Так что? Будешь смотреть что-нибудь?

Она не знала, что ответить. Во-первых, не хотела лезть в чужой телефон (мало ли там могло прийти какое-нибудь личное сообщение со всплывающим уведомлением), во-вторых, смотреть ей было нечего. Для расслабления она всегда выбирала мультики. Ей нравилась анимация любого качества и содержания. Но говорить об этом стало стыдно, даже больше, чем о порнографии, потому что подружки всегда подтрунивали над ее «детскостью».

– Нет, я просто посижу, – Татьяна отвернулась к окну.

– Ну, как хочешь, а я посмотрю...

– Только не порно, – почти инстинктивно выпалила она.

Парень расхохотался.

– Не бойся, у меня подписка на порнхабе закончилась.

Татьяна накрыла себе рот рукой, ужасаясь про себя, но продолжать этот разговор не хотела. Он их заводил куда-то не в ту степь.

Вскоре послышался бодрый голос блогера, который вещал новости художественного мира. Татьяна в искусстве не разбиралась, но почему-то слушала и пыталась что-то понять, несмотря на обилие слэнга и специальных терминов. Слуху просто деваться было некуда. Громкость телефона заглушала обеденные шумы города.

Когда парень уступил ей место перед раковиной, Татьяна недовольно вздохнула, но согласилась, решив, что он заслужил благодарность.

Вокруг раковины все намокло. Опасаясь испачкать футболку, Татьяна встала в неудобную позу, слегка выпятив зад и наклонив корпус. Такое положение показалось ей безопасным от брызг. С усилием сдерживая отвращение, она взяла уже рванную губку для посуды, в которой еще остались маленькие кусочки пищи. Татьяна сначала постирала саму губку, а затем

вымыла ей тарелку. Дело оказалось несложным. Она быстро справилась и в конце осталась довольна собой. Пальчики даже не сморщились от воды. Маникюр остался на ногтях таким же ровным и цельным.

– Ну, чем займемся? – парень уперся руками в бока. – Из развлечений могу предложить только секс, кино и мозаику. От первого думаю, ты сразу откажешься, но попытаться стоило.

Он улыбнулся. Во взгляде не было никакого сексуального влечения, скорее, равнодушие. Парень смотрел просто, без эмоций и пристального интереса. Татьяна сначала смутилась при слове «секс», но еще не забыла их откровенный разговор до этого и решила, что развязнее уже некуда, поэтому не стала возмущаться и даже посмеялась.

– А что за мозаика?

– Хобби мое. Я собираю мозаику из осколков керамики. Сейчас как раз работаю над одним проектом. Заинтересовало?

Татьяна не была уверена, что хочет этим заниматься, но любознательность взяла верх, ведь она никогда не собирала мозаику и не видела, как ее делают. Никогда и не интересовалась этим. По городу, на станциях метро и в дизайнах интерьеров публичных заведений она встречала целые мозаичные полотна, изображающие масштабные действия или гигантские портреты, но ничто ее не восхищало. На уроках истории искусств в академии Татьяна всегда боролась со сном. Однако первый вариант развлечения казался ей невозможным, а второй – банальным, потому она согласилась на третий.

Татьяна последовала за парнем в комнату, где они спали. Помещение, очевидно, являлось всем одновременно: и спальней, и гостиной, и даже столовой – на журнальном столике валялась грязная тарелка с вилкой. Парень предложил ей посидеть в кресле, которое специально сложил, скинув покрывало. Он так и спал без постельного белья. Татьяна уселась с комфортом, обняв обеими руками декоративную подушку, пока он готовил мозаику и инструменты в другой комнате.

В стеллаже на глаза ей попалась большая коллекция DVD-дисков с фильмами, среди которых было много анимационных. Спросонок и с бодуна она приняла их за книги. Оказалось, что книг в этом стеллаже не нашлось ни одной. Татьяна стала разглядывать названия фильмов, пытаясь найти те, что не смотрела. И заметила логику их расположения на полках – по жанрам и странам. Здесь присутствовала неплохая коллекция японской анимации, меньший по количеству, но не по значимости сборник французских мультфильмов, диснеевская и советская классика и много чего другого. Татьяна нашла целых десять наименований, которые не видела.

– У тебя неплохая коллекция, – заметила она, держа в руке несколько дисков, когда парень показался в проеме гостиной.

– Это старые дивидишки. Я уже и сам про них забыл. Надо выбросить, наверное.

– Лучше мне отдай, – подхватила Татьяна. – Тут есть мультики, которые я не смотрела. Японские, в основном. А я люблю аниме. Что-нибудь в стиле Миядзаки.

– Да можешь хоть все забирать, если нужно. Я и не думал, что кто-то еще пользуется дивиди-дисками.

Жестом парень позвал ее во второе помещение, которое наполовину оказалось кладовой, а на другую половину – мастерской. Меньшая по площади, комната имела продолговатую форму и хорошо освещалась за счет окна. Вдоль обеих стен стояли трехуровневые стеллажи из необработанного дерева, где хранилась всякая всячина в коробках, ящиках и просто так.

На полках вперемешку валялись материалы, инструменты и сами работы. Татьяна оценила разнообразие техник, которыми парень, судя по всему, владел. Среди уже сделанного она выделила и масляные пейзажи на холстах, и карандашные наброски на обычной бумаге, и мозаики разных объемов и фактур. В углу даже стоял стол с компьютером и графическим планшетом, а под ними валялись банки аэрозолей. А еще тут хранились всякие смеси, похожие

на строительные, тяжелые инструменты, подходящие для пыток, и много осколков разного, которые когда-то были другими вещами: посудой, плиткой и бог весть чем еще.

– Я тут решил еще один цвет добавить, поэтому нам сначала надо будет побить тарелки – сказал парень с улыбкой, доставая со стеллажа блюда морского цвета.

– Прямо здесь? – удивилась Татьяна. Помещение вдруг показалось ей слишком маленьким для этого.

– Ну, да. Об пол. Я так стресс снимаю порой. Тебе, видимо, тоже надо.

Он вручил Татьяне пластмассовые защитные очки. Сам надел такие же. Тарелки поставил на стол рядом с компьютером и протянул одну ей. Она взяла тарелку, все еще не понимая, как это будет выглядеть.

Все было просто и безумно. Парень швырнул тарелку об пол. Она разбилась не с первого раза и не на тысячи кусочков, а всего лишь раскололась на два. Он взял каждую часть и по отдельности снова бросил на пол. Осколков стало еще больше. Парень продолжил это делать, пока размер осколков его не устроил.

Затем жестом показал сделать то же самое Татьяне, отойдя на пару шагов назад. Она несмело и оттого очень слабо бросила, скорее, уронила тарелку на пол. Та покрутилась на выступающем ребрышке дна и встала ровно, словно ее подали на стол.

– Не бойся, – подбадривал парень. – Это всего лишь тарелка. Пол не обвалится, если ты бросишь ее сильнее.

Татьяна приложила больше усилий, и тарелка раскололась на три части. Дальше стало легче.

Они бросали посуду, смеясь и выкрикивая ликующие междометия. Осколки разлетались во все стороны по мастерской, словно тяжелые конфетти. Татьяне понравилось разрушать нечто цельное. И это, действительно, помогало бороться со стрессом. Злость раскалывалась и разлеталась вместе с тарелками. Осколки выходили неровными, острыми, квадратными и многоугольными. У нее получалось много мелких. Парень почти всегда добивался нужного размера. Татьяна оценила его навык.

Было весело, но продлилось недолго. Тарелки быстро закончились, а Татьяна только вошла в азарт.

– Да, мне тоже всегда мало, – парень уловил ее досаду и полез за осколками под стеллаж.

Татьяна помогла ему собрать все в тазик.

– Расстели пока газеты, я буду спускать все.

Он кивнул на стопку под окном. Татьяна послушно взяла несколько верхних разворотов и разложила по полу, заполнив бумагой все свободное от мебели пространство.

А парень сверху выкладывал керамику и бумагу, клей и ведра с грунтовой основой, сетки и инструменты. Затем протянул Татьяне диванную подушку, которая валялась на стуле, а сам сел прямо на пол и начал объяснять, как со всем этим работать.

– В общем, это называется метод обратного набора. Надо класть осколки лицом вниз, понятно? – он посмотрел Татьяне в глаза. Она с убеждением кивнула. Пока все звучало просто. Парень улыбнулся и продолжил объяснять. – Потом я это залью специальным составом и получится гладкое и четкое изображение. Абсолютно плоское.

Он оскалился, будто уже получил идеальный результат, хотя полотно было заполнено меньше чем на половину. Татьяна невольно улыбнулась этому.

Пока он рассказывал, как и что надо делать, она изучала будущую картину. На ней проглядывал только черный космос с маленькими звездочками по обоим верхним углам, а в середине на контрасте выделялось ясное небо, с пробивающимися из ниоткуда лучами солнца. Цветовая гамма вызывала приятность, сразу ощущалось – так и нужно, естественно. Хотя осколки, или тессеры, как называл их парень, были из разных видов стекла, словно на витраже, не всегда имели ровную форму, отличались размером, иногда кололись острыми углами. Но их раз-

ность нивелировалась грамотным расположением и плотной стыковкой друг с другом. Изредка парень пользовался тяжелым, похожим на садовнические ножницы, инструментом для отколки ненужных частей от тессеров.

Со всеми деталями парень обращался, как с хрустальными бабочками. И с воодушевлением пояснял весь процесс создания мозаики. Чувствовалось, что он хорошо разбирался в теме и набил уже немало шишек, потому теперь мог учить и Татьяну.

Это муторное занятие парню явно нравилось. Он щепетильно относился к мелочам и требовал того же от Татьянаы в шутку ругая за каждую оплошность, но не уставал повторять одно и то же, а иногда, если получалось, переделывал за ней. Мелкая мозаика требовала хорошей моторики. Татьяна в академии на занятиях лепила из глины фигурки, но ей все равно с трудом удавалось быть аккуратной.

– Почему ты этим занимаешься? – спросила она, в очередной раз неудачно положив тессер на пленку.

– Наверно, потому что нравится, – усмехнулся парень. – Вот ты балетом почему занимаешься?

Он поднял глаза с плиточки, площадью в один квадратный сантиметр, от которой только отколол острый угол, и посмотрел Татьяне в лицо. Она вздохнула. Теперь и сама не могла ответить на этот вопрос.

– Наверное... из-за мамы...

Парень подарил ей понимающий взгляд и снова переключился на плитку. Татьяна смотрела в ящик со стеклышками голубого цвета, которые должны были превратиться в небеса на картине. Вспомнила о маме и снова опечалилась. Но процесс укладывания мозаики завлекал и не давал мрачным мыслям застаиваться.

Сейчас ей было комфортно, уютно и даже интересно, несмотря на монотонность работы. В рутине кроилось успокоение. Хотя Татьяна знала, что мама обиделась и ругала ее всеми возможными матами, которые есть в русском, английском и французском языках, потому что хорошо говорила на всех трех.

– Можно сказать, я тоже начал этим заниматься из-за родителей, – прервал молчание парень и привлек рассеянное внимание Татьяны. – Они часто ссорились, пока еще жили вместе.

Она прислушалась. Оба замерли. Парень думал, а Татьяна ждала дальнейших откровений.

– Мать в истерике била посуду. И не только, – на его лице проступила печальная усмешка. – Помнишь блюдо на кухне?

Она кивнула.

– Мать однажды и его разбила. Сервиз с этим блюдом им подарили на свадьбу. Дело уже шло к разводу, – парень вздохнул, будто переводил дух. – Мать тогда объяснила мне, что их брак разбился и что его уже не собрать, как и это блюдо, якобы поэтому они должны разойтись. Я, мелкий дурак, – он хмыкнул, пространно глядя в стену, – подумал, что если склею блюдо, то они останутся вместе.

Татьяна слушала, внимательно следя за выражением его лица, будто боялась пропустить важные эмоции. Парень почти никак не выдавал себя, только делал внезапные короткие паузы, хмурил брови, вздыхал, а потом продолжал спокойным тоном.

– Я собрал все-все осколки до единого и аккуратно их склеил обратно. Это стоило мне много крови, труда и времени, но я очень не хотел, чтобы они разводились. Ну вот, склеил и принес им это блюдо, довольный собой, думал, спас семью, – он снова усмехнулся. – Они рассмеялись оба. И действительно, на какое-то время это помогло. Но ненадолго.

Наступила короткая пауза. Татьяна поджала губы, не зная, нужно ли ей что-то отвечать, задавать вопросы или высказать как-то иначе свою поддержку, поэтому она молчала в растерянности. А парень снова заговорил.

– Через год они развелись. А в течение всего года ругались и били посуду. Я собирал все осколки и просто, чтобы отвлечься, склеивал их обратно в предметы. Сначала старался вернуть форму, но это редко когда удавалось сделать полностью, какие-то осколки пропадали, какие-то были слишком мелкими. И я начал собирать из них другое. Родители разъехались, а хобби осталось. Хоть что-то хорошее от них осталось помимо квартиры.

Он снова выдавил мелкий смешок, выбирая из ящика подходящие белые стеклышки для световых лучей.

– Они… умерли? – с осторожностью спросила Татьяна, не зная, как лучше сформулировать такой вопрос.

– Нет. Батя живет в другой стране, мать – в другом городе. У каждого своя жизнь.

– Бросили тебя?

Она вылупила встревоженные глаза. Ей казалось такое диким и невозможным.

– Нет, конечно, – парень улыбнулся. – Они постоянно меня делили, ругаясь. Я жил то тут, то там, пока не надоело. Мы когда-то все вместе жили здесь. После развода батя уехал сначала в Москву, потом в Финляндию. Мать повторно вышла замуж, снова развелась и в итоге тоже уехала в Москву. А я остался здесь. Учиться.

Татьяна промычала, кивая, поскольку не знала, что еще тут можно добавить.

– Предваряя твои расспросы, сразу скажу, что мы общаемся. Но сейчас я живу полностью самостоятельно.

Он снова склонил голову и наклеил выбранные стеклышки. Татьяна поняла, что продолжать тему бессмысленно, но и начинать новую не умела. Ей никогда не удавалось легко перескакивать в разговоре с одного на другое, поэтому она молча повторяла за ним. Через какое-то время парень сам заговорил о мозаике. Рассказывал, какие бывают техники, какие мастера ему нравятся, критиковал мозаику на вновь построенной станции метрополитена, а старую, еще советскую, наоборот, расхваливал. Татьяна его внимательно слушала, хотя история русской школы мозаики ее мало интересовала и вряд ли когда-либо могла пригодиться.

– А что мы сейчас делаем? – спросила она. – Что там будет изображено?

– Нуу, – парень надул щеки, не поднимая головы, – думаю, должна получиться планета, поделенная на участки, как бы сектора, которые страдают от всякого, типа катаклизмов. А один сектор будет нормальный, где все хорошо. Его мы как раз клеим.

Он указал на три верхние линии голубого цвета, к которым Татьяна только что присовокупила еще один осколок.

– И что это значит?

– Не знаю, – вздохнул парень. – Меня на это вдохновила одна статья по экологии. Суть в том, что планета все равно круглая и не получится на ней сделать в одном государстве эко-рай, а в другом эко-ад. Все взаимосвязано. И только всеобщая солидарность может спасти планету. Пока пытаются лишь немногие. Все остальные живут так, будто уверены, что их это не коснется. Я не знаю, отчего, может, кругозор ограничен, или просто пофиг.

Он слегка поморщился на последней фразе.

– Я хотел изобразить этот ограниченный кругозор и нездоровый пофигизм. Типа в этом секторе полная безмятежность, а во всех остальных – тотальная разруха. Но все равно разруха и сюда доберется, потому что планета круглая. И мнимая безмятежность обернется кошмаром.

Татьяна посмотрела на него с интересом, приложив указательный палец к губам, и закивала. Она не разбиралась в проблемах экологии, но объяснял он доступно. С этой идеей трудно было спорить, да и не хотелось. Ей показалось удивительным, что обычного бармена терзают такие вопросы.

Она взяла следующий осколок из ящика и спросила:

– А как назовешь?

Парень пожал плечами. Ей в голову пришла гениальная идея, которую она не преминула озвучить.

– Сектор Б – безмятежность.

Он взглянул в ее одухотворенное лицо и заулыбался. Татьяна посмотрела в ответ, нахмурившись, вопрошая без слов: «Ты сомневаешься?», а затем покачала головой, совсем как индийцы, показывая, что лучшего названия ему не придумать. Парень откинулся назад, сложив руки на коленях треугольником, и посмеялся, мотая головой.

Они провели так несколько часов. За это время успели съесть по пачке картофельных чипсов, выпить целую упаковку апельсинового сока, посмеяться, поругаться и снова посмеяться. Татьяне давно не было так уютно. Особенно последний год. Она каждую минуту ощущала многотонную ответственность, что возложили на нее мама и академия. А теперь полностью расслабилась.

Когда Татьяна после очередного промаха, наконец, удачно положила стеклышко в нужное место, парень улыбнулся горделиво и снисходительно одновременно, как улыбается учитель, чей ученик достиг должного уровня мастерства, и протянул ей большую ладонь.

– Молодец. Растешь на глазах.

Татьяна тоже улыбнулась и мягко положила свою руку поверх. Он аккуратно и слабо сжал ее на секунду и выпустил, оставив теплый след на холодной коже. Пальцы его хоть и выглядели длинными и костлявыми, по ощущениям оказались мягкими. Татьяна даже пожалела, что пожатие продлилось так недолго.

Громкая рок-н-ролльная мелодия ошеломила обоих. Парень машинально поднял трубку. Незнакомый номер его не смутил. Татьяна услышала, как мама аж задохнулась от такой неожиданности и какое-то время не могла ничего сказать.

– Я мама Татьяны, она с вами сейчас? – говорил уже собранный, но все еще взволнованный голос.

– Д-да, – растерялся парень и с ужасом посмотрел во встревоженные глаза Татьяны.

Она вырвала у него телефон и сразу начала оправдываться, путаясь в словах.

– Мам, это то, что... то есть... это не что... это не то... ты не так подумала!

Телефон дрожал в тонких пальцах.

– Видимо, я как раз все *так*подумала! – грозно надавила мама. – Так и знала! Так и знала! А, ну, быстро дуй домой! Нам предстоит серьезный разговор!

Пошли короткие гудки. Татьяна опустила плечи, тяжело вздохнула и посмотрела на парня.

– Вызови мне такси, пожалуйста, – с неохотой выговорила она и начала собираться.

Пока Татьяна переодевалась в ванной, парень выполнил ее просьбу. Такси должно было приехать через пять минут.

– Чего она так взбесилась? Ты что встречаться, например, ни с кем не можешь? – парень наблюдал, как Татьяна расчесывает пальцами волосы у зеркала в прихожей.

Она собрала их в аккуратный пучок и натянула поверх желтую шляпу, в которой, как только что осознала, действительно, походила на подсолнух.

– Дело не в этом... – ответила неуверенно, стараясь не смотреть на него. – Просто я впервые ночевала вне дома. И даже не у подруги. А, вообще, у какого-то незнакомого парня из первого попавшегося бара. Не могу же я признаться, что напилась до такой степени, что потеряла сознание и незнакомец увез меня к себе домой. Представляешь, как это будет выглядеть в ее глазах? Я ведь... я ведь даже...

Она смутилась, опустила взгляд на глянцевые пуговицы плаща, чтобы скрыть стеснение, и с трудом их застегнула.

– …ни с кем не целовалась, а тут целая ночь… Она мне не поверит, что… ничего не было.

– Ну, я могу это подтвердить.

– Тем более не поверит! – с чувством воскликнула Татьяна.

– Странная у тебя мать.

– Просто она очень заботится обо мне. И беспокоится.

– Мне кажется, ты путаешь заботу с гиперопекой.

Приложение такси прислало уведомление, что машина ожидает пассажира. Татьяна быстро впихнула ноги в балетки, схватила сумочку, проверила, не забыла ли чего-нибудь, и направилась к двери. Но перед самым выходом вспомнила, что не поблагодарила его, и обернулась.

– Спасибо тебе за все, – улыбнулась искренне.

– Да не за что, – парень просто пожал плечами.

Сказать ей было больше нечего, но несколько мгновений она ждала от него каких-нибудь действий. В романах мужчины всегда останавливали своих женщин, любая сцена прощания превращалась в драму со слезами и криками, сомнениями и неловкостями, а он был абсолютно спокоен и не походил на нерешительного человека, который хочет что-то сделать, но не может. Татьяна поняла, что ничего не дождется, поэтому развернулась и вышла из квартиры. Не без досады.

Пока ехала в такси, Татьяна испытывала относительное спокойствие. Хотя с тяжестью в груди думала о том, что и как говорить маме, пыталась придумать более-менее адекватное оправдание всему, что с ней случилось за последние сутки, хоть как-то смягчить проступок, но ничего гениального в голову не приходило. Доехала она быстро. Даже не сразу поняла, что уже находится в своем дворе, пока таксист специально это не обозначил. Тогда она потянулась за кошельком.

– Сколько с меня?

Водитель посмотрел недоуменно, мигом взглянул на телефон и снова непонимающе уставился на нее.

– Сколько стоила поездка? – уточнила Татьяна, раздражаясь его несообразительностью.

– Ну, триста сорок девять рублей. Но… так у вас же через приложение по карте все оплачено.

– Да? – скорее себя, чем его, спросила она и поняла, что бармен, получается, оплатил ей такси. Маленькая улыбка промелькнула на ее лице, но тут же исчезла.

Она освободила салон и направилась к подъезду. Только тут ее охватила паника. В горле снова образовался ком, руки задрожали, ноги стали подкашиваться, сердце неистово колотилось. Мозг, наконец, начал судорожно придумывать, что сказать. Времени оставалось мало. Ссылаться на подружек уже было поздно – мама их уже допросила. А больше у нее никого и не было. Отчаяние опутало сердце.

В самый последний момент, когда Татьяна стояла у двери квартиры и мялась, боясь войти, одна идея на ум все-таки пришла.

С трудом попав в замочную скважину ключом, Татьяна открыла дверь. В квартире, как обычно, пахло чем-то стряпным и кофе. Мама всегда оставалась собой. Что бы ни творилось, она никогда не забывала ухаживать за собой, тренироваться и готовить. Эти три фундаментальные вещи она выполняла всегда, как самые жизненно необходимые. Такой у нее был характер. Этому она научила и Татьяну.

А сегодня Татьяна впервые вышла из привычного графика и ей понравилось. Но за все приходилось расплачиваться.

Татьяна стояла в прихожей, понурая, виновная по всем пунктам, склонившая голову, даже не сняла шляпы. Мама вылетела из кухни пулей и молча, но очень грозно смотрела на нее в упор – ждала оправданий, а Татьяна ждала допроса. Так продолжалось минуту.

– Ну, и как ты это объяснишь, Куколка? Кто этот молодой человек? И где ты шлялась со вчерашнего вечера? – мама оперлась плечом о дверь в ванную, устрашающе скрестив руки на груди.

Худое лицо блестело от тонкого слоя маски, краешки которой уже подсыхали и отклеивались от кожи. Домашнее цветастое платье свисало до колен, чуть развеваясь, а мордочка львенка на носке пушистого тапка слегка подрагивала – мама нервно топала ногой. Платье накрывал фартук, испачканный во всем том, что когда-либо находилось на кухне, но больше в муке.

– Я-я… я ночевала у Муравьевой.

– Что?! – мама разинула рот. Муравьеву она терпеть не могла. За талант.

Только увидев алую ярость в бесцветных глазах, Татьяна осознала, что идея вышла провальной. Уж лучше бы она сказала правду, чем призналась в связи с Муравьевой.

Мама завертела головой в стороны. Взгляд метался по кругу. Татьяна с опаской наблюдала за ней, щурясь и съеживаясь.

– А кто тогда это был? Муравьева уже с мужчиной живет? О боже! И ты с такой водишься! – на щеках блеснула маска, а в глазах – ошеломление. – Почему ты к Даше не пошла? Или к близняшкам?

– Не знаю… Просто… было стыдно.

– А в притоне этой Муравьевой тебе не стыдно было оставаться?

Мама взвинтила руку чуть ли не до потолка. Татьяна вздохнула.

– И почему ответил этот парень, а не сама Муравьева?

Вопросов было еще много. Татьяна досадовала, что так плохо продумала историю. Приходилось сочинять на ходу, еще больше запутываться во лжи.

– Это не ее мужчина, а всего лишь брат. Он мне любезно одолжил телефон, чтобы я позвонила тебе. У Муравьевой баланс ушел в ноль.

– И этот брат к тебе не приставал?

Мама шагнула вперед и впилась сканирующим взглядом в лицо Татьяны.

– Что ты?! Нет, конечно! – она вытянула шею и приложила шляпу к груди обеими руками в жесте мольбы для пущей убедительности. – Там же Муравьева была.

– Смотри у меня! Будешь еще водиться со всякой шелупонью! – указательный палец погрозил Татьяне перед самым носом.

Она скосила глаза к центру, думая, что, скорее, сама походила на шелупонь для Муравьевой.

– И если я позвоню, Муравьева подтвердит твои слова?

Мама топнула тапком и прищурилась с подозрением, да так, что у Татьяны нутро завернулось узлом. Она, собственно, надеялась, что как раз Муравьевой мама звонить не станет из неприязни, но ситуация явно вынуждала действовать радикально. Деваться было некуда.

– Да, – она попыталась скрыть дрожь в голосе, а сама вжалась в дверь.

Еще минуту встроенный в маму детектор лжи изучал ее, щупал под кожей, бил слабым током в каждую пору. Татьяна едва держалась на ногах, но глаза не уводила. Боялась даже моргнуть, чтобы не выдать себя.

– Ладно. Давай ее номер. Позвоню, – мама протянула раскрытую ладонь.

Ва-банк не сработал. У Татьяны опустились плечи. Губы плотно сжались. Отчаяние подпирало легкие, заполняло глотку, лишало мозг необходимого кислорода. Казалось, напряжение достигло предела, и сосуды должны лопнуть. Но Татьяна, внутренне смирившись со своим апокалипсисом, достала телефон из кармана и вложила его в мамину руку. Сама себе выстрелила в голову.

Мама хмыкнула и отправилась в Татьянину комнату, чтобы подключить его к зарядному устройству. Когда система загрузилась, она нашла в контактах телефон Муравьевой и набрала

ее, специально включив громкую связь. Не решаясь войти, Татьяна заглядывала в проем двери. Шляпу уже свернула трубочкой и сжимала, насколько хватало силы.

Когда послышался тонкий голос Муравьевой, Татьяна окаменела. Сердце репетировало смерть – перестало биться на несколько мучительных мгновений.

– Лена, здравствуй, это мама Тани, Аделаида Николаевна, – заговорила она приторным тоном, как делала всегда с малознакомыми людьми. – Таня мне сказала, что ночевала у тебя и твоего брата. И забыла поблагодарить вас за гостеприимство.

– Ээ… – Муравьева пару секунд висла, на мамином лице уже стали проявляться искорки гнева. – Да ничего. Передайте ей, что все в порядке. Мы были рады помочь.

Татьяна выпучила глаза и тут же спряталась за дверь, поняв, что страшная участь ее миновала. Проверка пройдена. И сердцу снова можно биться. То взорвалось тысячей ударов разом.

– Очень мило с вашей стороны, – фальшивила мама. – Благодарю и я вас. От всей души.

– Пожалуйста, – в голосе Муравьевой смешались одновременно недоумение и вежливость.

– До свидания.

Мама завершила вызов и мотнула головой, словно сбросила лапшу с ушей.

– Что ж, – звучало, как обвинение.

Татьяна снова выглянула из-за стены и посмотрела на маму уже с улыбкой, но все еще сконфуженной.

– Надеюсь, никакой подоплеки у этой истории нет.

– Мамочка, ну, конечно, – Татьяна кинулась в комнату и залепетала. – Прости меня, мам, пожалуйста... Мне было очень стыдно, что я провалила экзамен. Это было так... – на этом моменте у нее ком застрял в горле, и из глаз неконтролируемо прыснули слезы.

Продолжать она не могла. Из груди вырывались рыдания, по щекам текли соленые ручьи, стало тяжело дышать носом. Мама смотрела на это сурово с полминуты, но все-таки смягчилась и обняла ее.

– Не плачь, Куколка, мама все уладила. Прохоров признал, что погорячился. И дал тебе шанс выступить в выпускном спектакле.

Татьяна разрыдалась еще сильнее.

– Прости, я тебя подвела. Я не хотела. Я так волновалась... Для меня это было так важно, а они... Они смотрели на меня, как на пустое место. А Муравьевой, как всегда, аплодировали.

– Ничего, ничего, – приговаривала мама. – На выпускном спектакле себя покажешь. И больше не скрывай от меня ничего. Ты же знаешь, я этого не выношу. И тем более, если у тебя что-то не получается, ведь я могу помочь. Как с экзаменом, например. Хорошо, что я Даше позвонила вовремя, и сразу набрала Прохорова. А то сегодня было бы уже поздно решать этот вопрос. Ты меня поняла, Куколка?

– Поняла, – промямлила Татьяна, вытирая сопли. – Я больше не буду так.

– Вот и отлично. А чтобы тебя ничто не отвлекало, до спектакля без интернета!

– Ну, маам, – Татьяна протянула слова с ноткой ненастоящей обиды. На самом деле, она даже обрадовалась, что отделалась таким легким наказанием.

Мама еще раз крепко ее обняла и отвела на кухню, где их ждал уже остывающий черничный пирог с творогом. Выпечка у мамы получалась изысканной. Татьяна всегда поражалась, почему она не стала пекарем, ведь так это любила. Готовила всегда: для развлечения, для расслабления, для себя и для других. Но почему-то связала себя балетом, в котором целую декаду танцевала в кордебалете, а потом пошла преподавать в хореографическую студию. Пару лет назад стала директором, но почему-то не считала для себя это успехом, ведь родители умерли еще тогда, когда она плясала на окраине сцены в массовке, и потому клеймо неудачницы оста-

лось выжженным на ее сердце навечно. Так она выражалась сама иногда, когда позволяла себе в пятницу вечером пропустить пару бокалов вина.

Сегодня, в канун понедельника, она тоже позволила себе немного расслабиться. Татьяна пила чай с пирогом. А мама, как обычно, сидела на новомодной диете и потому только пила. Пила и рассказывала. О своем детстве, юности, молодости. Мечтах и амбициях. И о том, как они не сбылись.

– До тебя я думала, что уже никого и никогда не полюблю, но с тобой, Куколка, мир перевернулся. Ты такая масенькая была. И моя родная.

Мама стиснула Татьяне плечи и стала покачиваться на диванчике, на котором они сидели. Татьяна любила обниматься, потому что чувствовала себя так в полной безопасности, как в скорлупе, и расслабленно положила голову на мамино плечо.

– Я только с тобой поняла, в чем смысл моей жизни, – мама всхлипнула. Влажные губы чмокнули Татьяну в лоб со звуком, а рука растрепала волосы. Только винное дыхание портило момент.

– Куколка моя, – с нежностью протянула мама, – ты у меня самая талантливая. А эти… маразматики старые уже и не видят ничего толком, – в голосе стала скапливаться злость. – Чуть не загубили твое будущее, мерзавцы! Это наверняка Сурканова, подлюка эдакая, давно меня невзлюбила! И Прохоров тоже хорош!

Мама всегда говорила очень выразительно, с б*о*льшим чувством, чем испытывала на самом деле, любила подчеркивать эмоции анахронизмами или пафосными фразами. Театральность проявлялась в каждом резком жесте или мимике. Это настолько вжилось в ее характер, что перестало быть сценичностью и стало повседневным поведением. Сейчас она тоже говорила громко, четко расставляя ударения и выдерживая паузы, на оскорблениях повышала до тонкого голос, чрезмерно закатывала глаза и стискивала зубы.

Татьяна молчала с повинной, не поднимая глаз. Мама все равно ее оправдывала, хотя она была этого недостойна, а члены комиссии не заслужили таких оскорблений. Она знала, что рано или поздно эти оправдания превратятся в разочарования. От боли на глаза навернулись слезы, но Татьяна до бледноты сжала губы, чтобы ни одна слезинка не вытекла.

– Ничего, Куколка, мы со всем справимся. Мама тебя в обиду не даст. Ты только слушайся. И не ври больше. Тогда все будет хорошо.

Татьяна кивнула несколько раз, ничего не отвечая. Мама вскоре затихла и закрыла глаза. Они сидели в обнимку, почти не двигаясь. Татьяне гораздо полегчало. Это означало, что мама ее простила. Она гордилась тем, как выкрутилась из ситуации. Но кое-что ее все равно волновало. Тот парень из бара для мамы тогда кто, если даже брат Муравьевой – шелупонь.

Перед сном Татьяна написала однокурснице сообщение с благодарностью: «Лена, спасибо, что выручила. И извини, что поставила тебя в такую ситуацию». Она не придумала, как написать лучше, ведь совсем ничего о Муравьевой не знала, как и та ничего не знала о ней и ее матери. Хотя Даша наверняка обсуждала с другими то, на что Татьяна ей жаловалась. Может, до Муравьевой что-то из этого и долетело.

Через несколько минут пришел ответ: «Это было странно, но я наслышана о твоей маме. Надеюсь, помогла».

«Да! Очень», – Татьяна на эмоциях даже прильнула к телефону.

Муравьева выслала в ответ только несколько скобочек вместо смайликов. Татьяна долго в них вглядывалась, пытаясь уложить в сознании новую реальность, в которой совершенно чужие люди ни с того ни с сего ей сильно помогли. И бескорыстно. Что бармен, что Муравьева. Их поступки заставили Татьяну сомневаться, а в чем, она понять до конца не смогла.

Татьяна прокручивала в голове, как тренировалась перед экзаменом Муравьева, которой прочили великое будущее в балете. О ней ходило множество слухов и, казалось, все ложные, но одно про Муравьеву было ясно: она талантлива и обожает балет. В каждом ее движении

сквозила радость и легкость. Татьяна всегда восхищалась ее изящностью, прыткостью и гибкостью, всегда с восторгом смотрела, как она танцует. Хотя знала, что даже Муравьевой балет дается нелегко.

От природы Лена имела среднюю комплекцию и высокий рост, но морила себя диетами и тренировками, а к выпуску стала изящнее и утонченнее всех остальных. Она пропадала в зале и действительно наслаждалась, когда делала очередное фуэте. И будто не нуждалась ни в какой поддержке. Все считали ее высокомерной, и высокомерие порой проявлялось в холодных фразах или замечаниях другим. Но Татьяна думала, что Муравьева стала такой от усталости и одиночества. Друзей у нее не было. Все ей завидовали и недолюбливали, считали, что она смотрит на них свысока. Вела она себя отстраненно, все свободное время тренировалась, вечеринки пропускала, разговаривала неохотно. Впрочем, одного ее таланта было достаточно, чтобы нажить немало врагов. Многие ведь могли ненавидеть просто так, как Даша, например.

Татьяне всегда казалось, что Даша тратила на ненависть к Муравьевой гораздо больше сил, чем на тренировки, что и мешало ей стать лучше. Однако она тоже была хороша, порой великолепна в танце и отдавалась этому полностью. В отличие от Татьяны.

Она им даже не завидовала – настолько низко сама себя оценивала как балерину. Искренне восхищалась другими и каждый раз убеждалась, что никогда так не сможет. Порой Татьяне казалось, что Даша дружила с ней только потому, что она ни в какой степени не могла составить ей конкуренцию. Но своей верой мама внушала Татьяне, что она добьется успеха, поэтому ни о чем другом, кроме балета, она даже не помышляла.

Близняшки Вера и Лиза не особо рассчитывали на карьеру в балете. Обе мечтали за счет этого удачно выйти замуж, хотя парней меняли как перчатки. Но даже у них получалось лучше, чем у Татьяны.

Теперь она с тревогой думала о будущем, которое представлялось большим темным пятном – нельзя было выделить ничего конкретного. Она крутила в руке белую фарфоровую статуэтку юной балерины с ее лицом. Мама отлила ее на заказ и подарила при поступлении в академию. Татьяна хранила ее как реликвию, постоянно протирала и разговаривала с ней, когда было не с кем поговорить. Но теперь сказать ей было нечего, даже фарфоровой себе. Уголек надежды, что старания и труд все перетрут, совсем истлел в душе, погашенный окончательно сегодняшними слезами.

[1] «Liza Alert» [Лиза Алерт] – организация, занимающаяся поисками пропавших людей

Глава 3. Никому не нужные диски

«Я только верну деньги, – думала Татьяна по дороге в бар, в котором в субботу напилась текилы до беспамятства. – Это просто будет формой вежливости. Он же не должен был за меня платить. Он и без того мне помог».

Она повторяла это как «Отче наш», пытаясь убедить себя. Нервничала сильно, но шла. Хотелось и все. Странное желание Татьяна оправдывала стремлением не быть обязанной. Эти мысли полностью поглотили ее. Она чуть не прошла мимо. И только когда открывала тяжеленную дверь, сообразила, что бармен мог сегодня не работать, но с отступлением все равно опоздала. Татьяна решила для себя просто выпить фрэш и пойти домой, если не застанет его за стойкой. В последние секунды она уже молилась, чтобы он сегодня не работал. Но это не помогло.

Бармен заметил ее сразу, от двери. Они пересеклись взглядами. Его глаза улыбались. Зал был абсолютно пустой. Татьяна сначала удивилась, а потом поняла, что завсегдатаи таких мест, наверное, ждут конца рабочей недели, а в понедельник у них много других важных дел.

В баре был только он. Татьяна вся покраснела и опустила взгляд в пол, а походка неизменно оставалась плавной и гордой. Она медленно подошла к стойке, не снимая шляпы, и села напротив парня. Он потирал хрустальные бокалы с ухмылкой, словно делец ладони друг о друга после удачной сделки.

– Привет, Подсолнух.

– Меня, вообще-то, Татьяной зовут, – не без высокомерия произнесла она и положила шляпу на столешницу.

– После ночи, проведенной вместе, ты все-таки решила представиться. Я польщен, – отшутился парень. – Вадим, очень приятно.

После шляпы требовалось поправить волосы, чем Татьяна и занялась. Он протянул ей руку в знак приветствия. Она взглянула на длинные пальцы и аккуратно положила на них свою маленькую руку. Рукопожатие снова было едва уловимым, секундным и приятным. Вадим разжал ладонь. Татьянина кисть застыла на мгновение в той же позиции, пока она, опомнившись, не убрала ее под стойку. Он улыбался, не отрывая взгляда.

– О чем пьешь в этот раз? Собственные поминки отмечаешь после разговора с матерью?

– Очень смешно, – хмыкнула Татьяна. – Но я не пить пришла. А вернуть деньги за такси.

Она достала кошелек из сумочки и отсчитала ровно триста сорок девять рублей, которые специально сегодня снимала и разменивала, чтобы вернуть четко ту сумму, которую он оплатил за такси.

– Оу-кеей, – поджал подбородок парень и принялся собирать монеты со стола.

Наступила неловкая пауза. Вадим медленно подбирал монетки с невозмутимым видом. Татьяна не знала, что делать дальше. Она рассчитывала на его профессиональную разговорчивость, на непринужденную беседу для заполнения паузы, хотя бы на вопрос «Как дела?», но парень молча считал деньги и даже не поднимал глаз. Татьяна смотрела то на деньги, то на него, пока не поняла, что на этом все – пора уходить. Взяв со стола шляпу, она начала слезать с высокого стула.

– Ладно, я пошла, – сказала в последней отчаянной попытке как-то продвинуть историю.

– Вызвать такси? – Вадим, наконец, посмотрел ей в глаза. – Чтобы ты завтра тоже пришла?

Он расплылся в самодовольной улыбке. Татьяна немного опешила, покраснела, возмутилась и не нашла что сказать, потому ответила с нажимом.

– Нет, спасибо.

Не без усилий сползя с барного табурета, она медленно, нехотя, направилась к выходу. Казалось, неведомая сила замедляла ее, хотя никакого встречного ветра тут и быть не могло. Она только чувствовала на себе внимательный взгляд и от этого становилась неуклюжей. Мозг уже отдал команду двигаться к двери, но сам судорожно искал повод задержаться. Татьяна злилась на Вадима за то, что он ничего не предпринимал, не пытался ее остановить, окликнуть, хотя бы сказать, что она недодала ему рубль или что-нибудь в этом роде.

Но тут Татьяна вспомнила, что хотела забрать DVD-диски с мультфильмами. И эта мысль тоже показалась ей вполне вразумительной и логичной, ведь на ближайшее время она лишена доступа в интернет, и нечего будет смотреть по вечерам и выходным. Она любила репетировать дома под анимационные фильмы. Развернувшись, Татьяна громко спросила, чтобы заглушить музыку:

– А ты можешь дать мне несколько дисков из своей коллекции?

Парень заулыбался шире. Самодовольный взгляд ясных, слегка прищуренных, глаз стрелой сквозь сердце пронзил ее, отдаваясь во всем теле слабыми разрядами тока. Это было приятное ощущение.

– А ты сходишь со мной в кино?

– В к-какое кино? – растерялась Татьяна.

«Как это воспринимать? Свидание? С ним? Мама будет против. Я не могу. Как бы то ни было, я должна отказать. С другой стороны, это же просто поход в кино…» – мысли молниями сверкали в ее голове.

– Не знаю, можно в кинотеатр, что здесь в торговом центре неподалеку. Сейчас как раз в прокате новый пиксаровский[1] мульт – «Душа».

Пока он отвечал, Татьяна собрала все эмоции в кулак. Заодно собрались и мысли.

– У меня нет времени ходить в кино, – сказала она правду, но в голосе почти не слышалось сожаления, которое она остро испытывала.

– А смотреть дивиди у тебя есть время?

Вадим поднял одну бровь.

– Я смотрю на фоне, пока занимаюсь, – Татьяна затеребила застежку на сумочке. – Мы сейчас репетируем выпускной спектакль. А я уже провалила экзамены. Мне надо усерднее готовиться. Я не могу отвлекаться. Ни на что...

– Ясно, – парень опустил голову.

Руки усердно протирали столешницу тряпкой. Татьяна замялась, не понимая, готов ли он поделиться своей коллекцией, но Вадим ответил сам через несколько секунд:

– Ладно. Только тебе придется опять прийти ко мне домой. За дисками.

– Х-хорошо, – она сама не понимала, на что соглашалась. – Когда тебе удобно?

– У меня завтра выходной. Приходи после обеда.

– Я после четырех приду. У меня занятия. Только напиши адрес.

– Дай номер, смской скину.

Татьяна забеспокоилась, машинально схватившись за телефон в кармане плаща.

– Зачем? Может, лучше на бумажке?

– Не бойся, спамить не буду, – усмехнулся Вадим, посмотрев ей в глаза. – Нам в любом случае лучше завтра созвониться предварительно. Мало ли планы поменяются.

– Ладно, – сдалась Татьяна и продиктовала номер.

Вадим записал его в телефон и сразу набрал. Она сбросила звонок. Теперь ей тоже нужно было сохранить его в своих контактах, но Татьяна боялась, что мама может как-нибудь случайно или даже намеренно залезть в ее телефон и задаться вопросом, кто такой Вадим. Называть его как-то иначе она не могла, и это было бы глупо, и тем более подозрительно. Впрочем, она все равно мало звонила сама, еще меньше звонили ей, поэтому его номер бы точно не потеряла. В общем, решила его не добавлять. Вадим это заметил и хмыкнул.

– Только не звони мне сам, хорошо?

Татьяна совершенно серьезно взглянула ему в глаза. Он странно на нее посмотрел, словно пытался по выражению лица прочитать мысли, но по выражению его лица она не поняла, прочитал он их или нет.

– Как скажешь.

Бармен пожал плечами и продолжил вытирать стойку.

– До завтра, – Татьяна чувствовала себя очень неловко, в особенности потому, что Вадим не поднимал на нее глаз.

– До завтра.

На этот раз Татьяна точно решила выйти. Дверь поддавалась с трудом. И все это время, пока она ее открывала, парень тщательно натирал одно и то же место на столешнице, да еще с такой силой, будто пятно въедалось годами. Перед выходом она в последний раз взглянула на него, и сердце сжалось.

Татьяна в который раз перечитывала сообщение от Вадима: «Уважаемый (-ая) Татьяна! Антикварный магазин «Никому не нужные диски» оповещает Вас о доставке заказа №888 в пункт самовывоза по адресу: … Просим предварительно позвонить по этому номеру для уточнения режима работы». Эта чепуха казалась ей забавной. Тяжелый осадок, который остался от разговора, растворился после прочтения смс.

Она перечитывала его вчера весь вечер и сегодня весь день, улыбаясь, как дурочка. Подружки, похихикивая, спрашивали об этом чудаковатом выражении лица, а Татьяна просто лыбилась им в ответ. Ей не хотелось рассказывать о Вадиме. Во-первых, потому, что он был ей никто и ничего не значил, и их знакомство могло сегодня же закончиться. Во-вторых, чтобы не стать опять объектом для насмешек. Близняшки, самые свободные в плане сексуальных отношений, часто подшучивали над ее романтичностью, наивностью и неопытностью в этом деле. Стоило ей только заикнуться о парне, они сразу прочили его Татьяне в мужья.

В этот день было просто танцевать и поспевать за всей труппой. Преподаватель Татьяну даже похвалил. Она порхала как бабочка. Поначалу сама не замечала, пока не заметил преподаватель. Потом стала чувствовать себя еще увереннее. День прошел хорошо. Давно занятия не выдавались такими легкими, а настроение таким приподнятым.

После совместных репетиций в академии Татьяне следовало бежать домой и продолжать репетировать там, оттачивая движения. Так делали подружки, ведь спектакль висел буквально на носу. Они удивились тому, что Татьяна пошла не с ними до остановки, а в другую сторону, но, получив пространный ответ, не стали допрашивать. Как и положено, их головы были забиты более важными вещами.

Татьяна шла и не понимала, почему ее голова забита не тем. Ведь ей больше всех остальных надлежало готовиться к спектаклю, но вместо этого она шла к малознакомому парню за старыми DVD-дисками. Себе объяснила это тем, что не сможет полноценно заниматься без мультфильма, ведь благоприятный фон будет способствовать тренировке и в результате ее выступлению в выпускном спектакле.

Отойдя на приличное расстояние от академии, осмотревшись по сторонам для проверки, нет ли поблизости кого из знакомых, Татьяна набрала номер Вадима. Долгие гудки в трубке нервировали.

– Привет, Подсолнух, – наконец, послышался бодрый мужской голос.

– Хватит обзываться, – на нервах вспылила Татьяна и через мгновение осеклась, поняв, что переборщила. Волнение сбило ее с толку.

– Ооу. Вообще-то, я не обзывался, но как скажешь.

– Я освободилась. Можно к тебе сейчас прийти? – она решила проигнорировать все предыдущее.

– А ты далеко? – он с легкостью подхватил.

– Через полчаса примерно приеду.

– Окей. Давай, жду.

И парень положил трубку, не дав Татьяне ничего сказать в ответ, впрочем, говорить ей все равно было нечего, но его резкость ее напрягала.

Увидев нужный автобус, она побежала на остановку. Транспорт собирался отъезжать, но подождал ее, что лишний раз убедило Татьяну в удачливости сегодняшнего дня. Она пулей влетела в салон и сразу прильнула к поручню у окна. Пока ехала, представляла, как следует себя вести, как все пройдет, будет ли это быстро или затянется. Татьяна была почти уверена, что Вадим предложит ей остаться, снова полепить мозаику или хотя бы посмотреть кино. Потому придумывала, что и как на это стоит ответить.

Безусловно, она должна будет отказать из-за занятости перед выпускным спектаклем, ведь ей нужно репетировать, да и не престало девушке так легко на все соглашаться. Вадим будет ее умолять остаться, находить тысячи причин для этого, но ни одна из них Татьяну не удовлетворит. Она будет непреклонна. Мама ведь учила ее, что нужно сдаваться как можно дольше.

А еще мама запретила ей водиться с шелупонью, к которой относила и барменов. Тогда все переживания становились бессмысленными. Татьяна просто должна Вадима игнорировать, взять диски и уйти, не оборачиваясь. Так она представляла, но реальность сильно разнилась с ее фантазиями.

– Заходи, – парень жестом пригласил Татьяну в квартиру.

Она, стесняясь и волнуясь, перешагнула через порог и встала у двери. Вадим направился на кухню и только в проеме обернулся.

– Чего стоишь? Раздевайся, проходи. Тапки там найди какие-нибудь в обувнице. И надо закрывать за собой.

Он посмотрел на распахнутую дверь недовольным взглядом. Татьяна закрыла ее на внутреннюю задвижку, как всегда делала в своей квартире, и принялась снимать балетки. Она растерялась, потому что не была готова к такому обращению. В ее представлении хозяин должен был спросить, хочет ли гостья войти и тем более остаться, хотя бы спросить, не спешит ли она куда-нибудь. А он повел себя так бесцеремонно.

– А где диски? – поинтересовалась Татьяна, вешая плащ на крючок.

Она полезла в обувницу за тапочками. Нашла лишь одни маленькие, явно женские, голубые с котиками, и сразу вспомнила о девушке, которая его бросила. Было не очень приятно в них залезать голыми ногами, но ходить босиком по грязному полу ей хотелось еще меньше.

– Там же, где и всегда, – отвечал парень из кухни. – Потом выберешь. Можешь, хоть все забирать. Ты что будешь, чай или кофе? Есть и текила, кстати.

Слово «текила» Вадим произнес с явной усмешкой, которая легко читалась в голосе. Татьяна улыбнулась и вошла на уже знакомую кухню. За пару дней здесь мало, что поменялось, только слой пыли уплотнился.

– Кофе, пожалуйста.

Он принялся молоть зерна. Оглушающий звук кофемолки парализовал разговор. Но это длилось недолго. Парень высыпал полученный порошок в кофеварку, добавил воды, приправ и нажал на единственную красную кнопку.

Весь первоначальный план к этому моменту разрушился до основания. Татьяна корила себя за это, но продолжала спокойно сидеть за кухонным столом и ждать бодрящего напитка. Тело отказывалось слушать мозг, как бы она ни уверяла себя, что должна просто забрать диски и уйти. Здесь было тепло и уютно, несмотря на грязь и отсутствие домашней атмосферы, которую создает семья.

Вадим располагал к себе. Он одним своим видом вызывал чувство комфорта. Так она это назвала, потому что не могла для себя никак определить. Это было странное, новое для

нее ощущение, которое Татьяна ни с кем *до*не испытывала. С близкими и друзьями ощущался не тот комфорт. Там удобство возникало в силу давности знакомства, в силу каждодневного тесного общения, в силу общности места и окружения.

С Вадимом у них не было никакой близости, тесноты и общности. Но ощущение естественного спокойствия все равно присутствовало. С ним просто не получалось лукавить и выставлять себя кем-то другим, хотя часто Татьяна надевала маску на лицо перед малознакомыми людьми. И каждый раз это была разная маска, чтобы угодить собеседнику. Она делала это непроизвольно, подражая матери, но ощущение внутренней неловкости все равно оставалось. Вадим же был открыт и прямолинеен, требовал взаимности и получал.

– Ты вообще ешь? – спросил парень, садясь напротив нее за стол.

– Конечно. Если ты намекаешь на мой род занятий, то мы не питаемся травой. Тренировки все-таки требуют много энергии. Я могу одна целую пиццу слопать.

Татьяна при этом обхватила обеими руками пустое пространство перед собой, показывая тем самым объем пиццы, с которым могла бы справиться. Она явно переоценила свои возможности. Вадим наискось осмотрел ее с ног до головы и отрицательно покачал головой.

– Кстати, о пицце. Может, закажем? Ты, наверное, как раз после тренировки? А я еще даже не завтракал.

– Давай, – согласилась Татьяна, хоть пока и не чувствовала острого голода.

– Платим пополам? – спросил парень, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– Если это намек, то я тебя угощать не собираюсь, – она горделиво отвернулась. – Ты сказал, диски тебе даром не нужны.

Он посмеялся. Затем принес ноутбук и зашел на сайт для заказа еды на дом, тот самый, который был указан на магните.

Пицц в ассортименте представлялось великое множество. Татьяна растерялась. Она ела такое, но не то чтобы очень часто, и тем более сама никогда не заказывала, потому плохо в этом разбиралась. Для нее стало открытием, что у каждой пиццы есть название и что названия эти универсальны по всему миру. Вадим предлагал ей то «Гавайскую», то «Маргариту», то «Пепперонни», а она понятия не имела, что из этого с чем. Потому, дабы не выдать очередное свое невежество, говорила наугад.

В итоге они решили заказать «Баварскую» и «Четыре сыра». Еду обещали привезти через час. В ожидании Вадим предложил снова заняться мозаикой. Татьяна легко согласилась. Она уже забыла, что изначально намеревалась дальше порога не заходить.

Пока он раскладывал все на полу мастерской, начиная с газет и заканчивая полотном с уже приклеенной мозаикой, Татьяна выбирала мультфильмы из его коллекции. На пятом Вадим позвал ее в мастерскую.

На этот раз объяснять азы не требовалось. Татьяна все прекрасно помнила, сама себе удивляясь, как ее завлек этот процесс. Он, действительно, помогал абстрагироваться и успокаиваться. Но Вадим все равно находил возможности делать ей замечания, пояснять дополнения и что-нибудь за ней переправлять.

– Расскажи, чем ты живешь, вообще, вне балета? – Вадим порой удивлял Татьяну формулировками.

Она задумалась, даже мозаику перестала класть.

– В смысле? – ничего лучше не придумала.

– Ну, чем занимаешься, когда не занимаешься балетом?

Его ее вопрос тоже в ступор поставил. Оба хлопали глазами, разглядывая друг друга.

– Сплю.

– Ясно, – Вадим усмехнулся. – А чем бы хотела заниматься?

Татьяна опять захлопала глазами. Ее впервые об этом спрашивали.

– Не говори, что спать, – он покосился на нее с опаской.

– Не знаю.

– У тебя хоть подруги есть?

– Да, – на этот вопрос Татьяна ответила с энтузиазмом и обрадовалась, увидев облегчение в его глазах.

На остальные вопросы она тоже отвечала односложно, без подробностей. Не потому, что не хотела рассказывать, а потому что не знала, что еще о себе может рассказать.

Тогда Вадим стал рассказывать о своей учебе, которую бросил, устроившись работать барменом, потому что было нужно себя кормить. Делился забавными историями из учебных будней, пародировал своих преподавателей и однокурсников. У него хорошо получалось. Татьяна, конечно, не могла знать, какие они были на самом деле, но его кривляния выглядели очень правдоподобно, хоть и карикатурно. Она нашла парочку схожих типажей и среди своих преподавателей, поэтому юмор ей пришелся кстати. И узнавать о нем что-то новое было интересно.

Татьяна удивилась тому, что Вадим учился на факультете монументальной живописи. Это с трудом укладывалось в голове наравне со знанием, что он бармен. Ведь мама уверяла, что все бармены – недалекие люди. Она почему-то именно барменов сильно не любила. К уборщикам, например, относилась с большим уважением.

«Впрочем, он все равно не окончил институт», – внутри Татьяна соглашалась с мамой, но все равно не могла отнести Вадима к тем, кого та описывала. Он был слишком не таким.

– Я знаю, что ты уже похоронила мое будущее, – парень прочитал в ее глазах смятение. – Но я не жалею об этом. Я получил там хорошую базу, и в то же время там слишком много лишнего, академичного, застоявшегося. Там убивают индивидуальность. Закончи я этот факультет, я стал бы посредственным живописцем.

– А бармен ты неординарный? – съязвила Татьяна, хотя ей не хотелось над ним смеяться.

– Ну, пока неплохо получается, – ответил он без обиды. – Без бахвальства, многие посетительницы нашего бара восхищаются моим искусством сочетать несочетаемое.

Вадим изобразил на лице смущение, потом легкую горделивость, приподняв голову, и легким движением наискосок прошелся по волосам, как будто хорохорился. Татьяна заулыбалась.

– Ну а если серьезно, то я уверен, что еще смогу доучиться или переучиться, надо сначала понять, на кого. Ты, кстати, это тоже можешь. Не ставь на себе крест.

Он подмигнул. Она опять задумалась, но работа над мозаикой и его замечания быстро вывели ее из этого состояния. Ничего дельного надумать Татьяна все равно не успела, потому стала слушать его истории и лепить по одному керамические осколки.

Час пролетел очень быстро. В домофон позвонили – курьер успел впритык.

– У тебя наличка? – спросил Вадим, поднимаясь и отряхивая пыль со штанов.

– Нет, у меня деньги только на карте.

– Окей, тогда плати ты. Я тебе отдам налом.

Заплатить нужно было чуть больше тысячи. Татьяна проверила баланс стипендиальной карты и поняла, что ей не хватит. Опять она попала в неловкую ситуацию. И пожалела, что не позволила ему заплатить полностью. Но делать было нечего, следовало признаться, что денег ей не хватит.

– У меня на карте нет столько. Я же в субботу пропила свою стипендию, – смутилась Татьяна. – А маминой я не могу расплатиться, она что-нибудь заподозрит.

Вадим рассмеялся.

– Ладно, отдашь потом, когда получишь стипендию, – махнул он рукой. – Заглянешь в бар. Тебе, видимо, по пути.

Парень с коварно-игривой искринкой в глазах посмеялся ей в лицо. Она еще больше смутилась и вмиг взбесилась, пожалев, что вообще пришла к нему в бар и вернула деньги за

такси. Теперь твердо решила, что за пиццу ничего отдавать не будет. При этом подсознательно была уверена, что он и не потребует.

Выйдя в прихожую, Вадим принял заказ, расплатился и пожелал курьеру хорошего дня. Татьяна куксилась, сидя на диванной подушке и бессмысленно пялясь в красочную картинку, вырисовывающуюся из мозаики. Парень поставил перед ней две теплые плоские коробки, уже с развязанными веревками. После вскрытия обеих комната наполнилась вкусным запахом приправ, сыра и выпечки.

Татьяна изменилась в лице: недовольство снес детский восторг. Пиццы были идеально круглыми, еще дымящимися от жара, порезанными каждая на восемь равных долей. У нее свело желудок, и проснулся животный аппетит. Вадим галантно преподнес ей стакан с апельсиновым соком и тарелку, чтобы она могла положить туда куски пиццы. В ящике стола волшебным образом оказались салфетки – будто он частенько ел в мастерской. Работу с мозаикой они пока приостановили.

– Хочешь, испорчу аппетит? – спросил Вадим и заглотил добрую половину куска.

Расплавленный сыр при этом вытянулся в длинную кривую веревку, соединяющую его рот и оставшуюся часть пиццы.

– Мой аппетит ничто не может испортить, – самоуверенно ответила Татьяна и тоже надкусила тесто, правда, смогла отделить только пятую часть.

– Спорим?

Она вызывающе на него посмотрела.

– Мой друг как-то съел пиццу с чужой блевотиной.

– Что? – Татьяна сморщилась, но не перестала жевать.

Аппетит все еще был в порядке.

– На спор?

Вадим повертел головой, потому что в этот момент совал в рот вторую половину куска и технически не мог ответить словами.

– А зачем тогда? – нахмурилась Татьяна и сделала еще один надкус.

– Короче, слушай, – парень вытер руки бумажной салфеткой. – Собрал он в честь своего дня рождения на даче человек двадцать. Заказал кучу пицц. Все, естественно, набухались в доску.

Он сделал глоток сока и взял следующий кусок, уже «Баварской». Татьяна жевала и слушала.

– Его, разумеется, набухали больше всех, – парень не стеснялся набитого рта. Татьяна из вежливости опустила глаза вниз. – Короче, он отключился. Валялся где-то под диваном. А мы с ребятами решили конкурс устроить, кто больше пицц съест, потому что их реально дохрена было. Выбрали трех счастливчиков. Одна из них девушка. Ну, короче, где-то на третьей она не выдержала и блеванула прямо в пиццу, которую ела.

Татьяна снова поморщилась, но пока и это не испортило ее аппетит. Она слопала уже половину куска «Четыре сыра».

– Ну, все давай ржать. Повеселились и забили. Дальше стали бухать. К утру все было съедено и выпито. Под конец праздника именинник очухался. Захотел пожрать. Долго искал что-нибудь съедобное, пока не наткнулся на эту пиццу, почти нетронутую. Он взял кусок и съел сразу половину. Такой жует, задумался, посмаковал, сунул в рот вторую половину и говорит: «Вау, какой интересный соус».

– Фууу! – завопила Татьяна и чуть не подавилась куском, который почти проглотила.

Она судорожно схватила салфетку и выплюнула туда не дожеванный комок пищи. Вадим расхохотался. Татьяна дрожащими руками схватилась за стакан и выпила все до дна, как будто это бы ее спасло. Оказалось мало, и она выпила залпом и его сок.

– Эй, – смеясь, Вадим не пытался отобрать стакан.

– Фуу, какая отвратительная история!

Татьяна поднялась, вытирая салфеткой губы. В желудке стало нехорошо. Она не знала, куда себя девать, поэтому начала просто ходить по комнате, закрыв рот ладонью.

– Гордись собой. Тебе удалось испортить мне аппетит.

– Да ладно, – все еще смеялся парень. – В эту-то точно никто не блевал. Ну, может, повар только плюнул разок.

На Татьянином лице выступила гримаса ужаса, сменившаяся отвращением, и Вадим расхохотался пуще прежнего.

– Видела бы ты свое лицо.

Он так хохотал, аж выронил тарелку с пиццей на пол. Она сверлила его рассерженным взглядом. Успокоившись, парень легко поднял упавший кусок «Баварской» и с еще большим аппетитом сунул его в рот. Татьяна сморщилась как полежалая картошка.

– Не бойся, никто туда не плевал, – улыбнулся он уже спокойно. – Я постоянно у них заказываю. Еще ни разу не отравился.

Это должно было утешить, но аппетит вернуть не помогло. Пока Вадим доедал третий кусок, Татьяна вернулась к дискам. Она выбрала еще четыре и посчитала, что этого должно хватить до спектакля. Упаковав коллекцию в любезно одолженный хозяином пакет, она решила, что пора собираться. Мама приходила с работы к семи, а ей следовало быть дома заранее, чтобы не возникло никаких вопросов. Татьяна сказала об этом Вадиму. Ей показалось, что он погрустнел, или хотелось, чтобы так было.

– Пиццу с собой положить?

– Фу, даже не предлагай!

Оба посмеялись.

Татьяна собиралась неторопливо. Сначала тщательно разглаживала и стягивала вниз платье. Потом еще с минуту поправляла волосы, сложенные в пучок, закрепляя шпильками непослушные торчащие клочки. Затем медленно застегивала плащ, расправляя его и перепоясывая. Самым ответственным моментом было натяжение шляпы. К нему она всегда подходила со всей щепетильностью. Хотя сейчас уже настала такая пора, что шляпу можно было не носить, но Татьяна жертвовала комфортом ради стиля и красоты. Она несколько раз повертелась перед зеркалом, разглядывая себя со всех сторон.

Вадим все это время стоял в проеме двери в комнату и смотрел на нее. Она чувствовала его открытый и прямой взгляд, без стеснений, без задних мыслей. Он просто наблюдал, как она двигается и что делает, с легким, но не навязчивым любопытством. Сложно было понять, о чем он думал в этот момент, но неприятно от этого взгляда не было.

В сотый раз убедившись, что шляпа села хорошо, Татьяна с неохотой признала – пора уходить. Она повернулась к парню всем корпусом, сжимая в пальцах сумочку. Он смотрел то на руки, то на лицо.

– Спасибо за диски, – улыбнулась она и потянула пакет за ручки двумя пальцами.

– Не за что.

Он тоже улыбнулся, скрестив руки на груди. В воздухе как будто витала недоговоренность. Татьяна переминалась с ноги на ногу, поджимала губы, быстро обегала всю прихожую глазами и снова возвращалась к полу. Хотелось что-то еще сказать, но говорить было нечего. Она набрала воздуха и направилась к двери. Когда уже стояла на пороге, Вадим негромко спросил:

– Ты же их вернешь? Чем скорее, тем лучше…

Татьяна обернулась с широкой улыбкой на лице, встретив его ожидающий взгляд. Теперь стало ясно, чего не хватало. Воздух сразу полегчал. Неловкость спала. Она подумала, будет красиво оставить его вопрос без ответа, поэтому просто закрыла за собой дверь и, порхая стрекозой, сбежала вниз по лестнице в темноту пролетов нижних этажей.

[1] Pixar - американская студия компьютерной анимации, известная своими критически и коммерчески успешными компьютерными анимационными фильмами.

Глава 4. Сюрприз

Дни проходили напряженно. Время репетиций все удлинялось. Но Татьяна заметила, что просыпаться стало легче. Засыпала она позже, а энергии все равно хватало. Благодарила за это приближающееся лето и ранний восход солнца. Мама, видя ее подъем, то, как Татьяна после занятий все время проводила у станка, не могла налюбоваться. Она все приговаривала, что рада ее возвращению, хоть и не понимала, чем этот подъем вызван. Татьяна и сама не догадывалась.

Во время домашних тренировок она смотрела мультики Вадима. И каждый раз вспоминала их последнюю встречу, а заодно и все предыдущие. Мысль за мыслью в голове перематывалось то, о чем он говорил в баре и у себя на кухне, то, что она о нем узнала, в чем сомневалась сама. Пыталась задуматься о своей жизни, маме, окружении и балете. Она вдруг осознала, что считала свою жизнь нормальной просто потому, что по-другому никогда не жила, не знала иных правил и других игр.

Татьяну воспитывала только мама. Дедушка с бабушкой умерли еще до того, как она поступила в академию. У Татьяны всегда было только одно мнение – мамино. И она с ним всегда соглашалась. Но опыт общения с Вадимом подсказывал, что хотя бы насчет мужчин и барменов мама ошибалась. Как минимум одно исключение из правил встречалось. А что, если мама ошибалась и по поводу других вещей? Муравьевой, например? Или балета?

До выпускного спектакля оставалась неделя. Татьяна растягивалась на полу в своей комнате. На ноутбуке проигрывался японский мультфильм из коллекции Вадима. Мама снова стряпала. По всей квартире распространился запах печеного творога. Заурчал живот, ведь Татьяна, придя домой, не чувствовала аппетита и сразу пошла заниматься. Мама цокнула вслед, но ничего не сказала, не успела. А теперь желание есть пылало огнем в пустом желудке.

Вдруг раздался короткий перезвон колокольчиков – звук уведомления о новом сообщении. Татьяна встрепенулась. Ей редко кто писал. И точно не в такое позднее время. Она взяла телефон и прочитала:

«Уважаемый (-ая) Татьяна! Антикварный магазин «Никому не нужные диски» благодарит Вас за то, что выбрали нас, и в рамках программы лояльности дарит Вам бесплатный билет на сеанс анимационного кино компании Pixar «Душа», который доступен по ссылке...».

Дочитав смс, Татьяна непроизвольно расплылась в широкой улыбке. По ссылке она увидела всю необходимую информацию: QR-код, адрес кинотеатра, дату и время сеанса, а также ряд и номер места. Сеанс был назначен на 18:30. Татьяне следовало уйти чуть пораньше с занятий, чтобы успеть на него, либо опоздать минут на пятнадцать. И она долго колебалась, что из этого выбрать, опоздать или уйти пораньше. Но сам вопрос, идти или не идти, перед ней не стоял.

Сбежать незаметно с репетиции Татьяне не удалось, хотя она предприняла одну неловкую попытку. Но преподаватель в этот самый момент подозвал ее к себе и попросил сделать несколько прыжков. Она с легкостью выполнила все просьбы, лишь бы поскорее закончить. Преподаватель недоумевал, приговаривая: «Ведь может когда хочет!».

После репетиции Татьяна стремглав понеслась в кинотеатр, успев снять с себя только пачку и пуанты. Она подумала, что все равно будет в плаще, поэтому ее трико и лосины никто даже не заметит. Застегивалась тоже на бегу. Подружки хихикали над ней за спиной, но Татьяне было наплевать.

Только в автобусе она поняла, что зря волнуется и спешит, что не престало девушке так торопиться на свидание. И сама на этой же мысли осеклась. «Свидание ли это будет? Вдруг его, вообще, там не будет? Может быть, это просто розыгрыш?» – сомневался разум. Но отступать на полпути не хотелось. Она решила, что в любом случае стоит удовлетворить любопытство.

Фильм уже шел, когда Татьяна появилась в зале. Экран освещал зал достаточно, чтобы видеть ступени рядов и спокойно по ним подниматься. Ее место оказалось самым центральным, поэтому пришлось протискиваться меж сиденьями, портя другим обзор. Дойдя до места, она встретилась взглядом с Вадимом. Он улыбался во весь рот – ждал. Татьяна замерла на мгновение, встав в полный рост, чем загородила людям, сидевшим на ряд выше, просмотр. И этого мгновения хватило, чтобы ей сделали замечание. Она резко опустилась в кресло. Вадим смотрел на нее, не отрываясь.

– Привет, Подсолнух, – шепнул он. – Какой приятный сюрприз.

– В смысле? – недоумевала Татьяна. – Ты же сам...

– Я просто не рассчитывал, что ты придешь, – быстро проговорил парень и отвернулся к экрану.

Она посмотрела на него сбоку, улыбнулась еще шире и тоже уставилась на картинку. В душе порадовалась, что все-таки опоздала на сеанс и дала ему возможность разочароваться, чтобы еще сильнее обрадоваться после.

Больше Татьяна от мультфильма не отвлекалась, смотрела как завороженная, словно видела такое впервые. Картина оказалась очень для нее актуальной, как и для всех людей в целом, потому что давала зрителю подумать о смысле жизни, поиске призвания, мечтах и когнитивных искажениях. Идея была не нова, но подана очень кстати. Все это сдабривали нестандартные герои и качественно продуманная анимация.

Иногда Татьяна замечала боковым зрением, как Вадим ей любуется. Она старалась игнорировать его взгляд и скрыть всеми силами свою реакцию на него, хотя улыбка против воли расползалась по лицу, потому что его внимание ощущалось ласковым. Он мог смотреть по пять минут кряду, не отрываясь и не стесняясь себя, будто имел на это полное право, чем заставлял Татьяну смущаться. Но и это смущение было приятным. Это не было неловкое смущение. Это было кокетливое смущение, которое показывало, что ей не все равно. Она старалась это скрыть, хотя понимала, что Вадим его все равно улавливает.

Пока шли титры, они сидели на местах, ждали, когда основная толпа выйдет из зала, чтобы не толкаться на лестнице. Обсуждали просмотренное. Мнения расходились в противоположные стороны. Татьяна восторгалась, Вадим разочаровался. И каждый пытался доказать свою точку зрения, споря без особого смысла. Но оба находили в этом что-то веселое. Общались они легко, будто и не было недельного перерыва и вообще никаких других сложностей. Из кинозала оба вышли довольные, хоть ничего друг другу не доказали. Вадим вовремя охладил пыл и пошел на мировую. Татьяна посчитала себя победителем.

– Поужинаем? – спросил парень, когда они остановились напротив выхода из кинотеатра, пока не зная, куда идти дальше. – Или мама будет против?

Татьяна нахмурилась, но не стала возмущаться.

– Разумеется, мама будет против... – она уловила нотки разочарования на его лице, –… но я голодная.

Было приятно наблюдать, как улыбка возвращается к нему. И с этой улыбкой он повел ее в «одно неплохое место здесь неподалеку». Для этого требовалось выйти сначала из кинотеатра, потом спуститься на три этажа вниз и, наконец, пройдя весь коридор вдоль магазинов, покинуть торговый центр.

Пока шли, Татьяна продолжала тему анимации и высказывала свое мнение о мультиках, что она успела посмотреть из одолженного. Оказалось, Вадим уже и не помнил ни названий, ни смыслов, ни содержания этих картин, но какие-то отрывки и герои всплывали в его памяти. Тогда он с торжеством восклицал «Аааа!» и ассоциативным методом вспоминал другие, а Татьяна подхватывала и складывала все в единый сюжет.

– Что тебе больше всего нравится в мультиках? Почему именно анимационное кино? – спросил ее Вадим, когда они шли по первому этажу.

– Не знаю, – пожала плечами Татьяна, вглядываясь в черный глянец напольной плитки. – Просто интересно, как неживое может оживать при помощи нашего воображения. В игровом кино все ведь по-настоящему. За исключением спецэффектов. Но эти спецэффекты сейчас слишком реалистичны, настолько, что не всегда заметны. А вся магия, мне кажется, как раз заключается в том, что ты смотришь просто на картинки или куклы, но видишь в них реальных людей или животных со своей душой. И воспринимаешь их как живых, сопереживаешь им, страдаешь вместе с ними. Плюс мне нравится, как это сделано.

Вадим все это время без отрыва глядел на нее с полуулыбкой. Хоть Татьяна и не смотрела в его сторону, но чувствовала, что он ее слушает и внимает. Было по-хорошему странно, что кому-то интересны ее мысли, кто-то хочет узнать о ней что-то важное или даже неважное, всерьез воспринимает ее мнение.

– А ты никогда не думала стать мультипликатором?

– Я? – с усмешкой удивилась Татьяна, будто он предлагал на Марс полететь. – Ты что, я же даже рисовать не умею. У нас было изо, но это так... азы.

– Никто не умеет от рождения, пока не научится. В наши дни при таком большом выборе специальных программ и рисовать, и анимировать гораздо проще. Куча курсов, которые позволяют после их окончания сразу искать работу. Возможностей множество.

– Но мне уже восемнадцать, – с печалью проговорила Татьяна, словно ее рейс в жизнь отменили навсегда.

Парень только посмеялся.

– Тебе всего восемнадцать! Люди в этом возрасте как раз и поступают в университеты и начинают...

Она не дала ему договорить, застыла на месте и притянула к себе, прижавшись к его груди. Вадим опешил и обнял ее обеими руками аккуратно.

– Оу, как быстро развиваются наши отношения. Я смущен.

Татьяна шикнула и осторожно выглянула из-за его плеча.

– Там моя мама.

– Где? – испугался Вадим и рефлекторно обернулся.

Татьяна поругала его за суетливость и приказала не двигаться в наивной надежде на то, что мама пройдет мимо, не заметив их, если они не будут шевелиться. Но ее с потрохами выдавала ярко-желтая шляпа, поля которой торчали из-за спины парня. Мама быстро направлялась к ним.

Мужчина, который изначально шел с ней рядом, остановился и повернулся задом, неуклюже топчась на месте. Он был в классическом черном пальто и коричневых брюках. Руки держал за пазухой. На голове в окружении седых волос блестела лысина. Больше ничего примечательного в нем не нашлось, но фигура в целом показалась Татьяне знакомой, только ей некогда было его разглядывать.

– Что здесь происходит, Куколка? Не трогайте мою дочь! – мама шагала стремительно.

Татьяна огляделась, а сама еще держала Вадима за рукав. Люди тоже стали оборачиваться на громкий голос, в котором чувствовалось много тревоги.

– Отойдите от нее! Куколка!

Поняв, что мама уже все видела, под действием адреналина Татьяна сымпровизировала и оттолкнула парня. Вадиму оставалось только недоумевать. Он выпучил одновременно испуганные и ошеломленные глаза. Когда мама подошла на расстоянии пятнадцати метров, Татьяна крикнула на него. Хорошо, что в академии их учили актерскому мастерству. Ей удалось изобразить обиженную девушку, которую замучил надоедливый ухажер.

– Я тебе в который раз повторяю, перестань за мной бегать. Все равно ничего не добьешься. Надоел!

Услышав это, Вадим сделал шаг назад, но ничего не ответил. Брови нахмурились. Взгляд показывал, что он начал понимать, в чем дело. Прохожие от внезапного крика стали оборачиваться. Вскоре показалась и мама. Алое, хоть и деловое, платье выглядело нарядно, точно выбиралось не для повседневных нужд. В руке она несла бежевое пальто с мехом. Волосы распустила. Те черным шелком спадали с плеч.

Она переводила строгий взгляд с дочери на парня. Татьяна краем глаза следила за спутником матери, который остался стоять у входа в торговый центр, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Кто этот молодой человек?

– Никто. Просто знакомый, – Татьяна поспешила отмахнуться от Вадима, как от назойливой мухи. – Он уже уходит.

Она подбежала к маме и схватила ее за локоть, чтобы увести, но та твердо стояла на месте.

– Почему ты на него кричала? Он тебя трогал? – серые глаза мамы расширились удивлением и быстро наполнились злостью. Она метнула взгляд в парня.

Вадим не дрогнул под испепеляющим прищуром и перевел молчаливый вопрос в глазах с нее на Татьяну.

– Конечно, нет, мам. Он ничего не делал, просто… – она улыбнулась неловко и отвернулась, краснея.

– Что он себе позволяет? Как будто обнимал тебя. Или даже *поцеловал*?

Мама перевела прищур на Татьяну и поджала губы. Мелкие морщинки углубились по всему периметру рта.

– Нет, совсем ничего! – Татьяна замотала головой, с опаской поглядывая на Вадима.

Тот приподнял одну бровь, но молчал. Как будто ждал, как она выкрутится сама.

– Тебе показалось. Мы даже не обнимались! Просто так стояли…

Мамино лицо словно похолодело и высохло. Татьяне сразу стало ясно – не поверила. Мама резко повернулась к Вадиму и процедила.

– Кто вы такой? И что вам нужно от моей дочери?

Вадим вздохнул и уже приготовился было ответить, но Татьяна загородила его и взяла маму за плечи.

– Мам, это всего лишь брат Муравьевой.

– Ты кричала, что он тебя преследует.

– Я не то… не совсем так… Преувеличила немного.

– Хм. Не ври мне, Куколка, – надавила мама тяжелым голосом. Дело становилось все хуже.

У Татьяны сердце заискрилось от нарастающей паники. Мама обошла ее аккуратно и подошла к парню близко, оставив расстояние всего в два-три шага. Низкий рост заставил ее выгнуть шею и поднять лицо к потолку, но выглядела она все равно ужасающе. Темная аура защищала ее и подавляла всех в радиусе ста метров. Посетители торгового центра обходили их стороной, словно могли попасть под горячую руку.

– Я мама Татьяны и не желаю видеть вас рядом с ней. Пока вежливо прошу отстать от моей дочери. Но если и впредь будете так настойчивы, то от вежливости моей не останется и следа, – она пригрозила Вадиму длинным пальцем.

Парень сжал губы до белого цвета и отвернул лицо, будто смотреть на нее не мог. Татьяна заметила, как он сжал кулаки в карманах куртки. Она боялась, что он не выдержит и что-нибудь скажет, тем самым выдаст ее. Но он лишь молча кивнул. Мама осталась довольна собой, развернулась на каблуках и увела Татьяну подальше от досаждающего ухажера.

Татьяна обернулась на Вадима с извинением в глазах. Он смотрел на нее долго, не показывая никаких эмоций, но взгляд леденел.

– Теперь объяснись, Куколка, – потребовала мама, крепче сжимая ее плечо. Легкая боль вернула внимание Татьяны в здесь и сейчас, хотя в уме еще стояло вопросительное лицо Вадима. – Что ты здесь делала? И почему с ним? Что между вами было?

– Ничего, мам, абсолютно! Клянусь!

Татьяна сглотнула, не зная, куда деться от въедливого взгляда. Серые глаза выжигали под кожей правду, но она решила не сдаваться и ни в чем не признаваться, а уж врать до конца.

– Кажется, я ему понравилась. И он ждал меня у академии. Плелся за мной оттуда. Я сюда специально пришла, чтобы не вести его домой.

– Значит, все-таки преследовал? – мама набрала в грудь побольше воздуха и обернулась, но Вадима на прежнем месте уже не оказалось. Толпа быстро наполнила собой коридор. – Будь осторожнее, Куколка.

Татьяна кивнула, а глаза спрятала в пол. Голову не поднимала, потому что румянец мог выдать ее с потрохами.

– Стоит отметить, он симпатичный, – голос мамы смягчился, в нем даже заиграло кокетство, но быстро сменилось обеспокоенностью. – Понимаю, почему ты его терпишь. Но надеюсь, ты не рассматриваешь его всерьез?

– Нет, мам, что ты. Он же брат Муравьевой. И еще бармен. Я помню, что ты мне говорила. Я на таких не смотрю, – Татьяна просто хотела наговорить много для убедительности, чтобы мама ни капли не сомневалась в ее благонадежности.

Мама остановилась и покосилась на нее с недоверием. Во взгляде что-то таилось. Татьяна никак не могла разобрать, что именно. Боялась, что ляпнула лишнего.

– Правильно. Всякая шелупонь типа барменов тебе не нужна. Ты – балерина! Тебе надо искать достойного кавалера. С этим наверняка даже поговорить не о чем!

– Да, мам, не о чем, – Татьяна украдкой глянула назад, на коридор, по которому они шагали с Вадимом, смеясь, и ей стало необъяснимо грустно. Слабо ощутимое чувство несправедливости царапало горло, но добавить было нечего.

– Твой отец тоже был из таких. Связалась с ним на свою беду. Единственное счастье, что он мне подарил, это ты.

Татьяна вскинула голову от удивления. Мама тихо фыркнула и опустила взгляд. Лицо отворачивала в сторону витрин, разглядывала их динамичные отражения и блики на стеклах. Манекены в модных нарядах отвечали бесчувственностью. Татьяна не решилась на дальнейшие расспросы об отце, не то было место и время.

– Я не буду с ним связываться. Я и не хотела, – проговорила она, вздохнув.

– Не повторяй моих ошибок.

Мама улыбнулась и поцеловала ее в висок. Татьяна постаралась выдавить в ответ что-нибудь равнозначное, но получилась только кривая линия вместо улыбки. Поймав на себе взгляд мужчины, который все еще топтался у входа, Татьяна вспыхнула и посмотрела на маму смело, во все глаза.

– А ты, мам, что здесь делаешь? На свидании, что ли?

Мама встрепенулась, как током ошпаренная, и поправила волосы, которые и без того лежали идеально ровно – она их всегда выпрямляла утюжком перед выходом в свет.

– Ничего подобного, просто решили с коллегами сходить в кино, – она неловко увернулась от пристального взгляда. – Нас там еще люди ждут. Не думай.

Татьяна впервые в жизни видела маминого ухажера, причем издалека и нечетко. Она порой замечала по поведению и внешнему виду, что мама идет на свидание, но не знала, был ли это один и тот же мужчина или каждый раз разные. В любом случае до знакомства с ней дело никогда не доходило. Эту случайную встречу мама тоже нарочито игнорировала.

«Как тесен мир», – с досадой подумала Татьяна. Ей сейчас было не до маминых пассий. Она всегда думала, что к ее отношениям относится спокойно. Они ее никак не касались.

Наверно, потому что мама еще никого не приводила в дом. Татьяна только сейчас догадалась, что это была мамина жертва ради нее. Возможно, она отказывалась от своих отношений, лишь бы не мешать и не тревожить ее. Татьяне стало жаль маму, как до этого было жаль Вадима. Полностью расстроенная она отправилась домой, а мама с импозантным мужчиной пошли смотреть кино.

Глава 5. Подсолнухи

Выпускной спектакль близился, а вместе с тем нарастала и паника у Татьяны. Она по-прежнему постоянно сбивалась, хоть и тренировалась больше всех и в зале, и дома. Но вечно витала в облаках. Сконцентрироваться было невозможно. Как ни старалась, Татьяна не могла изгнать воспоминания о Вадиме. Она уже и злилась на него, и ненавидела себя за это. Но ей не давала покоя мысль, что все вот так закончилось. Сохранялось стойкое ощущение, что еще не закончилось и что не она одна ждет продолжения.

В вечер перед генеральной репетицией спектакля Татьяна поняла, что так и не успокоится, если что-нибудь не предпримет, потому решила написать ему смс, а дальше будь что будет.

Это оказалось сложно. Татьяна уже второй час сидела, формулируя простое предложение. Наконец, осознала, что лучше все равно не придумает, поэтому на сто двадцать первый раз оставила как есть: «Уважаемый (ая) Вадим! Студенческое объединение шоу-балет «Подсолнух» приглашает Вас завтра в 14.00 на генеральную репетицию спектакля «Лебединое озеро», которое состоится по адресу: …. Вход бесплатный по промокоду: «Татьяна Буравина».

Еще минуту она не могла нажать на кнопку отправить. Сердце колотилось с бешеным ритмом, будто она только что пробежала стометровку за восемь секунд. Она так не волновалась с момента, когда сдавала вступительные испытания в академию. Но, собрав всю волю в кулак и закрыв глаза, все-таки нажала на стрелочку. И наступило облегчение – теперь от нее ничего не зависело.

Через двадцать секунд зазвонил телефон. Татьяна переполошилась. Она сидела на кухне, пила чай с очередным кулинарным изыском мамы. Та читала в гостиной, но могла прийти сюда в любую минуту, поэтому Татьяна испугалась. Еще не подняв трубку, соскочила со стула и пулей устремилась в свою комнату. Только заперев дверь на внутренний замок, ответила.

– Я же просила не звонить мне самому! – сразу прошипела Татьяна в трубку.

– Ты же мне сама написала, – оправдывался Вадим.

– Ну, и что. Я же именно, что написала.

Парень устало вздохнул, потом улыбнулся. Это слышалось в интонации.

– Я спросить хотел, что да как. Я на балет-то никогда не ходил. Там что, костюм нужен? Туфли? Галстук? Все как положено?

Татьяна тихо рассмеялась.

– Совсем необязательно. Это же всего лишь репетиция. Просто генеральная. Но там будет полноценное представление с костюмами и декорациями.

– Отлично. А меня точно впустят?

– Должны, если назовешь мое имя. Многие приглашают туда своих родных и друзей.

– То есть я теперь твой друг?

– Это в благодарность за кино, – быстро ответила Татьяна, надеясь, что не дала ему возможности убедиться в своих словах.

– Блин, меньше всего хотел угодить в твою френдзону, – Вадим наигранно погрустнел. – Оттуда вообще выбираются?

Ее мини-план провалился, но Татьяна заулыбалась, точнее, не смогла удержаться. На его риторический вопрос, который тем не менее прозвучал с надеждой, она отвечать не стала.

– Только, пожалуйста, не опаздывай. Этого никто не любит. А если раньше придешь, будет возможность сесть в первых рядах.

– Прям аншлаг будет?

– Нуу... не весь зал, конечно, но самые лучшие места точно будут заняты.

– Ясно. Ладно, пойду дальше работать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Татьяна тоже продолжила заниматься. Только теперь у нее все гораздо лучше получалось. Она сама себе поражалась и все пыталась понять, как это работает. В рамках курса анатомии они изучали, как функционируют гормоны, как некоторые из них увеличивают работоспособность организма в определенных ситуациях, а другие, наоборот, помогают расслабиться или получать удовольствие. Что из этого в ней сейчас кипело, Татьяне было неведомо. Но что-то точно кипело и вырабатывало много положительной энергии, которой ей давно не хватало. А разум по-прежнему отказывался связывать все эти следствия с Вадимом. Хотя в сознании фоном, словно рисунок на рабочем столе компьютера, постоянно стояли его улыбчивые глаза.

***

Татьяна волновалась сильнее, чем ожидала от себя, поправляя тени на веках перед зеркалом. Нервозности добавляла торжественность обстановки настоящего театра. Все здесь было таким великим, императорским, старинным и наполненным духом балета. Изысканная лепнина, высоченные потолки, канделябры, колонны и красный бархат – все это одновременно восхищало и угнетало, потому что такому месту нельзя было не соответствовать.

– А ты говорила, к тебе никто не придет. Я твою маму видела, – сказала Даша, вбегая в гримерку. – Она с моими в третьем ряду.

– Что?!

От внезапной плохой новости Татьяна только больше размазала тени на правом веке. Даша стерла лишнее ватным тампоном, который взяла для себя.

– Ты не рада?

– Она только на выпускной собиралась, – тихо и медленно проговорила Татьяна, опуская взгляд на столик с косметикой.

Сердце заколотилось с двойной силой. Она и так себе от волнения места не находила, пошла подкрашивать глаз, который и без того был хорошо накрашен, лишь бы чем-то заняться в последние минуты перед выходом на сцену. В итоге еще больше разволновалась и только испортила себе макияж. Даше пришлось взяться за нее. Пока она красила Татьяну, говорила:

– А еще там какой-то высокий красавчик в первом ряду сидит, один, с букетом подсолнухов. Чей-то кавалер, однако. Но почему-то никто не признается. Не твой ли, случайно, а, Тань?

На последнем предложении Даша, сузив карие глаза, присмотрелась к ней. Услышав «подсолнухи» Татьяна сразу поняла, о ком речь, но тоже не призналась, помотав головой. Подруга вроде поверила.

– Неужели Муравьевой? – задумалась Даша, прикусив алую губу. – Откопала же где-то такого недоумка. С букетом. Ха! Еще и подсолнухов. Где он только их достал?

Мимо пробежали Лиза с Верой. Даша поделилась с ними информацией об ухажере Муравьевой, и они все прыснули ехидным смехом. Татьяна молча их слушала, боясь, что Вадим как-нибудь ее выдаст.

«Блин, подсолнухи?! Какие подсолнухи? Зачем он их припер?» – думала она с досадой и злилась на парня за то, что он поставил ее в такое положение на грани позора. Если девчонки так смеялись над Муравьевой, то над ней и подавно будут издеваться. Они высмеивали его простецкий вид, глупую улыбку на лице и сами подсолнухи. Им все казалось смешным, но больше всего то, что парень принес букет на репетицию. Это ведь даже не был сам спектакль, еще не с чем было поздравлять, тем более цветами, тем более подсолнухами. «Да как он только до этого додумался?! – бесилась в душе Татьяна, а внешне показывала безразличие к разговору подружек. – Пригласила на свою голову. Еще и мама...».

На сцену Татьяна выходила с каменным от напряжения лицом. Все тело хотело застыть, но нужно было двигаться, то плавно, то быстро, да еще и синхронно с остальными. Букет подсолнухов, яркий, объемный, бросался в глаза. Его наверняка заметила сразу вся труппа.

Вадим сидел в первом ряду, широко улыбаясь, по своему обыкновению, ни на кого не обращая внимания. Букет положил на колени, поддерживая их одной рукой, а второй подпер подбородок и пристально смотрел на Татьяну. Она чувствовала его завороженный взгляд, и это еще больше раздражало. Она также ощущала на себе взгляд мамы, пока спокойный, подбадривающий и любящий.

Пришлось собрать остатки воли, чтобы сконцентрироваться на спектакле. Спасало хотя бы то, что это была всего лишь репетиция, но Татьяна чувствовала на себе такой груз ответственности, будто от ее исполнения зависела жизнь миллионов младенцев. А по факту, она танцевала в самом конце сцены, без партнера, все в массовке были как один на лицо, поэтому на нее внимания никто, кроме Вадима и мамы, не обращал.

Наконец, мучения закончились. Репетиция прошла хорошо. Преподаватель всех похвалил, Муравьевой восторгался. В конце вся труппа вышла на сцену поклониться под гул небольших аплодисментов родных и близких. Татьяна стояла в углу сцены, прячась от всех, в надежде на то, что Вадим ее не заметит. Но он не мог ее не заметить, ведь смотрел только на нее. Когда все захлопали, он встал со своего места и понес букет к сцене. Среди труппы раздались негромкие смешки. Татьяна упиралась, хотя парень явно указывал на нее. Труппа уже расступилась, чтобы она вышла.

– Смотрите-ка, Подсолнух-то Танькин оказался, – шепнула подружкам Даша, и девчонки засмеялись, прикрывая рты ладонями.

Лиза с Верой буквально вытолкнули Татьяну вперед. Она почувствовала на себе тяжесть тысячи прикованных взглядов. Среди них поймала улыбку Муравьевой. Та смотрела с любопытством то на Татьяну, то на парня с подсолнухами. «Точно, брат!», – пришла в голову спасительная мысль.

– Лена, это, кажется, к тебе, – Татьяна повернула лицо к Муравьевой.

Та распахнула глаза широко. Улыбка сползала с губ. Вадим проследил за взглядом Татьяны и сказал громко:

– Нет, Тань, я к тебе.

Парень тянул наверх букет с подсолнухами. Она выстрелила в него досадой и раздражением. Тут же поймала в темноте зала блеск серых глаз. Мама уже неслась к сцене.

– Опять он! – воскликнула она, встав напротив Вадима. – Хватит преследовать мою дочь! Я полицию вызову, если ты от нее не отстанешь.

Ее худая фигура в темно-сером костюме с переливами вся дрожала от злости. Она приставила ноги друг к другу, как солдатик, а руки уперла в бока – так казалась шире и мощнее. Зрители наблюдали с интересом. Драма разыгрывалась не на шутку. А Татьяна хотела провалиться сквозь землю и вообще никогда не существовать на этой планете.

Вадим положил букет на сцену и всем корпусом повернулся к Татьяниной маме. Лицо его приобрело недоброе выражение. Ноздри расширялись от учащенного дыхания. Было видно, что кровь в нем тоже кипит, но говорить он начал относительно холодным тоном:

– Здесь *вы*мне не указ.

– Вот наглец! Я ее мать. И именно я тебе здесь указ. Смотри, сколько неприятностей ты ей доставляешь. Я тебе уже говорила, что не желаю тебя с ней видеть, – театрально, как и всегда, высказалась она.

– Мне плевать, чего вы не желаете, – Вадим решительно взглянул на оцепеневшую Татьяну, которая прикрыла рот рукой от его дерзких слов.

В голове промелькнула мысль: «Как можно так разговаривать с мамой?». Но Вадим спокойно продолжал:

– Мне нравится ваша дочь. И я не отступлю только потому, что *вам*не нравлюсь я.

– Ты ей не *нравишься*! – вскричала мама, поставив ударение на последнее слово, вместо второго. Получилось истерично. – Очнись! Она ведь сама тебе об этом каждый раз говорит. Что за спектакль ты здесь устроил?

– Спектакль устроили вы. Это, видимо, ваша стезя.

Несколько смешков раздалось из зала.

– Куколка, что за нахал?! – мама в бессилии развела руками в воздухе, повернувшись к Татьяне. – Ну, объясни ты ему, наконец, да так, чтоб понял!

Татьяна, шатаясь, подошла к краю сцены и с ужасом посмотрела парню в глаза. Она вся покрылась краской и испариной. Пола под собой не чувствовала. А его, казалось, ничто не смущало. Вадим стоял твердо, уверенно, не улыбался, но глазами ее успокаивал. Взгляд его казался неколебимым. С таким можно было чувствовать себя как за каменной стеной. Но она испугалась этого взгляда. Больше потому, что видела в нем отражение своего желания смотреть туда вечно.

Увидев лежащий у ног букет, Татьяна пнула его с силой. Часть цветов улетела вниз. Один листок попал в Вадима. Ему пришлось отшагнуть. Однокурсники ахнули, как и немногочисленные зрители в зале. Но это ее не остановило. Татьяна попрыгала на остатках подсолнухов, специально давила цветы носком, чтобы стереть и размазать по полу. Хотела выплеснуть волну накативших эмоций, невыносимых и давящих. Там было все: и боль, и досада, и разочарование. И вина. Перед мамой. Или перед Вадимом. Татьяна не разбирала, просто злилась.

– Зачем ты приперся? Еще с этим дурацким веником! Я же тебе говорила уже тысячу раз, перестань за мной бегать. У тебя нет шансов! И никогда не будет.

К волнению и злобе прибавился артистизм – Татьяна подражала маме, хотя чувствовала, как захлебывается в крови сердце. Оттого она еще усерднее топтала подсолнухи, не поднимая головы, чтобы не напороться на красивое лицо Вадима. Некоторые из толпы посмеивались над ее неуклюжими движениями. Муравьева качала головой. А мама довольно хмыкнула и скрестила руки на груди.

– Ясно, – сказал Вадим совсем опустевшим голосом.

Татьяна подняла на него испуганное лицо. Ее обожгло льдом карих глаз, больших и круглых, манящих на собственное дно, где пряталась нежность и печаль.

– Надеюсь, до тебя дошло, – мама вскинула подбородок и пронзила парня спесивым взглядом.

Он посмотрел на нее устало, затем на Татьяну с укором. Она отвернулась от колкости.

– Извини, что достал твою мать. Просто ты мне очень понравилась.

Однокурсники засмеялись. Пара женщин в зале ахнули. Муравьева улыбалась одобрительно. А Татьяна раскрыла рот в ужасе. Мама обрастала облаком возмущения, из нее вылетали молнии.

– Каков мерзавец! Даже смотреть на мою дочь не смей!

Она замахала руками, пытаясь прогнать Вадима из зала. Он как будто специально назло взглянул на Татьяну.

– Куколка! – ругалась мама. – Кем он себя возомнил?

Татьяна быстро собралась с мыслями и пропищала:

– Дурак. Уходи.

Вадим горько усмехнулся и направился к выходу. Шаги заглушались ковролином, который покрывал лестницу. В зале стояло сильно заряженное напряжение. Очень тихо по сцене пробежался шепот. Татьяну каждый звук пронизал до костного мозга. Хотелось развалиться на мокрые ошметки, лишь бы не осознавать себя и реальность. Все это время, пока Вадим не хлопнул дверью, остальные молчали. Даже мама не возмущалась и пристально следила за ним.

– Чего замерли? Репетиция окончена, – громко сказал преподаватель, ударив в ладоши.

Только тогда все начали расходиться.

Татьяна хотела реветь навзрыд, но толпа вокруг ее останавливала. Горло словно сковала колючая проволока. В памяти эхом еще отдавались равномерные глухие шаги. Лицо наливалось кровью, а сердце неистово стучало. В гримерке сильно не хватало кислорода, ведь окон там не было. Вентиляции тоже. Татьяна схватила свои вещи, сняла пачку и, не переодеваясь, просто накинула плащ сверху, чтобы как можно скорее уйти отсюда. Но подружки остановили ее в проходе.

– Ну, ты даешь Танька! А че не признавалась, что это твой ухажер? – спросила Даша, вталкивая ее обратно в гримерку. – Ну, вы, конечно, устроили шоу. Ты его специально надоумила букет принести? Чтоб хоть какие-то лавры словить?

Даша осмотрела кругом девчонок, и они вместе дружно рассмеялись. Татьяна выдавила из себя слабую усмешку.

– Я вообще не знала, что он придет, – тихо врала она, отворачиваясь. – Мне пора, мама ждет.

Она оглядела всех четверых подруг разом, нигде не найдя понимающего взгляда, а только усмехающиеся, и выбежала из душной комнаты. Длинный коридор еще долго разносил их громкий смех. Слов разобрать Татьяна уже не могла, но была уверена, что смеялись именно над ней, мамой и Вадимом.

Она жаждала выбежать из этого здания, хотя самое неприятное ждало впереди. Встретив маму, она пожалела, что убежала. Гораздо легче было выслушивать насмешки Даши и остальных, чем разговаривать с ней. Но этого не удалось бы избежать. Ей все равно нужно было возвращаться домой, к репетициям, в привычную жизнь. Ведь ничего и не произошло. Только в душе начинало что-то переворачиваться.

Она пока не понимала ничего. Просто чувствовала, как ей невыносимо здесь. Везде. Ведь весь ее мир сводился к дороге от академии до дома и обратно. И лишь однажды стоило сойти с этого маршрута и заглянуть в первый попавшийся бар, как все закончилось крахом. Раньше в ее жизни была система, была рутина, были стандартные встречи и разговоры, привычные занятия и единственная цель. А теперь ничего не осталось. Все стало сразу чужим, непривычным, ненужным и запутанным.

– Бедная моя Куколка! А этот бармен настырней, чем я думала, – с презрением говорила мама, взяв Татьяну под руку, как она обычно делала, когда они вместе куда-нибудь шли. – Но стоит отдать должное, упертости ему не занимать. Но подсолнухи!

Мама искренне расхохоталась. Татьяна сжалась и, насколько это было возможно, отвернула лицо в другую сторону, чтобы спрятать свой стыд или негодование, а точнее, смесь этих двух эмоций, которые вырисовывались в некрасивую мину.

– Вот умора! Еще и на репетицию, – чопорно посмеивалась мама, а потом вдруг удивилась. – А сестру, которая, вообще-то, в главной роли, даже вниманием не удостоил. Как странно.

Татьяна задержала дыхание на мгновение, боясь проколоться. Решила ничего не отвечать.

– И Муравьева его как будто впервые видела, – мама остановилась и развернула ее лицом к себе. – Ты мне точно правду рассказала?

– Ну, он ведь ко мне пришел, а не к ней. Может, для братьев и сестер это нормально.

– Хм.

Мама двинулась дальше. Татьяна выдохнула с облегчением.

– Оригинальный, конечно, молодой человек.

Ее явно веселила эта выходка с подсолнухами.

– А ты почему пришла? Ты же вроде бы не хотела, – спросила Татьяна, хоть теперь это и не имело значения.

– Как это не хотела? Я всегда рада посмотреть на свою Куколку. Просто у меня сначала из-за работы не получалось, но вчера выпал удачный шанс.

Они подошли к машине. Татьяна не хотела лезть в еще более замкнутое пространство наедине с мамой. Ей было неприятно, если не противно. Мама так же насмехалась над Вадимом, как и подружки, не подозревая, что причиняет ей этим боль. А сердце до сих пор болело. Парень сглупил с цветами, но точно не заслуживал такого обращения. Больше всего она страдала из-за того, что сама поставила его в такую ситуацию.

Всю дорогу до дома мама читала Татьяне лекцию об отношениях. В сотый раз. Мама снова впечатывала в нее уже давно внедренные образы идеального партнера, учила, как надо принимать ухаживания и как понять, что за ней правильно ухаживают. Вадим ничего из маминого списка не делал и не имел, но все равно не давал Татьяне покоя. Она только под мамину лекцию, после пережитого позора, смогла признаться самой себе, что не может оставаться к нему равнодушной. От этого совсем поплохело. Татьяна решила погрузиться в мысли, чтобы абстрагироваться от скучного монолога. А мама продолжала с чувством, выражением и расстановкой вещать простые истины, не замечая, что Татьяна давно потеряла интерес к этой теме и ко всему остальному тоже.

Глава 6. Дирижабль

Татьяна плохо спала, но как только проснулась, начала танцевать. Аппетит не появился даже к обеду. Она поела только перед самым выходом просто для того, чтобы были силы оттанцевать спектакль. Теперь Татьяна не волновалась, как вчера перед генеральной репетицией. Ей даже нарочно хотелось все испортить: где-нибудь упасть, что-нибудь перепутать, как-нибудь помешать другим.

Она схватила с окна фарфоровую статуэтку и сжала ее с силой, надеясь почувствовать боль. Гладкая и холодная керамика выскользнула из расслабленных рук. Татьяне хотелось, чтобы куколка упала на пол и разбилась, как тарелки в мастерской Вадима, а фигурка беззвучно плюхнулась на пачку, которую Татьяна сбросила с себя до этого. Маленький бунтарский дух противился всему внутри, обжигая мелкими вспышками сердце и душу, но вырваться наружу ему так и не удалось.

В машине мама снова держала речь, которая теперь должна была мотивировать Татьяну на балетные подвиги. Это заметно приглушило костер восстания.

– Как быстро летит время, – вздохнула она. – Столько лет и трудов. Твоих, моих. Ох, Куколка! Пусть ты не исполняешь сольную партию, но все равно... ты у меня умница! Многие ведь даже до выпуска не доходят. И дело вовсе не в таланте, а в упорстве. Я верю, ты, если захочешь, всего добьешься. А неудачи делают нас только сильнее. И мудрее. Нам сейчас нельзя унывать. Скоро перед тобой откроется настоящий мир балета, настоящие репетиции, настоящие спектакли, настоящая публика. Знала бы ты, какое это удовольствие, получать цветы от благодарных зрителей, а нет от тупоголовых барменов.

Стоило только вспомнить о Вадиме, Татьяна нахмурилась. До этого момента речь действовала позитивно. Она набиралась понемногу мотивации, хотя бы для того, чтобы завершить начатое. Но слово «бармен» теперь резало душу.

На счастье Татьяны, доехали они быстро. Из машины сразу разошлись каждый по своему пути: она – через служебный вход в гримерку, а мама – через парадный в центральный холл.

Сегодня все казалось Татьяне еще более торжественным и величественным. Хотя моментами проскальзывал уют. Теплоту создавали желтые лампы накаливания, использовавшиеся во всех люстрах и светильниках. В гримерках все так же было тесно, душно и неестественно ярко для такой среды. Общий свет тускнел под потолком, но каждое зеркало по периметру обрамляли белые шарики. Хоть краситься было удобно.

Муравьева держалась особняком, как и всегда, пританцовывая на цыпочках. Ее партнер старался быть поблизости. Но она не обращала на него внимания. Остальные разбились по кучкам и общались между собой. Все обсуждали предстоящий спектакль и волнение по этому поводу. Зал потихоньку набивался зрителями, основную часть которых составляли родственники и друзья выступающих, преподаватели и невыпускающиеся студенты академии.

– Ну, что Тань, сегодня твой тоже придет? Надеюсь, додумается в этот раз нормальные цветы принести. Не репетиция все-таки, – ехидничала Даша. Остальные выдавили по легкому смешку.

Татьяна тяжело вздохнула и отвернулась к зеркалу. Перед тем, как попасть к визажисту, надо было подготовить на лице основу под макияж. Она молча достала косметичку и выдавила специальный крем на подушечки пальцев.

Подружки посмеивались, уже не обращаясь к самой Татьяне, будто ее и не было. Зато за соседним столиком чудесным образом оказалась Муравьева, которая заговорила первой:

– На самом деле, ты зря с ним так жестоко. Искренность надо поощрять, а не наказывать. И в себе не прятать, – надавила она на последнее слово и помяла губы, чтобы размазать помаду.

Татьяна удивленно посмотрела на ее уже разукрашенное визажистом лицо. Муравьева выдавила слабое подобие улыбки и тут же похолодела, как будто мысленно отстранилась. Все равно приятно было увидеть доброжелательность, пусть не полноформатную, но без издевок и подвохов. Особенно на фоне тупоумных замечаний подруг, мусоливших вчерашний случай.

– Спасибо, – не совсем кстати ответила Татьяна, просто именно это слово четко описывало ее чувства.

Муравьева хмыкнула. В глазах промелькнул диссонанс, но озвучивать свои сомнения она не стала, за что Татьяна благодарила ее вдвойне.

– Я теперь понимаю, почему ты такая, – произнесла Муравьева загадочно, глядя на себя в зеркало. – И хорошо, что он не такой.

Татьяна совсем запуталась. Даже не пыталась вникнуть в эти слова. Она еще от первой фразы не отошла, и от самого разговора. Муравьева и раньше могла себе позволить встрять некстати и высказаться абстрактно – всех это бесило, выглядело снисхождением или того хуже поучением.

В голове образовался вопрос: «С чего вдруг и мне выпало?», но потом Татьяна вспомнила, что сама втянула Муравьеву в свои нелепые отношения. Ответить ничего не успела, потому что всех созвали на разминку. Простые упражнения помогли снять часть напряжения и сконцентрироваться на спектакле.

Выходя на сцену, Татьяна снова испытала волнение. Весь предыдущий опыт ее жизни в один миг свалился на плечи, давя на больные места. Вдруг проснулась ответственность перед матерью, преподавателями и однокурсниками. Надо было брать себя в руки и станцевать этот спектакль без изъянов, даже если она не знала, что будет дальше. Принимать важные жизненные решения Татьяна не умела, но придерживаться принятого ей помогала хорошо развитая сила воли.

Спектакль прошел на ура. Довольны остались все, особенно их преподаватель. Все в целом было, как обычно на репетициях. Муравьева блистала, все остальные ее не подводили. Татьяна пряталась в тени, поближе к кулисам, но ощущала себя так, будто танцевала ведущую партию. Ответственность и напряжение распространились на всех, плавно от центра и солистов до периферии.

По окончании самого главного события всего их многолетнего обучения можно было выдохнуть свободно. За кулисами все громко обсуждали свои страхи и эмоции на сцене. Кто-то где-то чуть не споткнулся, у кого-то подкашивались ноги, кто-то еле удержал партнершу, но все смеялись, потому что все было на грани, но не случилось.

Даша зазвала подружек отпраздновать успешное выступление, как делали все остальные небольшими группами. Без компании оказалась только Муравьева. Неожиданно для всех Даша предложила подругам пригласить ее с ними. Татьяна обрадовалась, что в компании будет хоть кто-то, кто не станет смеяться над ней и Вадимом, когда Даша опять начнет остроумничать по этому поводу. Муравьева удивилась, оглядывая всех четвертых.

– А куда вы хотите? – спросила она.

– Не знаю, в какой-нибудь бар, где-нибудь по пути, – пожала плечами Даша.

– Главное, с танцплощадкой, – уточнила Вера.

Муравьева посмотрела на Татьяну внимательно, улыбнулась и согласилась. Решение позвать ее казалось странным. Но Татьяна подумала, что, возможно, под конец учебы Даша все-таки решила перестать соперничать и сгладить их сложные отношения.

Сама Татьяна не очень хотела развлекаться. В баре. С подружками. Ей хотелось пойти домой, лечь в родную постель и уснуть крепким и долгим сном, сном свободного человека. Но особенной свободы она не ощущала, а по традиции как-то отметить выпускной спектакль было необходимо, тем более что они давно затевали это мероприятие, поэтому согласилась.

Еще больше ее стал интересовать этот вечер после приглашения Муравьевой. Татьяна никогда с ней близко не общалась, знала только то, что происходило на занятиях и рассказывала Даша, причем зачастую эти вещи противоречили друг другу. Татьяна подозревала, что подруга наговаривала. Особенно она укрепилась в этом мнении после того, как Муравьева ей помогла, даже без просьбы об этом.

Они все вместе вышли из театра и отправились вдоль набережной. Близняшки искали на карте ближайший танцевальный бар. Даша писала кому-то сообщение, уйдя назад. Татьяна с Муравьевой шли впереди всех.

В лицо бил свежий речной воздух остывающего дня. Солнце уже было на закате. Небо окрасилось в теплые краски: желтый и оранжевый с розоватыми оттенками. На горизонте плавала небольшая кучка туч, но они уже не представляли угрозы. Приятнее вечера для прогулок не дождаться. Татьяна вдохнула полной грудью городской воздух. Он, как и всегда, был сперт, немного токсичен и плотен, но благодаря легкому ветру, несущему влагу с поверхности реки, казался свежим.

Как выяснили близняшки, ближайшая подходящая им площадка находилась неподалеку от академии и называлась «Дирижабль». В памяти Татьяны всплыло огромное мозаичное панно на стене в баре, где работал Вадим. Это ее насторожило, хоть она и не помнила названия того места.

Вероятность попадания в точку казалась высокой, поэтому Татьяна молилась, чтобы у Вадима сегодня выпал выходной. И чем ближе они подходили к бару, тем меньше надежды в ней оставалось.

Близняшки с трудом вдвоем открыли входную дверь. Уши оглушила громкая музыка. Столы все заняли большие и маленькие компании. Однако у барной стойки оказалось достаточно места для пятерых.

Балерины, все как на подбор изящные, грациозные, в ярком вечернем макияже, оставшемся после спектакля, стройным рядом прошли к стойке, привлекая к себе всевозможные взгляды посетителей. Татьяна перед самой барной стойкой закрыла глаза, чтобы отдалить ужасный момент и в последний раз обратилась к небесам с просьбой, чтобы Вадим сегодня не работал. Но вселенная не услышала ее и в этот раз.

Как только они подошли к бару и уселись на стулья, парень вынырнул из-под кассового аппарата и чуть ли не уткнулся лицом в Татьяну. Он сам опешил от такой внезапной встречи. Все, кроме Муравьевой, засмеялись от забавного маневра. Осмотрев их, Вадим все понял и тяжело вздохнул. Правая рука его крепко сжала в кулаке вафельное полотенце. Он несколько секунд смотрел Татьяне в глаза, а потом, как положено бармену, спросил, что они будут пить.

– А мы тебя помним, – игриво сказала Даша, чуть вытягиваясь вперед, чтобы лучше видеть бармена. – Ты вчерашний Танькин фанат, который нас повеселил.

– Спасибо, я старался, – холодно ответил Вадим. – Что все-таки будете пить?

– Какой суровый, – с ехидством подметила Даша. – А вчера с подсолнухами таким милым казался.

Вера с Лизой хихикнули. Татьяна поймала на себе взгляд Муравьевой, который не смогла расшифровать, и спрятала свой в столешнице. Деревянные узоры можно было разглядывать без опаски, они не насмехались и не обижались, переплетались в красивые овалы, неровные и длиннющие, как озера. Она сейчас ненавидела подруг, которые специально смущали и ее, и его. Это было так по-детски вредно, но ругаться прилюдно по этому поводу казалось более смешным и бессмысленным.

– Я на работе, – парень перевел темные глаза с Даши на Татьяну.

У нее от этого задубело сердце. Ответить ей было нечем. Узоры продолжали заполнять все ее внимание. Только фокус рассеивался. Линии размывались, а она еще ни капли алкоголя не выпила. Пьянила вина, и стыд, и боль.

– Мы поняли, – Даша оглядела бар и смачно цокнула. – Да, Танька, боюсь я за тебя. С таким самой здесь на стойке придется выплясывать.

Татьяна бросила испуганный взгляд в Вадима, лицо которого исказилось в злобе. Карие глаза темнели. Втянутые щеки выпятили острые скулы.

– Жалко мне твою маму, – жалости в Дашином голосе совсем не чувствовалось, только презрение.

Татьяне не понравилась насмешка, с которой подруга щурилась на бармена, и хихиканье, которым близняшки сопровождали эти несправедливые замечания. Но еще больше ей не нравилось собственное молчание и покорность, с которой она принимала все издевки.

– Запей свою зависть, авось полегчает, – хмыкнул Вадим. – Тебе рекомендую «Полугар» с хреном. Нейтрализует внутренний яд.

Даша скривила верхнюю губу, едва сдерживая гримасу обиды.

– Разбавь мне «Мартини» чем-нибудь, – не попросила, а приказала.

– Моча сойдет?

Бармен склонил голову набок. У Даши челюсть отвисла. Близняшки прыснули от смеха. Муравьева тоже не удержалась и выдавила улыбку.

– Таня, с каким хамлом ты связалась!

– Да, Таня, тот же вопрос, – Вадим перевел усмешку на Татьяну.

Она не знала, как реагировать. Просто накрыла рот рукой, пряча за этим улыбку, и таращила глаза на обоих. Даша раздувалась от возмущения и не могла больше ничего сказать. Вадима отвлек коллега, позвал в другой конец бара.

– Выбирайте пока, – бармен кинул меню перед девушками, одно на пятерых, и пошел за коллегой.

Татьяна схватилась за меню первой, чтобы спрятаться от негодования подруги. Муравьева ей улыбнулась поддерживающе. А близняшки все хихикали.

Когда бармен вернулся, подружки заказали коктейли, каждая разный. Муравьева сказала, что пьет только сухое вино. Дождавшись своей очереди, Татьяна уставилась на интересные часы, сделанные из труб и круглых лампочек, висевшие над входом в служебную зону. Вадим снова смотрел на нее пристально, но не в глаза, а разглядывал фигуру в целом, то есть часть от бюста до макушки, которая возвышалась над стойкой.

– «Поцелуй на пляже», – смущенно ответила Татьяна, не глядя на бармена, хотя глаза непроизвольно стремились к приятному для себя, каким было его лицо, даже если оно приняло неприветливое и отчужденное выражение.

Вадим молча отправился исполнять их большой заказ. Татьяна проводила его долгим печальным взглядом. Она не хотела смотреть ему вслед, как собачонка, которую бросил хозяин, но вся его фигура действовала силой магнетизма, о природе которой она только начала догадываться.

– Как такого вообще допустили до работы с клиентами, – фыркала Даша ему вслед. – Я им такой отзыв оставлю, их забегаловку закроют.

– А он не промах, – отметила Вера.

– Нашу Дашку не так-то просто задеть, – посмеялась Лиза.

Муравьева отмалчивалась, как и Татьяна.

– Шут подсолнуховый, – Даша демонстративно отвернулась от Вадима в противоположную сторону.

Бармен принес по очереди каждой их бокалы с напитками и ушел в другой конец стойки. Татьяна следила за ним грустными глазами. Но он выглядел бодро, ни капельки не смущенно, так же свободно, как чувствовал себя всегда до этого. Весело смеялся с коллегами, протирая бокалы под вино. Через какое-то время один из барменов присмотрелся к Татьяне и что-то спросил у Вадима. Тот кивнул. Тогда коллега похлопал его по плечу по-дружески, как будто

в знак утешения. Вадим снова остановил свой взгляд на ней. Взгляд этот не был больше ни веселым, ни холодным. И ни грустным. Скорее, задумчивым. Потом, поймав внимание Татьяниных подруг, Вадим развернулся к ним спиной и начал что-то делать руками.

Поняв, что бармен для издевок недоступен, Даша переключилась на Муравьеву и неискренне и с подковырками похвалила ее сегодняшний дебют. Муравьева, в отличие от Татьяны, вела себя достойно, не краснела и не пыталась увиливать от взглядов. Она по-прежнему держала спину прямо, подбородок чуть выше обычного и просто скромно улыбалась на все их нападки. Даша из-за этого бесилась, но заметить это можно было только по едва дрожащим уголкам глаз и губ.

Потом стали обсуждать будущее. Татьяна снова не участвовала в разговоре. Муравьеву пригласили в Мариинку, в котором они сегодня выступали. Близняшки мечтали перебраться в столицу. Спрашивая у всех обо всем, про свои планы Даша ничего не рассказывала.

Вечер нельзя было назвать веселым. Они пили уже по третьему коктейлю. Татьяна потратила большую часть стипендии. Сначала Даша пыталась обсудить со всеми очередную новомодную выставку-перфоманс, проведенную на днях на главной площади города, но мало кто заинтересовался этой темой, потому что все были заняты только подготовкой к спектаклю и о событиях внешнего мира не знали ничего. Потом они с близняшками стали обсуждать парней. Эта тема волновала сестер, зато Даша заметно поскучнела. Татьяна с Муравьевой по большей части сидели молча. Первая чувствовала легкое опьянение. Вторая выглядела трезвой как стеклышко.

– У тебя интересная мать, – сказала Муравьева совершенно неожиданно.

– Ты о чем?

– Об ее артистичности и чувстве стиля. Она тоже танцовщица?

– Да. Сейчас преподает, точнее, руководит студией.

– Руководит студией, а даже на репетицию пришла, – усмехнулась Муравьева, как будто говорила себе, а потом снова повернулась к Татьяне. – А папа твой?

Татьяна ожидала такого вопроса. Незнакомые люди даже не подозревали, что это для кого-то может быть больной темой. Не то чтобы она страдала из-за отсутствия отца, но говорить о нем не любила, хотя бы потому, что ничего о нем не знала.

– Мама говорит, что он тоже был барменом. Все, что мне известно.

– Прости, – сникла Муравьева.

– А твои родители?

Татьяне попросту хотелось о чем-то поговорить, пусть даже о семье.

– Они в другом городе живут. Бедно. Не смогли даже приехать на выпускной спектакль, хотя копили специально деньги, но отец пропил благополучно.

По гладкой белой щеке девушки потекла скупая слеза. Татьяна убедилась – Муравьева достигла предела эмоций, и почувствовала острую неловкость. В каждой семье были свои потемки, в которые она не любила погружаться, и, тем более, необычно было говорить об этом с Муравьевой. Та казалась идеальной, успешной, сильной. Татьяна никогда даже не думала о ее семье, что у нее могли быть там проблемы, да и не должна была думать. И сейчас тоже не хотела вдаваться в подробности ее тяжелого детства. Она сделала последний глоток третьего «Поцелуя на пляже». Муравьева выпила красного вина. Тоже до дна. По профессиональной чуйке перед ними возник Вадим.

– Повторить? – спросил он, глядя то на одну, то на другую.

– Да, пожалуйста, – ответила Муравьева.

– Таня?

Она выворачивала шею, лишь бы не смотреть на него.

Произнесенное имя заставило ее обернуться. Вадим обратился к ней как будто без обиды, почти ласково. В конце туннеля сверкнул луч надежды.

– Еще будешь?

– Текилы, пожалуйста.

Парень едва заметно улыбнулся. Надежда снова замелькала перед глазами. Через минуту у Муравьевой бокал наполнился вином, а перед Татьяной стоял шот с прозрачной жидкостью и блюдце с лаймом и солью. Вадим приготовил шот и для себя.

– За мое растоптанное сердце, – он выпил залпом, не закусывая.

Муравьева, элегантно сделав небольшой глоток, улыбнулась и посмотрела на Татьяну, которая буквально вбросила в себя неприятно жгучую смесь, закусив после долькой лайма. От горячей текилы на душе потеплело. Татьяна хотела так думать, хотя догадывалась, что первопричиной являлась его улыбка, широкая, добродушная и искренняя. Вадим подмигнул им и удалился работать. Надежда озарила весь Татьянин горизонт.

– Я думаю, на самом деле, каждая в нашей труппе тебе вчера немного завидовала, – заметила Муравьева, сделав еще глоток. – Себя я тоже не исключаю.

– М?

– Редко такие встречаются, – она кивнула на бармена, – …которые приходят на твои репетиции с букетом подсолнухов и дарят их, несмотря на то, что все остальные смеются.

Татьяна опять нахмурилась, потому что снова затронули больную тему. На этот раз продолжать ей не хотелось. Она предпочла бы неловко молчать, что и делала. Муравьева долго с интересом смотрела на нее в ожидании ответа либо в желании что-то еще добавить, но Татьяна уткнулась в пустое дно маленького стаканчика, снова переживая вчерашний позор.

– Мой вот даже на выпускной не пришел, – через несколько минут сказала Муравьева.

Хоть с виду девушка и казалась трезвой, по разговорам чувствовалось, что алкоголь уже вовсю завладел ее мозгом. Татьяна не нашла что ответить. Она даже с подружками не говорила о парнях, потому что ей нечего было сказать. Подруги просто иногда жаловались на своих кавалеров. Она их выслушивала молча. Обычно этого хватало. Все нуждались во внимательных ушах. Подруги знали, что совета от Татьяны ждать не следует и, тем более, следовать ему не стоит. А Муравьева этого знать не могла. Татьяна опьяненной головой пыталась соображать.

– Наверное, он занят был.

– Навееерное, – протянула Муравьева и набрала вина полный рот.

Разговор явно не клеился, потому что Татьяна не знала, о чем говорить дальше. Она не хотела пачкаться в личных проблемах Муравьевой, путаться в лабиринте ее сложных отношений с парнем и все время придумывать, что сказать на это и на то. Молчание по-прежнему было ее приоритетом. Муравьева же восприняла это как желание послушать.

Все равно ее история была интересней и приятней глупых шуточек подруг, которые все никак не могли отпустить вчерашний случай с подсолнухами. Татьяна в такие моменты не любила Дашу. Та обожала зацепиться за какую-нибудь слабость человека и могла мусолить это днями, а то и неделями. Скверный у нее был характер. Но Татьяна всегда терпела, думая, что друзей не выбирают, что ничего в этой жизни не выбирают, что у каждого просто есть судьба, которой нужно следовать, а все остальное отдается на откуп везению.

– Но у меня никого, кроме него, сейчас нет. Наверно, поэтому я так за него держусь, так боюсь отпустить. Видимо, я этим своим страхом все сама же и испортила, – рассуждала Муравьева о своих отношениях. – Он, наверно, просто устал, захотел немного свободы. Я вроде бы все понимаю умом, но не могу ничего с собой поделать. У тебя такое было?

Татьяна отрицательно покачала головой. Всегда после долгого откровения наступала стадия вопросов: к собеседнику, миру, судьбе или богу. По большей части, такие вопросы были риторическими, что спасало, но иногда приходилось как-то отвечать, чего Татьяна не любила. Поняв, что вопросительная часть началась, она пожелала отойти в туалет.

Татьяна не без труда слезла с высокого стула, взяла сумочку и отправилась искать дамскую комнату. Площадка расширилась под увеличившуюся толпу танцующих. Пришлось про-

биратьсяся сквозь плотную массу дрыгающихся тел. Татьяна старалась обойти танцпол по краешку, чтобы не угодить в эпицентр. Шла стремительно и ловко, пока не увидела своих подруг. Даша прыгала в куче со всеми в пьяном угаре. Вокруг нее вились два молодых человека, оба в вареных джинсах и в белых рубашках с клетчатыми жилетами. Рубашки у горла были распахнуты. Лица и шеи у всех троих лоснились от пота, но им было весело.

А потом Татьяна обомлела. Возле недлинного ряда столиков она увидела Вадима, целующегося с Лизой. Одну его руку занимал поднос с пустыми пивными кружками, а вторую – ведро с бутылкой шампанского. Вера обнимала его сзади, выглядывая из-за плеча. Тонкие руки неприлично ползали по его торсу.

У Татьяны сердце съежилось. Она не знала, что думать, а чувства забурлили в груди жгучим месивом, приправленные текилой. Лиза целовала Вадима с жадностью, обхватив его голову. Татьяне было больно на это смотреть, но глаза сами впивались в это зрелище.

Как только Лиза отцепила от него пухлые губы, Вадим махнул кому-то головой и перед девушками возник второй парень, коренастый брюнет, в черном фартуке, тот самый коллега, что хлопал сегодня его по плечу. Он легким касанием приобнял девушек, улыбаясь нарочито, и увел в сторону от Вадима. Наконец, парень увидел Татьяну. Взгляд у него был не просто злой, а бешеный, красный от напряжения и метающий молнии. Головой он показал на выход. Она забыла, что хотела в туалет и, медленно кивнув, направилась к двери.

На улице веяло прохладой. Дул порывистый ветер, принося неведомо откуда не летний холод. У Татьяны пробежали мурашки по спине, ведь она ходила в ситцевом платье и босоножках. Ночное небо темнело негусто. Кое-где проглядывали тающие звезды. За Татьяной выбежали две девушки, обе потные, веселые, тяжело дышащие, отплясавшие не менее десяти песен подряд. На тротуаре возле бара стояло уже немало освежающихся. Многие курили и вели пьяные беседы.

Татьяна отошла подальше ото всех, чтобы дым сигарет не дул ей в лицо. Вскоре перед ней появился Вадим. На мятном поло образовалась маленькая дыра в районе живота. Фартук был в пятнах. Джинсы он носил все те же потертые. Татьяна догадалась, что это его рабочая форма. На ногах красовались разноцветные кроссовки. В лицо она боялась ему смотреть, потому что каждой фиброй души чувствовала его раздражение.

Вадим взял ее под руку и завел за угол. Там было гораздо спокойнее. Только деревья над головой шумно шуршали ветками.

– Ты надо мной специально издеваешься? – громко, но еще не криком спросил парень, пытаясь поймать Татьянин взгляд, который она прятала в тротуарной плитке.

Он вставил в зубы сигарету и поджег кончик зажигалкой. На нее поплыл серый вонючий дым. Она откашлялась.

– Прости за веник, я... – начала Татьяна, все еще не глядя на него. – Я растерялась... Мамы не должно было быть на репетиции.

– Да хер с ним с веником! – вскричал Вадим и сделал глубокий вдох, а потом выдохнул клубы дыма в сторону, чтобы Татьяна им не дышала. – Даже хер с ним, что ты подруг своих сюда привела. Но они ебнутые на всю голову... Как ты, вообще, до такого додумалась?

– Что? Я? – она прижалась спиной к стене здания.

– Ты на что рассчитывала? Думала, я, как кобель последний, поведусь? – Вадим ее не слушал. – Сбагрить меня на этих шалав решила? Типа не нужен, на-те, разбирайте!

– Да что ты несешь?! – в Татьяне вскипел гнев. – Неужели ты думаешь, что это я их...? Ты дурак? Зачем мне это?

Она, наконец, посмотрела ему в глаза.

– Откуда мне знать, зачем тебе это? Однако ты посмотреть специально пришла.

– Я, вообще, в туалет шла. И случайно на вас наткнулась. Думаешь, мне приятно было на это смотреть? Я сама в шоке. Иду и вижу, как ты с кем-то целуешься. И сразу с двумя!

Они встретились взглядами. Оба возмущались, злились и тяжело дышали. Татьяна чувствовала себя бурлящим вулканом, который очень долго копил в себе лаву и медленно просыпался. Все внутренности жгло и перемалывало. Но карий взгляд, долгий и открытый, втягивал в себя весь ее негатив, всю ее боль, все безмолвные страдания. Оставлял после себя гладкость и ровность. Охлаждал сильно бьющееся сердце. Татьяна успокоилась, так и не взорвавшись. В его глазах она тоже увидела зарождение вспышки, которая быстро угасла.

– Не с двумя, а с одной, – пробурчал Вадим и сдвинул брови. – Какого хера вообще?

– Близняшки могут иногда... эксцессы вытворять.

Татьяне стало стыдно за подруг.

– Блин... Извини... Я думал, ты меня окончательно добить решила.

Вадим попытался добродушно улыбнуться, но вышло плохо. Татьяна ему ответила примерно тем же.

– Это ты меня извини, – она потупила взгляд в землю. – За вчерашнее.

– Проехали, – легко произнес парень.

Он встал с ней рядом и тоже оперся спиной о стену, продолжая дымить в сторону. Но ветер все равно приносил дым обратно к Татьяне. Молчание длилось секунд двадцать. Потом Вадим усмехнулся и повернул к ней голову. На красивом лице снова сияла торжествующая улыбка.

– То есть ты приревновала? Мои мучения были не зря?

– Что? – снова возмутилась Татьяна, но улыбка еще оставалась в уголках губ. – Я так не говорила! Я просто испытала... неловкость... за подруг...

– Ясно, – кивнул Вадим, широко улыбаясь. – Я так и хотел сказать. Слова перепутал просто. Как ты чувства.

Татьяна раскрыла рот, но не смогла быстро сообразить, что ответить, поэтому молча толкнула его в плечо. Парень пошатнулся, но не упал. Зато сигарета выскользнула из пальцев.

– Как ты, вообще, додумался принести подсолнухи на репетицию? – спросила она, наблюдая за тем, как парень выбрасывает выпавшую сигарету в урну, стоящую на углу тротуара.

– Ну, на сам спектакль ты бы меня, по-любому, не пригласила. Когда еще у меня была бы возможность подарить тебе цветы?

Он заглянул ей в глаза. Они тоже улыбались. Его добродушие ее успокаивало и заставляло всматриваться все дольше и глубже.

– А почему именно подсолнухи?

– Ну, а что я должен был подарить? Желтые тюльпаны, вестники разлуки?

– А что? Слишком обычно для тебя? – смеялась Татьяна.

– Нет, слишком обычно для тебя.

Вадим встал напротив нее в полуметре, разглядывая лицо. Странно, но она не ощущала неловкости, какую обычно испытывала, когда парни испепеляли ее глазами. Их взгляды ей не нравились. Они не были добрыми или внимательными. Они, наоборот, смотрели, чтобы привлечь внимание к себе, зачастую в таких взглядах читались задние пошлые помыслы или вызов.

Вадим смотрел по-другому. Он щепетильно разглядывал каждую ресничку на ее веке, каждую пору на коже, каждую складку на губах, будто стараясь все это запомнить, чтобы потом воспроизвести. Татьяне казалось, что так художники разглядывают натурщиц, красотой которых восхищаются и по образам которых затем создают шедевры. В эти минуты было хорошо. О душу никто не точил когти, все прошлые обиды были стерты и будущее пока не давило своей тяжестью.

Вадим приблизился к ней на один маленький шаг. Татьяна вся встрепенулась и приготовилась к самому страшному. Она уже представила, как он сейчас прижмет ее к стене, упрется руками с обеих сторон так, что ей некуда будет деваться, и против ее воли поцелует. Хотя она

не хотела сопротивляться, но подумала, что должна. Так обычно делали девушки в мелодрамах. Но парень остановился, разглядывая ее и улыбаясь. Не весело, а серьезно. По-прежнему искренне и по-доброму. С желанием защищать и заботиться. Руки он положил на бока, ноги поставил на ширине плеч, будто готовился к разминке. Было не похоже, что собирался на нее накинуться. Татьяну постигло небольшое разочарование.

– Ты все равно собираешься вернуться к подругам?

Это был странный вопрос. И он был некстати.

Татьяна пожала плечами.

– Ты уверена, что друзья ведут себя так?

– У меня других нет, – с грустью ответила она и снова опустила взгляд. – И мамы у меня другой нет. И не будет.

Неожиданно Вадим притянул ее к себе и обнял. Татьяна услышала притупленный сердечный ритм и прислушалась к нему, успокаиваясь. Ее сразу обдало теплом его тела и ароматом ментола и хвои. Сначала парень просто ласково поглаживал ее по голове, потом поцеловал в макушку. Затем горячими губами прижался к гладкому лбу, после чмокнул в носик и поднял ее лицо к себе. Наконец, нежно приложил губы к ее губам. Но едва он их коснулся, как раздался громкий рингтон. Татьяна отпрянула и полезла в сумочку за телефоном. На экране светилась надпись «Мама». Вадим устало закатил глаза.

– Она со спутников за тобой следит, что ли? – сарказм показывал его недовольство таким наглым вмешательством.

Татьяна только улыбнулась, облизав губы, и ответила на звонок. Вадим поцеловал ее в голову и шепнул, что пошел работать.

– Куколка, как вы проводите время? – спрашивала мама в телефоне таким тоном, будто стягивала маску с лица, которую всегда делала перед сном.

– Хорошо, – бодро ответила Татьяна, вспоминая свой первый, так и не случившийся, поцелуй.

– Ну, ты до самого утра-то не задерживайся. Давай, до трех ночи, а потом на такси домой.

– Да, мам. Я и не собиралась.

– И если ты там все-таки решила выпить, то не злоупотребляй. Ты это еще не умеешь делать без последствий. Парочки легких коктейлей тебе должно хватить. Я попросила Дашу за тобой следить.

Татьяна усмехнулась в уме.

– Конечно, мам.

– И если вы там с парнями будете знакомиться, – она представила, как мама грозит ей пальцем, – не поддавайся ни на какие соблазны и уловки! Помни, мужчинам доверять нельзя!

– Хорошо, мам.

– Ну, ладно, Куколка! Отдыхайте, заслужили, – раздался ласковый чмок.

– Спасибо, спокойной ночи, – Татьяна завершила вызов.

Только теперь она почувствовала холод. Кожа вся покрылась мурашками. Захотелось сжаться и побежать.

Войдя в теплый бар, где температура раскалилась из-за активного движения на танцполе, Татьяна словно оттаяла и расслабилась. Подружек за стойкой уже не было. Вадим указал на большой стол у окна в правом углу бара, где сидела большая компания из семи человек, трое из которых оказались ее подругами, а четвертой – Муравьева. Остальные трое были молодыми людьми, все как один, в джинсах, белых рубашках и клетчатых жилетиках. Татьяна вспомнила, что с ними танцевала Даша. Очевидно, знакомство затянулось, и парни пригласили девушек за свой стол. Все разбились по парочкам или даже по трио в случае близняшек. Они проделывали ту же штуку, что и с Вадимом, с одним из «клетчатых жилетиков» – Татьяна не могла на это смотреть.

– Ты точно хочешь туда? – Вадим поднял одну бровь.

– Не очень, – поджала губы Татьяна.

– Еще текилы?

– Нет, мне сегодня хватит пить.

Она с отвращением взглянула на рядом стоящую колонну из шести шотов, приготовленных для соседей по стойке.

– Черт, мой план провалился, – с фальшивой досадой произнес Вадим.

– Какой план? Напоить меня и увезти к себе?

– Я думал, и рабочая коморка сойдет, – он указал на черные шторки, за которыми скрывались служебные помещения.

– Я не буду с тобой спать! – воскликнула Татьяна с таким же возмущением, как и тогда, когда он впервые предложил ей «Секс на пляже», а потом более спокойным тоном добавила. – В коморке.

– Окстись! – притворился оскорбленным парень и вытаращил глаза. – Я, вообще-то, оригами имел в виду. У меня есть инструкция, как делать слоника.

Он достал из кармана бумажку и там, действительно, изображалась пошаговая инструкция по созданию фигурки слона из листа бумаги. Татьяна рассмеялась.

Потом стали болтать ни о чем. Вадим приготовил ей кофе, чтобы она не засыпала и развлекала его во время работы, а то ему было скучно общаться с «пьяными мордами». Хотя, скорее, это он ее веселил, говорил какие-нибудь забавные глупости или просто рассказывал случаи, которые происходили в этом баре за годы его работы. Татьяна хохотала как никогда. Искренне, громко и от души.

Время от времени ему приходилось отходить, исполнять заказы тех самых «пьяных морд», иногда разносить блюда по столикам, в том числе за стол ее подружек. Она слышала, как Даша и остальные подтрунивали над ним. Каждый раз эти шутки кололи ее в самую печень. Ей было обидно за себя и за Вадима. Она со злостью вспоминала, как близняшки, которые сейчас смеялись над парнем, над его работой и букетом, некоторое время назад сами к нему приставали. Но он возвращался такой же задорный, уверенный в себе и легкий. Казалось, его эти шуточки ничуть не трогали. Он продолжал широко улыбаться, и это сглаживало все остальное.

Пока Татьяна болтала с Вадимом, бар потихоньку пустел. Она совсем забыла, что обещала маме вернуться в три ночи, но окончательно потеряла счет времени после первой же шутки. Она даже успела протрезветь за это время не без помощи крепкого кофе и свежего воздуха.

Они снова вышли на улицу: Вадим – покурить, Татьяна – подышать. Уже начинало светать, но воздух еще оставался по-ночному холодным. Она ждала, когда он закончит начатое в прошлый раз, но Вадим закурил сигарету. Ей пришлось отворачиваться от дыма, который настырно поддуваемый ветром все равно проникал в ее легкие.

– Каковы мои реальные шансы? – спросил Вадим, делая затяжку, при этом щеки глубоко впали внутрь, осклабив высокие скулы и мощные жилки.

Обыкновенно веселое лицо приняло серьезную мину. Даже глаза не улыбались. Губы сжимали сигарету, а могли целовать ее. Желание снова попробовать их на вкус с каждой вспышкой разгоралось в душе Татьяны все сильнее.

– На что?

Она действительно не понимала, о чем он говорил.

– Иметь с тобой десять внуков к концу жизни, – усмехнулся Вадим и снова затянулся.

Татьяна уставилась на него глупо. Холодный ветер проникал в поры. Стена здания вибрировала от мощных басов очередной композиции. Она скрестила руки на груди, недоуменно глядя парню в глаза. Он опустил свой взгляд, сделал еще затяжку, медленно выдохнул густой дым.

– Ну, чье мнение для тебя важнее: твоей матери или твое собственное?

Как всегда при нежелательных вопросах, Татьяна сжалась, втянула голову в плечи и потупила глаза в землю. Оголенная ключица сильно выступила из грудной клетки, образовав глубокие ямки в плечах. Вадим, заметив это, накинул на нее свой фартук, который мало согревал, но от ветра немного защищал.

Татьяна не смотрела на него. Думала. Ей хотелось ответить сразу, но она чувствовала в этом что-то неправильное, хотя всегда ей казалось наоборот. Вадим был бы не рад такому ответу. И это ее останавливало. Его реакция для нее теперь тоже стала важна.

Он уже докурил и направился к урне. Татьяна молчала в задумчивости. В момент, когда Вадим тушил окурок, она услышала знакомые голоса. Вскоре из-за угла показались три стройные фигуры, чуть пошатывающиеся. Даша шла впереди всех и выглядела самой трезвой. Она первой увидела Татьяну и, как всегда, ехидно подметила:

– Воркуете, голубки?

Ни Татьяна, ни Вадим ничего не ответили, потому что ни «да», ни «нет» не были правдой.

– Как же на это отреагирует твоя мама, Буравина? – продолжала Даша.

Татьяна на секунду вспыхнула. Это была искра ненависти, которую подруга сама в ней зажгла змеиной ухмылкой. Вадим бросил в Дашу злой взгляд.

– Ладно, не будем вас отвлекать, – быстро сказала она и потянула подружек за собой вперед.

Близняшки криво-косо помахали им руками в знак прощания.

– А где Муравьева? – крикнула им вслед Татьяна.

– Осталась, – Даша даже не обернулась.

Татьяна нахмурила брови и посмотрела на Вадима. В груди возникло нехорошее предчувствие. Они побежали к бару, но напротив входа наткнулись на двух «клетчатых жилетиков», которые затаскивали бессознательное тело Муравьевой в автомобиль. Третий уже сидел в водительском кресле.

– Стойте! – во все горло от испуга крикнула Татьяна и сама остановилась.

Вадим, напротив, побежал вперед к машине. Он успел схватить последнего и отбросить назад. Парень упал на спину и распластал ноги, но быстро поднялся. Вадим полез в салон вытаскивать девушку. Татьяна подбежала и крикнула: «Помогите! Помогите! Человека похищают!», но улица была пуста. Парень в клетчатом жилете схватил ее сзади и закрыл рот рукой. Вадим резко обернулся, все еще держа Муравьеву за руку. Взгляд, которым он одарил сегодня Татьяну после поцелуя с близняшками, был добрейшим из добрейших по сравнению с тем, как он сейчас смотрел на парня, державшего ее.

Из автомобиля послышался голос:

– Это моя девушка, я ее домой везу, а вы кто такие?

Татьяна пыталась выбиться из цепких рук «клетчатого жилетика» и прокричать, что тот лжет, но рука плотно прилегала к ее челюсти и не позволяла издавать внятные звуки.

– Я ее знаю. И знаю, что ты не ее парень, – сказал Вадим, не двигаясь.

Татьяна услышала стон боли за ухом и почувствовала послабление. Парень отпустил ее. Оказалось, подоспел коллега Вадима, тот самый коренастый брюнет. Он ловким движением руки влепил «жилетику» в промежность между ребрами и тазом, отчего тот согнулся от боли и попятился назад.

– Дэн! – крикнул Вадим коллеге и головой кивнул на автомобиль, показывая на другую его сторону.

Тот через секунду оказался там и с силой открыл дверь. Одним рывком он вытащил за талию парня, что сидел на заднем сиденье и держал Муравьеву. Третий тоже вылез и накинулся на Вадима сзади, но Вадим с рывком наступил ему на носок. Тот завизжал и запрыгал на одной ноге, прямо как злодеи в детских мультиках. Первый пришел в себя, выпрямился и ринулся на

Вадима сбоку в помощь своему товарищу, в которого Вадим направил правый кулак. Первый «жилетик» уткнулся головой ему в бок, тем самым повалив на землю.

Дэн скрутил руки своему противнику и приволок на тротуар, где боролись остальные. Он несколько раз хорошенько влепил третьему по морде и пошел помогать Вадиму. Ловкости в драке Дэну было не занимать. Все его движения казались отточенными многоразовой практикой, а от ударов «жилетики» взвывали страдальчески, будто вместо костей в кулаке у него крылось железо. Он поднял первого «жилетика» и откинул назад. Вадим переключился на второго, сев ему на живот и стал бить в лицо, грудь, шею, куда попало. Дэн одним ударом ноги с разворота оставил первого «жилетика» без сознания.

Татьяна, поддерживая голову Муравьевой своим животом, за подмышки вытаскивала ее из автомобиля прямо на землю, потому что нормально поднять не могла. Бармены быстро раскидали похитителей и усадили их на тротуар возле машины. На улице образовалась небольшая толпа из оставшихся посетителей бара.

– Ментов только не вызывайте, – говорил один из «жилетиков», вытирая кровь с лица. – Мы ей снотворное подсыпали. Самое обычное, безвредное. Сама проснется через пару часов. Нам ее подруга заплатила. Даша. Сказала просто прикольнуться хочет. Мы фотосессию с ней должны были устроить. Ну, знаете, интимную... Мы как бы ничего не собирались с ней делать! Вы что! Мы не маньяки какие-нибудь.

Татьяна невольно ахнула, узнав правду, и прикрыла рот рукой. Так и замерла. Дэн сплюнул кровь. Вадим едва сдерживал омерзение, слушая и морщась.

– Она дала нам адрес студии, куда мы должны были ее привезти. Вот бумажка. Она написала.

Он достал из кармана жилета мятый листок, капнув на него небольшую кляксу крови. Татьяна взяла бумажку и прочитала. Там, действительно, был написан адрес и указано время, к которому следовало привезти Муравьеву. Почерк Татьяна сразу узнала.

– Это Даша, – выдала она заключение.

Парни опустили плечи.

– Дебилы, сами не поняли, что херь какую-то творите? – с отвращением спросил Вадим.

– Ну, мы бабло поднять хотели. Главное, без криминала.

– Похищение человека – это преступление, придурок.

– Да мы ее не похищали. Мы ее только отвезти должны были. Даша типа за фотиком поехала.

Все лицо парня залилось кровью. Он сплюнул кровавую слюну на землю. Второй сидел с поникшей головой, такой же побитый и пристыженный, а третий вовсе валялся без сознания, распластавшись на асфальте в позе звездочки. Они все были невысокие, но плотные, мускулистые и ухоженные, с явно сделанным профессионалом маникюром. На отъявленных киднэпперов совсем не походили. Возраста были студенческого. По говору – не местные.

– Че делать будем? – спросил Вадим у Татьяны.

Она все еще пребывала в небольшом шоке от случившегося. Все происходило как в каком-нибудь дешевом НТВ-шном сериале.

Муравьева лежала без сознания, холодная, бледная, прямо на земле. Татьяна только сейчас подумала о ней.

– Давайте, ее сначала отнесем куда-нибудь в теплое место.

– А с этими? – спросил Дэн. – Убегут же.

В похитителях проснулась надежда.

– Да хер с ними! – в отчаянии махнула рукой Татьяна. И это был первый случай, когда она позволила себе употребить нецензурное слово. Вадим при этом улыбнулся.

Парни не стали ей перечить, хотя оба с презрением взглянули на неудавшихся преступников, но молча подняли Муравьеву и понесли в бар. Толпа из оставшихся посетителей рас-

ступилась перед ними. Бессознательную девушку положили на диван, на котором еще час назад сидели подруги Татьяны в обнимку с похитителями. В окно она видела, как двое впопыхах запихивают третьего в машину и уезжают в неизвестном направлении.

– А с ней точно все хорошо? – поинтересовалась Татьяна.

– Ну, спит, как младенец. Если это обычное снотворное, то проснется здоровой и невредимой, – ответил Дэн, а потом усмехнулся и добавил. – Через пару суток.

Татьяна вытаращила на него глаза. Она впервые оказалась в такой ситуации. И все еще пребывала в шоке, поэтому не чувствовала в себе ни паники, ни страха, а только недоумение.

– Надо ждать, когда проснется, – сказал Вадим и сел на еще не убранный стол, пододвинув почти пустые бокалы и недопитую бутылку вина.

Татьяна подошла поближе к Муравьевой, чтобы получше рассмотреть ее безмятежное лицо в попытке найти признаки пробуждения.

– Ей надо где-то отоспаться. Ты можешь ее взять с собой? – Вадим обратился к Татьяне.

– Домой?! Нет, ты что. Мама не поймет. И она ее тоже не любит.

Это «тоже» покоробило парня. Он вздохнул.

– Ну, не здесь же ее бросать.

– А ты?

Татьяна с мольбой посмотрела на Вадима. Он отрицательно закачал головой.

– Нееет. По-твоему, у меня что, постоялый двор для пьяных девиц?

– Но я не знаю, куда еще ее девать.

– А родители у нее есть? Муж? Дети?

– Родители в другом городе. А парня я ее не знаю.

– Да блядь, – раздосадовался парень.

Дэн захихикал.

– Я тебе сразу сказал, что ты попал, брат.

Вадим грозно на него посмотрел и снова выругался. Татьяна сделала по-кошачьи жалостливые глаза. Парень долго в них вглядывался и все-таки растаял.

– Ладно, тогда ты тоже поедешь ко мне.

– Что?! Зачем? Ты же знаешь мою маму!

– А что мне с ней делать, когда она проснется? Она обвинит меня в похищении. А тут хотя бы ты будешь. Тебе она поверит.

Дэн переводил веселый взгляд с друга на Татьяну и обратно. Она снова вся вжалась в себя, как черепаха в панцирь. Только панциря у нее не было, и защищать ее было нечему.

– Ну, у тебя только два варианта. Решай, кого твоя мать не любит больше, меня или ее.

– Ладно, поехали к тебе, – выдохнула Татьяна, вспомнив, что Даша все равно их видела вместе и почти наверняка расскажет все маме.

Вадим округлил и без того круглые глаза. Дэн выдавил смешок.

Ребята должны были закрыть бар, все прибрать и посчитать кассу. По настоятельной просьбе Вадима Татьяна помогла им в зале: протерла влажной тряпкой пару столов и даже подмела пол.

Муравьева лежала без сознания на диване у окна. Рот смешно приоткрылся, шея чуть вывернулась, голова запрокинулась. Когда Татьяна подметала рядом, к ней с совком подошел Вадим и, с ухмылкой глядя на Муравьеву, предложил разукрасить ей лицо ягодным сиропом. Предложение казалось по-детски безобидным и таким же глупым, что Татьяна чуть было не согласилась. Муравьева, и правда, смешно спала, так комфортно и так глубоко, что, казалось, даже удара кулаком в лицо не почувствовала бы. Через полминуты подбежал Дэн с початой бутылкой красной вязкой жидкости. Они явно намеревались осуществить коварный замысел, но Татьяна снова спасла Муравьеву от шаловливых рук, уже второй раз за ночь.

Закончив все дела, они вызвали такси. Пока Татьяна закрывала дверь в бар на ключ, парни укладывали Муравьеву на заднее сиденье автомобиля. Таксист все это время с недоверием на них косился, но, когда Татьяна села сзади, положив голову бессознательной девушки себе на колени, более-менее успокоился. Вадим сел спереди. Он попрощался с Дэном сложным ритуальным кулако-бито-рукопожатием, и они поехали.

Татьяна все время в пути думала, что скажет маме, и казнила себя за то, что снова оказалась в такой ситуации, ведь это могли быть не ее проблемы. Она могла не задерживаться здесь допоздна, уйти вовремя, как наставляла мама, пока здесь еще были девчонки, не видеть, как Муравьеву собираются увезти неизвестные парни и, как результат, не ехать сейчас в такси к Вадиму.

Парень тоже казался не очень довольным. Ему вряд ли нравилось принимать у себя на ночь бессознательных девиц, которых он даже не знал, но о которых ему поневоле приходилось заботиться. Татьяна одновременно пожалела его и порадовалась за себя, что ей было на кого положиться. Если бы не его гостеприимство, она бы не знала, что делать с Муравьевой, но однозначно не могла ее там бросить.

А своих вчерашних подруг Татьяна успела возненавидеть за такую низость, и в то же время пыталась, понять их мотивы. Мотивы Даши. Остальные, скорее всего, были ни при чем, ведь всегда все – и плохое, и хорошее – в их компании затевала Даша. В ее умной голове часто водились недобрые мысли. Больше всего Татьяну поражало не то, на что способна подруга, а то, что она этому не удивилась. Узнав, что именно Даша заплатила похитителям Муравьевой, она не восприняла это как новость, перевернувшую ее мир. Подсознательно она догадывалась, что такое легко могло произойти. И поражалась себе, что жила с этим знанием долгие годы и ничего с ним не делала, все равно дружила с Дашей, даже в чем-то пыталась быть похожей на нее. Это по-настоящему пугало. Теперь Татьяна точно знала, что не хочет больше иметь с ней ничего общего. Какой бы плохой ни была Муравьева, Дашу это никак не оправдывало.

Войдя в уже знакомую квартиру, Татьяна плюхнулась на обувную скамейку под зеркалом и зевнула. Усталость только теперь навалилась. Она прокручивала в голове этот длинный день, но мысли путались. Вадим внес на руках Муравьеву и сразу положил на диван. Пока та спала, они молча совершали стандартные гигиенические ритуалы перед сном. Разговаривать никому не хотелось. Татьяна переживала из-за мамы. Вадим просто выглядел очень уставшим, но, когда они случайно встречались глазами, он ей улыбался, так же по-доброму, так же ласково.

– Вам постельное поменять? – спросил Вадим, когда они вошли в спальню-гостиную. – Оно так-то свежее. Я только позавчера сменил.

Он с надеждой посмотрел на Татьяну. Она улыбнулась и отказалась от этой услуги. Парень молча возликовал. Возиться с наволочками и пододеяльником было неудобно, особенно с Муравьевой, которая трупом валялась на диване. Он разложил кресло, бросил на него декоративную диванную подушку и накрыл сверху покрывалом – приготовил себе постель. Татьяна остановилась в замешательстве. Ей хотелось снять с себя обтягивающее платье, колготки и бюстгальтер, чтобы спать с комфортом. Она ведь так уже почти сутки ходила. Вадим заметил ее неловкость.

– Я выйду, позови, как ляжешь, – бросил он, закрывая за собой дверь. – Возьми футболку какую-нибудь в шкафу.

Татьяна восхитилась его понятливостью, скинула с себя все мешающее и подошла к большому трехстворчатому купе. Все тело задышало свободой. От колготок и бюстгальтера на теле остались красные вмятины, которые зудели. Открыв шкаф, она не сразу разобралась в этом бардаке. Там вперемешку лежала и одежда, и книги, и какие-то инструменты. Купе больше походил на кладовую, чем на платяной шкаф. Наконец, она откопала в конце одной из полок белую футболку из обычного хлопка и напялила на себя. Теперь можно было спокойно спать.

Чуть сдвинув распластавшуюся на диване Муравьеву, которая уже похрапывала, Татьяна залезла под одеяло и взбила подушку. Постельное белье еще пахло свежестью некачественного кондиционера, который сильно отдавал химикатами. Но среди этого искусственного запаха она различила ароматы морского бриза. Положив голову на подушку, Татьяна почувствовала еще один знакомый запах. Это был живой, теплый и приятный аромат Вадима. Она не могла описать его словами, потому что, казалось, ничто в мире так не пахло, кроме него. Татьяна невольно уткнулась носом в подушку и вдохнула в себя побольше его запаха. Губы сами расплылись в широкой улыбке.

Опомнившись, она легла на спину и разрешила Вадиму войти в комнату. Он, не глядя в ее сторону, прошел к креслу и задернул шторы. Татьяна не хотела за ним подсматривать, но любопытство взяло свое. Первой парень стянул футболку, оголив мощную спину с фигурными плечами, покрытыми неразборчивыми татуировками. Мышцы при рассветном полусумеречном освещении казались еще более рельефными, чем, возможно, были на самом деле. У Татьяны внизу живота что-то вспыхнуло. Потом он скинул штаны. На нем остались только черные боксеры. На длинных ногах тоже играли твердые мускулы. И вся фигура в целом в приглушенном свете казалась сошедшей с античного греческого пантеона. Татьяна надеялась, что это богатое воображение приукрашало Вадима, потому что сильно разыгралось при виде голого мужского тела, но не могла отрицать, что он ее привлекал. Когда парень, накрывшись покрывалом, отвернулся к стене, она пристыдила себя, закрыла глаза и снова уткнулась в подушку, так и уснув на животе.

Глава 7. Маленькая жертва

Впервые за долгое время Татьяна хорошо спала. Она не могла определить точное время, но солнце пыталось пробить сквозь плотные шторы яркие лучи. В комнате все было по-прежнему. Даже бардак остался тем же самым. Татьяна здесь находилась одна. Потянувшись, она продолжительно зевнула и поднялась с кровати, потому что захотелось в туалет. Дверь в кухню была закрыта. Оттуда доносился гул включенного чайника и приглушенные голоса. Вдруг раздался смех, и чайник выключился.

– Но, если серьезно, я ей порой завидую, – говорила Муравьева. – По ней видно, что ее всегда любили. Уж в этом она недостатка не испытывала.

– Угу, – задумчиво отвечал Вадим. – Зато теперь никому, кроме матери, ее любить нельзя.

Наступила пауза. Больше ни звука не прорывалось через кухонную дверь. Сперва Татьяна поймала себя на мысли: «Неужели у Муравьевой может быть повод мне завидовать?». Это поднимало самооценку. А потом ее оцепили слова Вадима. Они стрельнули прямо в сердце. Молниеносно, остро и неуловимо.

Татьяна решила разбить тишину и отворила дверь. Аромат крепкого кофе вмиг наполнил легкие. Вадим, увидев ее, замер на пару секунд и тут же отвернулся, как будто солнце его слепило. Муравьева, переведя взгляд с парня на Татьяну, весело улыбнулась и глазами показала ей посмотреть на себя. Вадим с трудом отводил взгляд, который словно тянуло к Татьяне магнитом, но как только он достигал цели, врезался в невидимую стену и убегал восвояси.

Татьяна взглянула вниз и не сразу поняла, в чем дело. Она чувствовала себя вполне комфортно и не видела ничего зазорного в том, что ходит без бюстгальтера и в одной футболке. Только потом ей стало понятно, что футболка оказалась короткой и даже живот закрывала не до конца, из-за чего на всеувидение представлялись упругие, костлявые в тазу, бедра с завышенной ниточкой трусиков по бокам. Зону бикини закрывал маленький треугольник нежно-розовых стринг. Сквозь тонкую ткань вычурно выступали замерзшие соски. Татьяна не сразу сообразила, что это может быть сексуально и раздражать кого-то.

Вадим поднялся из-за стола, неловко глядя в пустую чашку из-под кофе, и отошел к раковине. Боялся даже голову повернуть в сторону Татьяны, которая стояла на месте, не двигаясь.

– Тань, оденься, пожалуйста, – не выдержал он, бросив чашку в раковину.

Муравьева рассмеялась. Татьяна насупилась. Ей не понравился его сердитый голос. Она хотела воспротивиться, лишь бы сделать назло, но потом поняла, что сама поставила его в неловкую ситуацию.

– Дай мне что-нибудь тогда, – попросила обиженно.

– Что найдешь в шкафу, все твое, – по-прежнему не глядя на нее, Вадим включил воду.

Она развернулась и вышла, краем глаза заметив, как парень украдкой смотрит ей вслед. Муравьева негромко посмеивалась, прикрывая рот рукой.

При ярком солнечном свете ориентироваться в шкафу было гораздо легче. Татьяна нашла среди сваленной кучи одежды, большую длинную футболку, которая снова стала для нее платьем, и надела поверх той, в которой спала. Потом отправилась делать утренние процедуры. Она уже чувствовала себя здесь, как дома. Запомнила, что и где лежит, поэтому даже не спрашивала у Вадима, если в чем-то нуждалась, а просто брала.

После душа Татьяна почувствовала себя совсем бодрой и живой. Моясь под струей горячей воды, она вспоминала растерянное лицо парня, когда он увидел ее на кухне, и его смущение. Это забавляло и одновременно возбуждало. Ей нравилось, что он смотрит на нее так: с желанием, но не пошло. Нравилось, что он проводил ее взглядом, когда она пошла переоде-

ваться, просто потому что не мог удержаться. Нравилось, что она могла его смутить одним своим видом. Она чувствовала женскую власть над ним, и это ей тоже нравилось.

Вернувшись на кухню, Татьяна обнаружила приготовленную для нее тарелку с горячей рисовой кашей и порезанными туда кусочками банана. Вадим стоял у кофеварки и переливал кофе в чашку. Муравьева сидела расслабленно на стуле, упершись в жесткую спинку, и тыкала пальцами по экрану, писала кому-то сообщение. Парень, услышав шаги, осторожно обернулся и, увидев Татьяну уже в приличном виде, расслабился. Поставив перед ней чашку с горячим молочным кофе, даже улыбнулся. Снова дружелюбно и легко.

Татьяна засияла. Она предвкушала вкусный завтрак, прекрасно помня, каким он был в прошлый раз. Желудок довольно заурчал. Облизав губы, она посмаковала кусочки фруктов во рту.

– А вы уже поели?

– Мы проснулись полтора часа назад, – ответил Вадим.

– Лен, а ты себя нормально чувствуешь?

Муравьева подняла отстраненный взгляд от экрана телефона.

– Да, вполне. Кстати, Вадим мне все рассказал. Спасибо вам большое.

Она оглядела обоих и улыбнулась уголками губ, а потом внимательно посмотрела на Татьяну, чуть прищурившись, как бы анализируя.

– Следовало ожидать подвоха, когда Даша меня пригласила с вами. Почему я согласилась?

Вопрос она задавала невидимке в окне, повернув туда голову, и уставилась в солнечный день сквозь пространство. Татьяна не обратила на это внимания, ела дальше.

– Это у вас такая конкуренция? За что? За место в театре? – спросил Вадим, следя за взглядом Муравьевой.

– Не знаю. Место в театре ей и так обеспечено. Даша просто всегда считала меня соперницей, хотя я ее как таковую не воспринимала.

В голосе Муравьевой было нечто высокомерное. Парень усмехнулся. Татьяна все это уже знала, поэтому слушала невнимательно. Ее больше интересовала каша.

– Иногда я думаю, что я занималась балетом ради единственного человека, который ко мне хорошо относился, – бабушки. Она и помогла мне поступить в академию и очень хотела посмотреть выпускной спектакль. Но умерла месяц назад, так и не увидев. А я из-за этого самого спектакля даже на ее похороны не смогла приехать. И для кого я тогда танцевала? Она любила говаривать в последние годы: «Ты еще на моей могиле спляшешь» и смеялась, как сумасшедшая. А мне от этой мысли хочется разучиться танцевать. Совсем.

Это был внезапный откровенный монолог уставшей от жизни балерины, по крайней мере, выглядела Муравьева именно так: депрессивно, отстраненно, угнетенно. Такой вид не сочетался с тем ослепляющим солнечным светом, пробивающим окно с улицы. Там широким шагом гуляла поздняя весна. Все уже расцветало и оживало после зимней спячки. Весь город пребывал в состоянии праздника, весеннего фестиваля, даже многотонные дома приплясывали под беззвучную мелодию майского солнца.

– Мне кажется, это глупости, которые у тебя вызывает тоска по ней, – резко ответила Татьяна, сделав глоток пряного кофе. – А танцевала ты, потому что талант. Она его просто увидела. Тебе повезло, что вовремя.

Муравьева посмотрела на нее пристально и поджала губы, сдерживая слезы. В этом взгляде, действительно, было много тоски и ума. Муравьева всегда была сама по себе, но только теперь Татьяна поняла почему. Собственный мир сильно поглощал ее. Она постоянно анализировала целую кучу комплексов и проблем, и, чтобы это не выходило наружу, старалась мало открывать рот, часто прятать глаза и подолгу быть наедине с собой. Но выговориться порой хотелось даже ей. Это Татьяна еще вчера в баре поняла. Не поняла только, почему вдруг ей.

Просто потому что оказалась рядом? Она ведь все-таки была из противоположного лагеря, дружила с Дашей, хотя после сегодняшней ночи и сама не знала, относится ли к этому лагерю и хотела ли к нему относиться. А Муравьева предстала перед ней искренней, уязвимой и слабой, чего она раньше не могла и представить.

– Вот я всегда танцевала для мамы, – через маленькую паузу продолжила Татьяна. – Она так верила в меня, что мне казалось, и талант, и желание у меня есть. А ты мне как-то сказала, что это не мое...

Тут у нее самой навернулись слезы.

– Мне было обидно тогда. Но, может быть, ты была права, – с грустью заключила Татьяна и склонила голову.

– Прости, – тихо сказала Муравьева, крепко сжав ее руку. Татьяна легонько вздрогнула от такой горячности. – Я бросила, не подумав. И не со зла. Это было вырвавшееся предположение. Просто мне тогда показалось, что тебе плевать на балет, что ты где-то в облаках витаешь. Я не могла понять, как может быть что-то важнее балета, экзаменов и спектакля, к которым мы, считай, с пеленок готовились. А теперь понимаю...

Муравьева взглянула на Вадима и грустно улыбнулась. Парень неловко замял плечами.

– Он здесь ни при чем! – воскликнула Татьяна. – Я просто ощущала на себе груз ответственности, который не могла больше выносить. Ты не знаешь, каково это – не оправдывать ожидания, потому что ты их всегда превосходила. А я всегда старалась им хотя бы соответствовать. Но не выдержала. И разочаровала маму, которая только этим и жила. Тебе никогда не понять, каково это так проваливаться. Прилагать все усилия и все равно проваливаться.

– Я не проваливалась только потому, что было не перед кем, – все более дрожащим голосом говорила Муравьева. – В меня никто не верил, поэтому ничьих ожиданий я и не боялась не оправдать. И я, правда, не знаю, хорошо это или плохо. Но мне от этого плохо. В тебе хотя бы есть кому разочаровываться. Они будут любить тебя, даже если ты будешь никем. А мне, чтобы заслужить любовь, хоть какую-нибудь, надо быть лучшей. А моим родителям даже в этом случае плевать…

Голос ее надломился, веки уже не могли удерживать слезы. Она разрыдалась, согнувшись пополам на стуле и обхватив голову руками. Татьяна сама была на грани, поэтому легко разревелась следом.

Вадим опешил. Он стоял у раковины, выпучив глаза, и первое время не двигался. Руки в бессилии опустил по бокам. А потом тихо удалился с кухни и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Татьяна с Муравьевой рыдали навзрыд, громко, не сдерживаясь, стеная и всхлипывая. Плач каждой прерывался то глубокими вздохами, то сильной дрожью. Зато после обеим сильно полегчало.

Они вытерли слезы бумажными полотенцами. Татьяна помыла посуду. Муравьева протерла кухонный стол. Встретившись глазами, обе рассмеялись в продолжение истерики, только смех этот был легким, словно высвобожденным после долгого сдерживания.

В кухню вошел Вадим, неся в руке, как на подносе, Татьянин вибрирующий телефон. Она увидела на экране, что мама звонила уже пятнадцать раз, удивилась, почему до этого не слышала, хотя, вообще, забыла о существовании сотовой связи. По всему телу пробежал отрицательный разряд. Она быстро собралась, прокашлялась, чтобы привести горло после плача и смеха в норму, и подняла трубку.

– Ты где опять шляешься? – тут же обвалился шквал волнений и страхов. – Я же тебе сказала возвращаться домой. Еще в три ночи. Уже половина двенадцатого! Ты меня так до инфаркта доведешь своими гулянками! И мне плевать, что у вас был выпускной спектакль!

– Маам, все в порядке... Я... я у Лены Муравьевой опять... – Татьяна быстро взглянула на однокурсницу, требуя от нее поддержки. Та недоуменно смотрела в ответ, не понимая, чего Татьяна добивается. – Мы немного выпили, и я поехала к ней.

– Чтоо?! Опять Муравьева! И ее брат, разумеется, тоже там? – мама вопила так, что слышалось даже в другой комнате.

Вадим смотрел на Татьяну с усмешкой.

– Д-да, – пришлось признаться.

– А точно ли он ей брат? И точно ли ты у Муравьевой? Дай мне ее, если она с тобой.

Татьяна перекрестилась про себя и поблагодарила бога, в которого до этого не верила, за свою удачливость. Муравьева молча возмутилась, вздохнула, но трубку переняла. Татьяна шепотом подсказала ей имя и отчество матери.

– Доброе утро, Аделаида Николаевна. Вы не ругайтесь на Таню, она у меня ночевала, но уже собирается домой.

Из динамика пыхнуло облегченным вздохом.

– Здравствуй, Лена. Скажи, пожалуйста, твой брат ночевал с вами?

– Да, – Муравьева вопросительно посмотрела сначала на Татьяну, потом на Вадима.

– Надеюсь, хотя бы в разных комнатах.

– Нет, – выпалила девушка без раздумий, но, получив молчаливый укор от Татьяны, поправилась. – Но на разных кроватях. То есть мы с Таней спали на одной, а Вадим на другой.

Мама захлебнула воздуха. Парень легонько треснул себя по лбу. Татьяна извинительно улыбнулась и снова переключилась на телефон, который дрожал в руке Муравьевой.

– Какой ужас! В одной комнате с парнем! Который еще ее преследует!

– Аделаида Николаевна, вы не беспокойтесь, Вадим хороший, он ничего плохого Тане не сделает.

– Уже сделал! Своим наглым вторжением в ее жизнь!

Татьяна отняла трубку у Муравьевой, поняв, что той с мамой не справиться, и заверещала в трубку.

– Мам, так случайно получилось. Я перебрала немного, и Лена пригласила меня к себе. А тут уже был ее брат. Ничего такого. Мы с ним даже не разговаривали.

Вадим громко усмехнулся, отвернувшись. Татьяна с Муравьевой впились в него глазами.

– Возвращайся. Дома поговорим, – приказала мама и бросила трубку.

Татьяна набрала в грудь побольше воздуха и долго его не выдыхала. Осадок остался нехороший.

– Мне кажется, она не поверила, – заметила Муравьева.

– Все равно спасибо тебе, что подыграла, – Татьяна улыбнулась сквозь грусть.

Вадим смотрел на нее прямо и в то же время как будто мимо. И потому деться от этого удручающего «мимо» было некуда. Татьяна поднялась, чтобы собраться, не хотелось заставлять злую маму ждать дольше, чем требовалось.

Татьяна завидовала Муравьевой в том, что ей не нужно ни перед кем отчитываться и никому врать, а Муравьева призналась, что завидует Татьяне, ведь ее кто-то ждет, беспокоится, где и с кем она ночевала и почему так вышло. У одной была свобода, сопровождаемая одиночеством, у другой – зависимость от одного человека. И это их сблизило.

Пока они собирались, Вадим сидел на кухне. Сборы шли медленно. Татьяна непроизвольно или полуосознанно оттягивала момент прощания с ним и разговор с мамой, а Муравьева просто скучала. Татьяна предложила вместе поехать на такси, но та захотела прогуляться. Стольким временем она не располагала, хоть всеми возможными способами и старалась его растянуть: то надевала платье не той стороной, то колготки, несколько раз переодевала бюстгальтер, пытаясь усадить его идеально, потом долго расчесывала волосы, смотрясь в зеркало.

Муравьева уже закончила и спокойно ее ждала. Говорили ни о чем. Муравьева, обычно молчаливая, здесь все время норовила поболтать. Она что-то спрашивала у Татьяны про маму, про планы на будущее, пыталась что-то узнать о Вадиме, но все это были вопросы, на которые Татьяна не могла ответить. Или не хотела. И потому не отвечала. А разговор странным образом все равно продолжался.

Татьяна, вызвав такси, застегивала салатовый плащ, пока Муравьева зашнуровывала ботинки. Вадим стоял в проеме кухни, украдкой наблюдая за Татьяной. Снова приходилось прощаться, чего она так и не научилась делать. Такси приехало. Пора было выходить.

– Спасибо за гостеприимство, – сказала Муравьева Вадиму.

– Пожалуйста, – улыбнулся он и, скрестив руки на груди, уперся плечом в косяк двери.

Татьяна тоже чувствовала необходимость что-то сказать, но считала, сегодня благодарить его не за что. Он ведь сам настоял, чтобы она поехала к нему. Только стало жаль, что они так и не поцеловались. «Интересно, жалеет ли он об этом сейчас?» – задавалась она вопросом. По его внешнему виду Татьяна не могла этого определить, но в целом не было похоже, чтобы он вообще о чем-нибудь жалел. Муравьева с нескрываемым любопытством наблюдала за обоими, едва заметно улыбаясь. Наконец, Татьяна решила сказать ему просто «Пока». Вадим ответил тем же. И через секунду они покинули квартиру.

Солнечный ветер обдул лицо и придал свежести. Они попрощались у подъезда и разошлись в разные стороны. Муравьева ушла под арку, а Татьяна села в такси.

Впереди снова ждал тяжелый разговор. На этот раз, действительно, тяжелый. Она готовилась к худшему, чувствуя ужасную усталость от того, что приходится врать, что нельзя того, другого и третьего, что она должна даже от собственных чувств отказываться по велению мамы. Это казалось весьма затруднительным, если вообще выполнимым. Как бы Татьяна ни твердила себе, что Вадим – бармен, бесперспективный и никчемный, с которым у нее не может быть будущего, который, по общему правилу, должен оказаться пустым, ограниченным и похабным козлом, это не могло уложиться в ее голове. Ведь он не был таким. Даже допустив, что это всего лишь пелена влюбленности, Татьяна не могла представить, что он может стать таким. Она вспомнила, как он смутился, увидев ее сегодня в одной футболке. Похабный козел бы не вел себя так. И не было похоже, что Вадим притворялся.

– Как ты смеешь мне лгать?! – крикнула мама, не успела Татьяна захлопнуть входную дверь. – Разве я учила тебя лгать, да еще так нагло?! Заслужила я такого отношения? Скажи!

Она драматично закинула голову, прикрыв глаза рукой, при этом оттопырив безымянный палец и мизинец. Одета была не по-домашнему, одновременно строго и вычурно. На голове красовался пышный начес, но на ногах еще были тапочки, самые любимые, со львом. Татьяна догадалась, что мама собиралась на свидание.

– Нет, – просто ответила Татьяна, покорно склонив голову, и приготовилась стерпеть любое наказание.

– Тогда почему ты мне так нагло врешь? Почему ты меня не слушаешься? Я что, тебя плохо воспитала? Неужели я все силы на тебя потратила для того, чтобы ты загубила свою карьеру, путалась со всякими барменами, а потом еще и врала мне?!

Лицо ее лоснилось от крема и маски, но сквозь блеск начинала проступать краснота гнева и злости. Глаза сверлили Татьяну, как две буровые установки. По ощущениям больно было так же.

– Ну? Как ты теперь выкрутишься? Что еще придумает твоя больная фантазия? – мама с вызовом скрестила руки на груди. – Облегчу тебе задачу. Даша мне все рассказала. Что нет у Муравьевой никакого брата и никогда не было. Что вы специально пошли в тот бар, где этот бармен работает. Что она видела, как он сажал вас обеих в машину пьяными под утро.

«Вот ведь подлюка!» – сокрушалась Татьяна, будто только Даша была корнем всех ее бед. Придумывать ей ничего теперь не хотелось, и не было смысла, поэтому она выложила все

как на духу. Рассказала, как познакомилась с Вадимом случайно в баре и как он ей помог. Как Даша хотела подставить Муравьеву, из-за чего они вместе и оказались у Вадима дома. Как боялась сказать правду. Уже плача, пыталась до матери донести, что Муравьева не заслуживает обвинений, что она узнала ее лучше и что предпочла бы дружить с ней, чем с Дашей. Татьяна пыталась рассказать и о Вадиме, что он тоже не такой плохой, как мама думает, но не успела.

– Хватит! Еще скажи, что ты в него влюбилась! – мама сама осеклась и вонзила ошарашенные глаза в лицо Татьяны. – Это же не так?

– Нет, – коротко ответила Татьяна, вытирая глаза от слез.

– Куколка! Ну, пойми же ты, что я не назло тебе все это делаю, а во благо! Ты меня сама потом отблагодаришь. Уж я-то знаю. Сколько примеров таких. Я сама обожглась! И не желаю тебе такой боли.

– Да, да, ты рассказывала уже много раз, – перебила Татьяна, не желая слушать в очередной раз долгие истории о далеких знакомых, которые живут в счастливом браке по расчету уже много лет, а все эти любовные приключения, особенно с барменами, заканчиваются страданиями.

– Ну вот! Ты же все это сама прекрасно знаешь, Куколка! Ну, даже если ты влюбилась, это мимолетно, – мама вдруг смягчилась, распустила руки и обняла ее крепко. – Все быстро пройдет. У тебя возраст такой, Куколка. Ты влюбилась в первого встречного лишь бы влюбиться. Встретишь другого, получше, тоже влюбишься.

Татьяна понемногу успокаивалась. Мама целовала ее в макушку и то сжимала, то разжимала объятия. Немного потряхивая ее за плечи, чтобы взбодрить, приговаривала:

– Куколка, я же о тебе забочусь. Все только ради тебя. Ты просто пока не можешь этого понять, слишком юна и наивна.

Татьяна подумала, что, действительно, обладает слишком ограниченным опытом, чтобы смотреть в перспективе на собственное будущее.

Они обнялись еще раз. Мама простила ее и за непослушание, и за ложь, но без наказания обойтись не могла в воспитательных целях, поэтому период без интернета был продлен.

Потом она ушла на свидание, ничего не сообщая, но у Татьяны больше не было предположений, куда еще мама могла собраться в воскресенье днем такой нарядной. Татьяна проводила ее, закрыв дверь изнутри на задвижку, и отправилась в свою комнату. Она поставила проигрываться диск с мультфильмом, который взяла у Вадима, и плюхнулась на кровать лицом в подушку.

Раздался звонок. Пришла домработница и принесла письмо. Мама всегда просила ее проверять почтовый ящик и чистить его от рекламного мусора, а домой приносить только то, что было похоже на важные письма. Татьяна удивилась. Она приняла конверт и внимательно его рассмотрела.

– Я не смогла определить, спам это или нет, – сказала домработница, снимая верхнюю одежду в прихожей.

– Да, не похоже, спасибо, – быстро ответила Татьяна и ушла в комнату.

Конверт был стандартный, почтовый, со встроенной маркой по России. Ни имени, ни адреса отправителя указано не было. ФИО и адрес матери написали от руки. Татьяна недолго думала, вскрывать его или нет, ибо любопытство затмило разум. В конверте оказались вырванные из клеточной тетради листочки. Текст автор выводил вручную дрожащим почерком. Татьяна и не знала, что кто-то в век информационных технологий пишет рукописные письма. Это заинтриговало ее еще больше, и она, не мешкая, прочитала его.

«Здравствуй, Деля!

Да, знаю, что ты обзовешь меня старым дураком, нелепым романтиком, надоедливым поклонником, но мне нравится писать тебе письма. Именно от руки. Так раскрывается душа. И мне становится легче.

Хочу поздравить с нашей юбилейной несбывшейся годовщиной. Знаю, я опоздал на три месяца. Я слал тебе письма все эти годы, стараясь не опоздать ни на день, но в этом году я специально решил подождать. Если я правильно рассчитал, твоя дочь уже окончила академию. Мы ведь из-за этого расстались. Восемь лет и три месяца! А я все такой же авантюрист! Пытаю свое счастье, надеясь, на чудо, хотя жизнь, конечно, постепенно превращает меня в прагматика, каким всегда была ты.

Уверен, Куколка выросла чудесной балериной, красивой женщиной, лучшей дочерью. Жаль, что я не видел, как она взрослеет. Я и по ней скучаю. Она, конечно, уже и не помнит меня».

На этом моменте Татьяна попыталась покопаться в чертогах памяти, но перед ней возникла только темная бездна. Она и понятия не имела, кто это мог быть. У мамы всегда было много знакомых, часто приходили гости, каждый из них играл с ней в детстве. Нет, даже если она и помнила его внешне, не смогла бы определить, кто именно написал письмо. Потому продолжила читать.

«Если тебе вдруг станет интересно, то у меня все неплохо. Бизнес растет. Тьфу-тьфу-тьфу. Тук-тук-тук. Уже практически без моего участия. А ты в меня не верила. Здоровья пока хватает на основное. Остальное не стоит упоминания.

Я давно научился жить без тебя, да так привык, что теперь не представляю, как может быть иначе. Мне даже страшно, а что если... ты вдруг ответишь? За восемь лет, разумеется, надежда должна была иссякнуть до конца, но я такой оптимист... Моя душа всегда наполовину полна надеждой. Поэтому я и достаю тебя этими письмами-поздравлениями с праздником, которого никогда не было.

Мне каждый день хочется тебе столько всего рассказать, а как сажусь писать, так слова покидают меня, словно устаревшие ненужные воспоминания. Пожалуй, я для тебя тоже лишь устаревшее, ненужное, стертое воспоминание.

Прости. Пока.

С любовью, Д.».

Татьяна перечитала это письмо несколько раз. Оно ее тронуло, задев самые голые участки души. Письмо было написано как в романе. Эта история легко сошла бы за сюжет современной мелодрамы. Она сжалилась и над этим несчастным поклонником, и над мамой. Наверняка это не был просто фанат. Он говорил о воспоминаниях, о любви, той самой, которую все постоянно ищут и так часто теряют. Татьяна удивилась, что этот человек не смог забыть маму за восемь лет. И до сих пор писал такие романтические письма, от руки, старательно, искренне. Он указывал, что они расстались из-за Татьяны, ее поступления в академию, но она не понимала почему. Она ведь им не мешала. Мама никогда даже не знакомила ее со своими ухажерами, если такие и имелись. «С чего она решила, что я буду против? А как бы я отреагировала восемь лет назад?» – спрашивала себя Татьяна, махая письмом как веером.

Ей стало обидно за маму, что она даже не попыталась сохранить свои отношения, даже не спрашивала Татьяну об этом. Была так нацелена сделать из нее балерину, что пожертвовала любовью всей своей жизни. Татьяне захотелось узнать, что мама чувствовала, получая такие письма. Может, как раз после их прочтения она и жаловалась на одиночество, напиваясь.

Сжалившись и чувствуя вину, Татьяна решила, что должна пойти хотя бы на такую маленькую жертву ради мамы – хотя бы отказаться от Вадима. Она это твердо решила, но решение не принесло никакого удовлетворения.

Когда мама вернулась, Татьяна вручила ей письмо, виновато признавшись, что прочитала его, чтобы проверить, не спам ли это. Мама, даже не открыв конверт, опешила. Глаза вышли из орбит и пристально смотрели на почерк, которым были выведены ее имя и адрес. Она узнала, от кого письмо. Слезы, застывшие в глазах, говорили о том, что она его ждала. Не обращая внимания на Татьяну, мама схватила конверт и закрылась в своей комнате. Татьяна решила

ее не беспокоить и тоже закрылась в своей. Только слышала потом, как мама наливала себе вино, чокалась бокалом о бутылку, что-то бормоча, и пила в безмятежном одиночестве, горько заливаясь слезами.

Глава 8. Стихия

Все важнейшие контрольные мероприятия были пройдены. И хоть Татьяна завершила их не без труда и не совсем по совести, она все равно была счастлива. Счастлива, что все закончилось. Ей казалось, с этим и прекратятся ее мучения: постоянная боль, насмешки и замечания, необходимость кому-то подчиняться и ежедневно выполнять изнурительную работу. Хотя все вокруг, наоборот, вбивали ей в голову, что самое трудное еще впереди. Но до выпускного у них оставалось немного времени перевести дух.

Муравьеву уже ждали в Мариинском театре, том самом, на сцене которого они играли выпускной спектакль. Даша устроилась туда же. Близняшки Лиза и Вера мечтали покорить столицу. А Татьяна не знала, что ей делать со своей жизнью. Предложения ей никакие не поступали. Впрочем, она и не ждала.

Теперь, когда свободного времени стало больше, чем необходимо, Т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.